

Легенда для взрослых Размышления о потаённом живом

Майя Быкова

Глава 1: Литературные прообразы - «Поднимите мне веки!»

Я попытаюсь пересказать одну историю, которая давно не дает мне покоя. Мое повествование будет перемежаться авторскими свидетельствами.

Итак, доктор Джеймс Хардкастль, заболев, решил переменить климат и уехал на дальнюю ферму. Он попал в мир известковых холмов, карстовых провалов, пещер и штолен, в которых когда-то добывали камень.

«Я стоял у входа в расщелину... когда Армитедж (местный житель) пересек поле и подошел ко мне.

— Ну, доктор! — воскликнул он. — И вы не боитесь?

— Не боюсь? Но чего же? — удивился я.

— Страшилища, которое живет тут, в пещере...— И он показал большим пальцем на темный провал.

До чего же легко рождаются легенды в захолустных сельских местностях! Я расспросил, что же внушает ему такой страх. Оказывается, время от времени с пастбища пропадают овцы, и, по словам Армитеджа, их кто-то уносит. Он и слушать не стал, когда я высказал мысль, что овцы могли убежать и, заблудившись, пропасть в горах». Все весьма разумные предположения доктора были отвергнуты упрямым. В то же время убедительный довод, что Армитедж слышал из пещеры рев какого-то зверя, в свою очередь не остановил внимания доктора Хардкастля. Пока... он сам не услышал то же. Лишь тогда слова местного жителя обрели правдивую окраску. Хардкастль предпринял несколько вылазок к расщелине. И отметил, что кусты у входа в нее выглядят так, словно через них действительно продиралось огромное животное. Однажды он заметил, что один из многочисленных клочков шерсти, валявшихся возле пещеры, измазан кровью. И, наконец, он решился...

«Большая часть пещеры была усыпана обломками скал или покрыта твердой корой известняка, но именно в этом месте с высокого свода капала вода, и тут образовался довольно большой участок мягкой грязи. В самом центре его я увидел огромный отпечаток, глубокий и широкий, неправильной формы, словно след от большого камня, упавшего сверху. Но нигде не было видно ни одного крупного камня; не было вообще ничего, что могло бы объяснить появление загадочного следа. А отпечаток этот был намного больше следа любого из существующих в природе животных и, кроме того, только один, а участок грязи был таких внушительных размеров, что вряд ли какое-либо из известных мне

животных могло перешагнуть его, сделав лишь один шаг. Когда, изучив этот необычайный отпечаток, я взгляделся в обступившие меня черные тени, признаюсь, у меня на миг замерло сердце и задрожала рука, державшая свечу». Не буду пересказывать, как герой, пытаясь перешагнуть ручей, оказался в воде, в результате чего свеча погасла, коробок со спичками промок, и сушить их пришлось под мышкой. Для меня куда интереснее, что наконец-то сквозь сон, смеживший веки, он услышал уже знакомый ему звук, совсем не походивший на человеческий голос! Затем послышались чьи-то шаги. Они звучали совсем рядом. Затем раздалось бульканье, будто кто-то лакал воду. Шаги стали удаляться. Донесся громкий всплеск воды: очевидно, живое существо перебралось через поток и удалилось.

«Долгое время я -лежал на скале, скованный ужасом. Я думал о звуке, который донесся до меня из глубины ущелья, о страхах Армитеджа, о загадочном отпечатке на грязи, а теперь вот только что окончательно и неопровержимо подтверждалось, что где-то глубоко, в недрах горы таится диковинное страшилище, нечто ужасное и невиданное. Я не мог представить себе, какое оно и как выглядит. Ясно было лишь, что оно гигантских размеров и вместе с тем очень проворно. Бессонница, ночные гипотезы и размышления привели его в местное отделение полиции. Инспектор записал историю в толстую книгу и с самым серьезным видом поблагодарил доктора. Но не успел тот выйти за Порог, как услышал взрыв хохота. Вне сомнения, инспектор рассказывал о приключении Хардкастля.

«От диковинного зверя не осталось и следа, не было и пятен крови, которые бы указывали, что моя пуля (испущенная-таки в третий раз. — М, Б.) попала в него, когда он убегал. Кроме моего бедственного состояния еще отпечатка на грязи, в пещере не было ничего, НТО могло бы подтвердить мой рассказ...

Ученые и образованные люди, вроде доктора Джонсона, могут смеяться надо мной, но местные фермеры ни разу не усомнились в моей правдивости». Вот и вся история.

Написана она в начале века. В жанре рассказа. Если читателя заинтересует, о каком звере шла речь, он может обратиться к первоисточнику — Артур Конан Дойль «Ужас расщелины Голубого Джона». Ясно одно: речь шла о существе, ведущем потайной образ жизни, трудность для исследователя состояла еще и в том, что это было ночное животное. Как сказал бы современный информированный читатель — о криптозоологическом объекте.

Описание его в этом конкретном случае, к сожалению, не имеет никакого значения, ибо это воистину художественный образ (размер с десяток слонов, полное отсутствие кормовой базы — не десяток же овец в сезон для такой туши! И так далее...). Важно другое. Все приведенные подробности полностью характеризуют психологический аспект человеческого поведения в аналогичных случаях. Автор рассказа предвосхитил даже реальный факт нетерпимого отношения общественности к подобной же истории, произошедшей в 1958 году с гидрологом А. Г. Прониным на Памире. Тогда встреча с неведомым науке животным («снежным человеком») настолько не понравилась некоторым ученым, что они направили гидролога к отечественному мистеру Пиктону... Была даже организована «проверка» чрезвычайного случая, но... почему-то без главного действующего лица — самого Пронина...

Если бы сегодня кто-то попытался подробно описать, пусть с меньшим талантом, чем Дойль, перипетии человека, ищущего криптозоологический объект, то он обязательно перечислил бы те «же моменты, которые пережил доктор Хардкастль. Все, все знакомо идущим на контакт с такого рода животными! Сначала находят следы жизнедеятельности, чаще всего отпечатки ног или лап, неизбежно ощущают парализующий страх, даже не обязательно при встрече глаза в глаза. А чего стоит испытание насмешками со стороны тех людей, которым ты доверился, не мог не довериться! Одни тебя высмеивают в силу нигде не реализованной насмешливости характера, другие не желают даже выслушать (не говоря уж о том, чтобы помочь), а

представители, как они себя называют, «научных кругов» проявляют олимпийскую невозмутимость — самая неуязвимая позиция!

Но зато ты встречаешь полное понимание населения — оно-то и само обладает подобными знаниями.

В. Гуминский в комментариях ко второму тому («Правда», 1984 г.) пишет: «Своеобразие гоголевской повести оказалось непонятным современной писателю критике, привыкшей к иным, более условным формам (Выделено мною. — М. Б.) сочетания достоверного и фантастического». Он же приводит мнение С. П. Шевырева из рецензии на «Миргород», в состав которого входит «Вий»: «В начале этой повести находится живая картина Киевской бурсы и кочевой жизни бурсаков; но эта занимательная и яркая картина своею существенностью как-то не гармонирует с фантастическим содержанием продолжения». Далее Шевырев отметил, что видения Хома «не производят ужаса потому, что они слишком подробно описаны».

В цепи чертовщины, среди демонологической вакханалии, которую можно отнести в разряд истинно писательской выдумки, Хома Брут вдруг услышал, как «раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь он был в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землей ноги и руки. Тяжело ступал он... С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное...».

Вот и все, повторилась обычная для нас характеристика человекоподобного животного, не считая фантастических век, которые не более, чем дань жанру. В самом деле, должно же хоть что-то отличать Вия буквально от мужика...

Перечитываю и думаю: отчего же так страшно мне и Хоме вопреки Шевыреву? Да именно оттого, что все реалистично, просто, «как в жизни». Вот ведь хоть и начальник гномов, но весь в земле!

А что, если рассмотреть его «вне служебного» положения? Есть ли аналогия в отечественной сказочной иерархии? Конечно, есть. Это, например, мордовские дячка Най-Най и его подруга вирява. Живут они в норах, тела их грузные и корявые, покрытые волосами, лохматые и землей припорошены... А как быть с такой приметой — «лицо было на нем железное»? Есть у нас и такое. Недавно прочла прекрасное эссе И. Бунина — о медведях на севере России, где зверя так и зовут: Железная Шерсть. То же — и о лешем.

Слышала и я в Западной Сибири о человекоподобном лохматом (диком мужике) в золотой кольчуге да с золотым лбом. Очевидно, огненно-рыжим был тот волосатый незнакомец. В Средней Азии есть даже для этих существ свое название, и переводится оно как «медные пли золотые когти, медный лоб» и т. д. Не менее важно для нас и то, что встречали их там на природе лет тридцать назад — почти в наше время. Так что думать, будто такая характерная деталь, как «лицо желтое», обязывает носить реальную маску, реальную кольчугу, не приходится.

Думается, у каждого, даже у кажущегося на первый ВЗГЛЯД абсолютно мифическим, персонажа есть прототип. Есть некто, кто стоит за образом, созданным воображением пишущего. И даже у каждой приписываемой ему черты характера есть аналогичная — в природе.

Для читателя-абсолютиста можно найти в произведениях художественной литературы портреты таких героев, которые говорят о прямых родственных связях их с Виём. Внешне вроде мужик мужиком и даже начальник нечисти, а все же зверь либо та же нечисть. В сороковые годы мой знакомый Павел Кравченко, позднее работавший в «Огоньке», жил на Чукотке. Там он избирался секретарем райкома, и по долгу службы да и наработанным навыкам он чаще всего был в пути. Изъездил всю окрестную тундру. Так вот он рассказывал, что иногда получал информацию, от которой невольно стремился оградить себя. Речь шла о так называемом тэрыкы. Меня тогда еще не волновали криптозоологические проблемы, но скупые намеки на существование одичавших обволосенных людей запомнила, хотя так и не собралась записать впечатления очевидца. Не записала и самих странных рассказов.

А ведь однажды в чуме, затерянном в чукотской глубинке, секретарю райкома предложили рассмотреть тэрыкы поближе, но ему такое приобщение к тайне обитателей тундры показалось нескромным, да и ненужным. И прошел человек образованный, очень начитанный и мимо того чума, и мимо открытия. А я возвращаюсь к мысли, изложенной выше. Нет уж, коли не заражен ты лихорадкой поиска, то инерция жизни сама не позволит случаю нарушить твой покой, оградит от возможного открытия, и ничто, выходящее за рамки здравого смысла, инструкций и собственных твоих обыденных представлений о мире всего сущего, не коснется тебя, нелюбопытного.

Юрий Рытхейу дал повести о тэрыкы подзаголовок: «Современные легенды». Эпиграфом он взял слова старинной чукотской легенды: «...и тогда, отчаявшийся и измученный, потерявший человеческий облик, несчастный, унесенный на льдине в море, превращается в тэрыкы — покрытого шерстью оборотня...»

То есть, повстречав обволосенного * человекоподобного, в тех краях так и думают, что это оборотень. А иначе кто же? На стойбище его даже опекает чья-нибудь семья, у которой близкого унесло штормом в море. Нередко обволосенному, дикому найденышу или пришельцу дают имя погибшего.

В одном месте Чукотки тэрыкы привечают, а в других взаимоотношения с ними строятся на агрессии.

Итак, во время охоты на нерпу ледяной припай оторвало от берега, и герой повести Горгой оказался пленником моря. Льдина таяла, а человек тем временем превращался в тэрыкы. Ну а дальше все взаправду, как это обычно и бывает, — ужас людей, неправдоподобное поведение и невероятный лай собак, боящихся тэрыкы, чувствующих его силу. И хотя автор хорошо знает, что «тэрыкы не умеют говорить», он все же разрешает герою повести объясниться с любимой, ибо в ином случае не состоялось бы художественное произведение. Нечто похожее происходит и в книге Жозефа д'Арбо «Чудище из Ваккареса».

Повесть написана от лица пастуха Жака, повстречавшего в 1417 году в солончаках Камарги (юг Франции) последнего фавна (пана), оставшегося от древних, еще языческих времен.

Сам д'Арбо закончил факультет права в Эксе, покинул родовой замок в Авиньоне и ушел от мира цивилизации, поселившись в пастушеской хижине в малолюдном краю голой земли. Здесь и появились на свет и интересовавшие нас страницы. Автор награждает своего таинственного героя, можно сказать героя экзотического, — фавна — не только способностью говорить, но и рогами (правда, одним, другой деликатно сломан), копытами. А в остальном... в остальном все, как всегда, — описание, начиная с реакции людей, собак, лошадей и кончая отношением фавна ко всему живому, выглядит, как достаточно большой и подробный опросный материал по реликтовому гоминоиду! Да еще пропущенный через ЭВМ наипоследней модели...

Герой-пастух проходит, проживает последовательно один за другим все этапы отношения человека к фавну.

«Я чувствовал, что не сумею открыться ни осторожнейшему отцу аббату, ни нашему почтеннейшему кюре. Нет, даже в тайной исповеди. Страх подавляет все мои чувства, смыкает мне уста. Если я свободно расскажу обо всем, что меня преследует, меня примут за сумасшедшего. Да и живем мы в те времена, когда члены Церковного суда не отличаются снисходительностью и когда от всяких чудес пахнет костром. И хоть нет ни ворожбы, ни бесовства в том, что мне известно, — я в этом совершенно убежден, — все же страх мой был слишком велик».

Разве ход этих мыслей не напоминает рассуждения и всего того, что произошло с героем Артура Конан Дойля?

И первая встреча пастуха Жака с необычным существом выглядела так, как выглядят аналогичные встречи и по сей день: «...вдруг она (лошадь по кличке Лунная. — М. Б.) резко отскочила в сторону, подкинув меня в седле, а затем резко вернулась на тропу, и я заметил удиравшее и скрывшееся в кустах существо, которое я в темноте не успел как следует разглядеть... Лунная,

взъерошенная и насторожившаяся, чуть ли не на каждом шагу становилась на дыбы от страха и все фыркала до самого порога моей хижины».

Затем началась охота за следами — со всеми сопутствующими такой охоте перипетиями. Правда, пастуху в этом отношении легче, чем человеку любой другой профессии, ведь он с одного взгляда классифицирует след, а также вес и силу животного, оставившего его, и даже темп движения.

И наступил момент встречи: «...волосы мои под шапкой встали дыбом, а по спине заструился холодный пот, и я принужден был схватиться за гриву лошади, чтобы не упасть: у повернувшегося ко мне зверя было человеческое лицо... Я вполне убежден, что до сих пор не переживал ничего подобного.

Но мало этого. Я почувствовал зловонное дыхание на своем лице и подскочил в седле от отвращения и ужаса...»

Крестное знамение не помогло Жаку, чудище не рассеялось, как туман!.. Оно было двуного! Оно шагало по-человечески...

Физиологические проявления человека, как когда-то, так и столетия спустя, во всех подобных случаях однозначны: зубы стучат, волосы шевелятся, пересохший язык немеет и делается шершавым, как дерево, дрожь сотрясает тело, как при лихорадке. Все это у разных героев разных авторов повторяется, описание того, с кем они встречаются, остается практически неизменным, как бы типовым.

А каким же был лоб у фавна? Бронзово-смуглым, — отвечает нам и Жозеф д'Арбо.

Свою запись о потрясших его событиях повествователь начинает оправдывать: «...я пишу не ради пустого размышления... а лишь для того, чтобы поведать... другим, более способным, чем я, истолковать их».

Подобные размышления закономерны и сегодня. И совсем уж убеждающая достоверность — пробуждается чувство нежности, о котором упоминают в конце концов почти все соучастники необычных встреч, все, кто воочию видел не открытого наукой зверя.

Желание самому разобраться в тайне природы привело пастуха Жака Рубо Конопатого на пир глубоко пережитых им ощущений! Он увидел феерическое зрелище — ночной хоровод диких зверей и бычьих манад, предводительствуемых фавном. Это надо прочесть! Самому. Ибо оказывается, что ты многого не знаешь. О многом не подозреваешь.

Но человек так устроен, что не может оставаться один на один со своими заветными мыслями, знаниями, i"градациями, фактом приобщения к тайне. Социум приучает обладателя неординарной информации поделиться ею с живущими рядом. Но поделиться — означает представить доказательства. А доказать — значит предать...

Д'Арбо поставил знак равенства: умер великий пан, и человек разорвал узы, связывающие его с космосом. Гибель каждого вида растения или животного ведет к невосполнимым утратам.

Удалось ли хотя бы одному автору объяснить читателю такой невероятный образ, приоткрыть завесу его становления? Удалось. Хотя сделал это, Всеволод Иванов, к сожалению, не завершил самого произведения. И тем не менее нет цены этой приоткрытой дверце в лабораторию писателя.

Всеволода Иванова волновала тема Великого морского змея. Она многонациональна и неистощима. Рассказы о нем возникают периодически, и прокатываются волной с такой же скоростью и хаотичностью, как и о реликтовом гоминоиде. За одной из попыток, написать предисловие к фантастическим рассказам стоит реальный образ и реальный случай, происшедший с самим автором весной 1952 года в Коктебеле.

Прежде всего писатель упоминает о превратностях погоды в то время — холод, дожди. Наконец, 14 мая наступил безветренный теплый день. Иванов отправился на прогулку, надеясь собрать выброшенные морем в непогоду камешки. На скале в ущелье Гяур-Бах он привязал веревку и спустился по ней в Сердоликовую бухту. Выкупавшись, поев и закупив трубку, решил отдохнуть повыше, где была закреплена веревка. Оттуда стал наблюдать, как в бухте

дельфины охотятся за кефалью. Далее следует удивительно точный, емкий рассказ об увиденном.

Итак, приводим все по тексту автора, опуская лишь повторы.

«Дельфины стайкой двигались по бухте влево. Должно быть, туда передвинулась кефаль. Я перевел глаза вправо и как раз посередине бухты, метрах в 50 от берега, заметил большой, метров 10—12 в окружности, камень, обросший бурыми водорослями. В своей жизни я много раз бывал в Сердоликовой бухте. Бухта не мелка, глубина начинается шагах в десяти от берега, а этого камня в середине... я не помнил. От меня до» этого камня было метров 200. Бинокля со мной не было.

Я был одним из немногих миллионов людей, которому суждено было увидеть это чудовище. Наше воспитание, не приучившее нас к появлению чудес, тотчас начало мешать мне. Я начал с мысли — не галлюцинация ли это? Нащупал горящую трубку, затянулся, посмотрел на скалы и еще раз вынул часы. Все это мешало мне наблюдать, но в конце концов я подумал: «Ну и черт с ней, если галлюцинация! Буду смотреть».

Чудовище, извиваясь, так же, как плывущие змеи, не быстро поплыло в сторону дельфинов. Они немедленно скрылись...

Угнав дельфинов и, может быть, не думая за ними гнаться, чудовище свернулось в клубок, и течение понесло его опять вправо. Оно снова стало походить на коричневый камень, поросший водорослями.

Отнесенное до середины бухты, как раз к тому месту или приблизительно к тому, где я его увидел впервые, чудовище снова развернулось и, повернувшись в сторону дельфинов, подняло вдруг над водой голову. Голова в размер размаха рук похожа была на змеиную. Глаз я по-прежнему не видел, из чего можно заключить, что они были маленькие. Подержав минуты две голову над водой — с нее стекали большие капли воды, — чудовище резко повернулось, опустило голову в воду и быстро уплыло за скалы, замыкавшие Сердоликовую бухту. Я посмотрел на часы. Было без трех минут час. Я наблюдал за чудовищем сорок минут с небольшим. Справа поднимаются скалы очень крутые, и в соседнюю бухту попасть было невозможно. Я поспешно пошел домой».

Мария Степановна Волошина, являющаяся хранительницей всех коктебельских преданий и обычаев, рассказала, что в 1921 году в местной феодосийской газете была напечатана заметка, в которой говорилось, что в районе горы Карадаг появился «огромный гад» и на поимку... отправлена рота красноармейцев. О величине... не сообщалось. Дальнейших сообщений о судьбе «гада» не печаталось. М. Волошин послал вырезку о «гаде» М. Булгакову, и она легла в основу повести «Роковые яйца». Кроме того, М. С. сказала, что в поселке тоже видели «гада»... недавно, а знает подробности... жена искусствоведа.., которая живет в Коктебеле безвыездно.

Н. Габричевская рассказала следующее:

— Ранней весной этого года... соседка... колхозница, переехавшая сюда недавно с Украины, прибежала, проклиная эти места. Недавно была буря... На берегу же после бурь находят плавник. Колхозница и пошла собирать дрова... в направлении мыса Хамелеон. Не доходя до оконечности мыса, она увидела на камнях какое-то большое бревно, с корнями, оборванными бурей. Очень обрадовавшись находке, она бросилась бегом к камням, и, когда почти вплотную подбежала к ним, бревно вдруг дернулось, то, что она считала камнем, приподнялось и она увидела огромного гада с косматой гривой. Гад с шумом упал в воду и поплыл в направлении Карадага. Колхозница уже не помнила, как дошла домой. Возле Карадага, в Отузской долине, имеется биологическая станция. Сам я туда не ходил, так как считал видение малодоказуемым.

«В 1986 году уже было под 80, шла в том месте, где спуск к скале. Скала эта у самой тропы, в нескольких метрах от моря. Там тихое, нагретое место. Там «оно» и спало. Варвара Кузьминична, приняв «гада» за нагромождение хвороста, чуть на него не наступила. Животное проснулось и подняло голову. «Боже мой, такая маленькая головка, глаза на меня вытаращило. Головка

маленькая, шея тоненькая, а дальше — спина, как столб толстая. Высоко-высоко поднялась головка. Встало оно надо мною, ударило хвостом, когда вставало...» Женщина отступала, отмахиваясь веревкой. «А как стала на него махать, оно начало разматываться, как клубок. Сколько там метров, не знаю. Потом оно пошло к морю».

«Оно», по утверждению информатора, имело нижние и верхние конечности, «руки—ноги». И голос: «Запищало «пи» (издало звук, подобный пisku). Записано все это Н. Лесиной со слов внучки Зозули— Любы Печерикиной, которая тогда в ответ на жалобы Варвары Кузьминичны, сразу же хотела пойти с ней на мыс Мальчин, но та была физически и морально не в состоянии. Люба нисколько не сомневалась, что «гад» реальность. Она боялась, что его уничтожат, и старалась никому об этом не рассказывать. Сама не раз ночевала на Карадаге в надежде на встречу. Когда она повзрослела и стала работать инструктором по туризму, то иногда рассказывала о «гаде». Так что разговоры о коктебельском чуде какие-то были. В ответ она получила историю москвича, геолога Промтова, как он видел в Стене Лагорио (дайка) чудище — огромного змея. Он называл его то «удавом», то «полозом», но размер... отличался от нормального. Писатель И. Ефремов, с которым Люба была дружна, верил в реальность коктебельских «гадов» и сам много рассказывал ей о подобных животных.

Совсем недавно — в 1967 году — Людмила Сегеда, гуляя осенним вечером со щенком в Арматлукской долине, переступила через бревно... Пройдя вперед, она услышала за спиной шум и всплеск. Оглянувшись, увидела, что из одного маленького водоема в другой (разделены земляной перемычкой) переползает огромный змей, толщиной с бревно. Голова его была в одном водоеме, а хвост в другом. На месте же, которое она только что переступила, бревна уже не было...

Далее Б. Ф. Поршневу так комментирует повествование: «Хотя Тургенев вел рассказ к тому, что он тотчас избавился от ужаса, как только узнал от пастухов, что это сумасшедшая (общеизвестно, что ни заболевания такого рода, ни жизнь в экстремальных условиях не может привести к обволашенности тела человека.— М. Б.), которую они уже тридцать лет (!) подкармливают, его память удивительно сохранила реальность, несовместимую с толкованием: рыжее существо смахивало на обезьяну, на самку гориллы, на человекоподобного зверя, оно не обладало даже подобием речи. Мы уже знаем, с кем он повстречался: с обыкновенной русалкой. А испытанный им ужас — это был «панический ужас», т. е. ощущаемый при встрече с паном». Новелла напечатана в полном -собрании сочинений.

Применил ли когда-нибудь Тургенев знание о необычном в природе в своем творчестве? В рассказе «Бежин луг» природа вплотную на мягких лапах подступает к ребячьему костру. Мальчикам все известно, понятно в этом мире, и его тайны — не книга за семью печатями. И русалка, и леший, и водяной — составные части природы — рядом, в нескольких шагах от костра. Почему же страшно говорить обо всем этом?

Поражают детали, конкретные знания: «Леший не кричит, он немой», — роняет Илюша, которому на вид не более двенадцати лет. В примечаниях к т. I издания «Художественная литература» 1975 года приведено: «В ответном письме Е. М. Феоктистову, который видел в «Бежином луге» «бездну удивительных подробностей», каких не встречалось «даже у Гоголя», и хотел, «чтобы над всей этой картиной» возник «какой-нибудь фантастический характер», Тургенев возразил: «...Я вовсе не желал придать этому рассказу фантастический характер...»

В романе «Сто лет одиночества» Г. Маркеса описано много колдовских дел, мифических животных. Меня привлекло такое:

«...В тот день пекло так сильно, что птицы теряли ориентировку и на всем лету, как дробинки, влеплялись в стены или, пробив металлические сетки на окнах» умирали в спальнях. В каждом дворе устроили западню. И через некоторое время загадочный пришелец был пойман. Две недели спустя... Петру Котес и Аурелиано Второго разбудил среди ночи доносившийся из соседнего

двора жуткий плач, похожий на мычание молодого бычка. Когда они вышли посмотреть, что случилось, толпа мужчин уже снимала чудовище с острых кольев, вбитых в дно ямы, прикрытой сухими листьями, и оно больше не мычало. Весило оно, как добрый бык, хотя по величине не превосходило мальчика-подростка; из ран сочилась зеленая вязкая кровь. Тело его было покрыто грубой, усеянной клещами шерстью и струпьями, но в отличие от исчадья ада, виденного священником, части этого тела походили на человеческие... Труп подвесили за щиколотки к одному из миндальных деревьев на площади, чтобы все могли на него посмотреть, а когда он начал разлагаться, сожгли на костре, ибо невозможно определить, кто этот выродок, — животное, которое следует бросить в реку, или христианин, заслуживающий погребения».

Глава 2: Герои сказок и несказочной прозы

Реликтовый гоминоид — интернациональное создание, так сказать, продукт коллективной психики населения земного шара. Это один из тех объектов исследования, которые только на первый взгляд не вписываются в рамки допустимого, объект, который предположительно сумел стать научным достоянием этнографов, филологов, лингвистов всех стран под разными именами, но не зоологов. Его можно найти в сказках и несказочной прозе среди преданий, а также быличек и бывальщин. Именно этим жанровым категориям очень повезло, они начинаются со слов реалистичных: однажды я вышел ночью..., когда я проснулся..., тут я дотронулся до него... В них события развиваются не только во времена бабушек и дедушек, но и вчера и даже сегодня. Мысль о том, что мифология не так уж однопланова и прямолинейна, как это кажется на первый взгляд, была четко выражена и обоснована Б. Ф. Поршневым в научно-популярном очерке «Борьба за троглодитов», опубликованном в нескольких номерах (4—7) журнала «Грузинские народные предания и легенды» (Наука, 1973 год). Здесь же много примеров, в частности по губерниям России, взято из «Мифологических персонажей в русском фольклоре» Э. В. Померанцевой, также доложенных мною семинару в 1976 году. Начнем со сказки С. Аксакова «Аленький цветочек», где купец забрался в лесные Дебри и вдруг «...вырос как будто из земли перед купцом: зверь не зверь, человек не человек, а так какое-то чудище, страшное и мохнатое, и заревел он голосом диким... У честного купца от страха зуб на зуб не приходил... Раздался по лесу хохот, словно гром загремел...».

Ох, как страшен «лесной зверь, чудо морское»! А ведь всего-то шерстью покрыт, а в остальном как человек, даже разговаривает, хотя зверю такого не положено. Ну да герой сказки без речи никому не нужен. Вот он и говорит. Это-то чисто сказочное — дань жанру. А говорит он о заклятии: «...чтобы жить мне в таком виде безобразном, противном и страшном для всякого человека...» Стало быть, понимает — страшен человеку.

Сказку эту рассказала автору в детстве няня Пелагея, но он видел в ней следы прикосновения «разных сказочников и сказочниц». А также сюжет на стыке двух культур — Запада и Востока.

Э. В. Померанцева высказывает интересное предположение, что многие таинственные образы пришли не из сказки в быличку, а, наоборот, быличка обогатила сказку. Хотя именно как жанр она оформилась значительно позже сказки (слыла былью), совсем недавно — в начале века. Это скорее всего случилось потому, что собиратели фольклора терялись перед ее реалистичностью, деталями. В самом деле, что это такое: информатор сообщает, что событие произошло только вчера, когда он ходил по дрова в лес, и он сам увидел лешего. Конечно, такое сообщение хотелось сразу же занести по какому-нибудь ведомству, по любому разряду, лишь бы оно не смущало просвещенный народ. В серии «Сказки и мифы народов Востока» вышла прекрасная книга «Грузинские народные предания и легенды». Замечательный перевод, предисловие и послесловие принадлежат ученому Е. Б. Вирсаладзе. Последние читаются сами по себе, как можно прочитать не каждую книгу, претендующую на художественную. Я позволю привести себе почти дословно все, что меня заинтересовало, во-первых, потому, что это высказано признанным авторитетом, специалистом, во-вторых, это наиболее полное за последние полстолетия с лишним издание и обзор грузинских преданий и легенд. Оно старательно классифицировано и детально оговаривает всё, что может вызвать вопросы у читателей. Заранее прошу прощения у автора за то, что ему самому никогда не приходилось под таким ракурсом рассматривать все эти хорошо известные ситуации и образы.

Итак. Перевести и прокомментировать предания и легенды — рассмотреть основные моменты истории, весь мир понятий, воззрений народа, определяющий своеобразие его характера, его отношения к прошлому и представления о настоящем. Из всех жанров фольклора они наименее изучены, таят в себе еще далеко не выявленные пласты народных знаний и, что самое

важное, редко воспринимаются как жанр художественного творчества. Чаще всего они вспоминаются под влиянием какого-то случая, ассоциативно. Любой специалист предпочтет более устоявшийся материал: сказку, песню, загадку, поговорку. Получить предание или легенду по заказу нельзя. Материал должен прийти сам собой. Осложняется запись преданий также двойственным отношением к ним народа (важное понимание). Подчас для сказителя это уже небылица, подчас же — сокровенное знание, которое он не доверит случайному, хотя и интересующемуся человеку.

В книге отдельным разделом помещены предания о покровителях зверей, вод, леса, скал. Они не выглядят в общем материале ЛИШЬ ПЕРЕЖИТКОМ, а звучат как представления, еще вчера игравшие большую роль в жизни и обычаях народа. По укоренившимся представлениям, хозяин и страж может быть особью мужского или женского рода. В Хевсурети сохранилось имя — очопинтре. Оно связано с языческим божеством Бочи. Своеобразным кавказским Паном рисуется очо-кочи (дословно человек-козел). Это косматое существо, у которого на груди заострение типа топора (заметьте, типа, а не буквально топор, как записывают некоторые исследователи).

В Менгрелии Дали зовут ткаши-мапа, она тоже красавица. Только в заговорах Дали сбрасывает свой прекрасный облик и восстанавливается в истинном облике. Она предстает страшилищем с кровавыми волосами и глазами, даже с вывернутыми задом наперед ногами.

Жители Западной Грузии, Имерети, рассуждая о каджи-мужчине, говорят также о женщине под именем цкалис-али, называемой так потому, что она пребывает исключительно в воде. Водяная всегда белого цвета, встречается человеку у реки.

Чинка — предположительно от джинн — человекоподобный, обитающий в доме или в заброшенных строениях, мельницах, замках.

«Работая в горных районах Грузии, — пишет Е. Б. Вирсаладзе, — мы не раз встречались с фактами веры в реальность существования дэвов». Разве можно найти что-либо благозвучнее для слуха истинного криптозоолога?

Все это крайне добросовестно рассмотрено человеком, который даже не представляет себе, насколько он, возможно, близок к откровению отнюдь не фольклорного порядка.

Сегодняшние рассказы о джинне выглядят не так общо и сглаженно как в традиционных записях этнографов и фольклористов. Вот рассказ очевидца, уроженца Абхазии, по национальности украинца, профессионального охотника: «О лесном человеке я впервые услышал от своей матери. Раньше их много водилось, а теперь они ушли дальше, в горы, где практически людям нет никакой необходимости бывать. Видеть такое существо мне пришлось один раз, когда мне было 10 лет (1948 год).. Я с товарищем шел по лесу. Мы услышали рев и увидели, что на вершине горы стоит лесной человек — большой, волосатый (волосы черные с синим отливом), сбрасывает с горы камни весом с полтонны. Мы испугались и убежали. Следы этого человека мне удалось, увидеть несколько лет назад (примерно в семидесятом году) в девятнадцати километрах от покинутого жителями селения П. След был человеческой ступни, но только большой, с полметра. Были видны и отпечатки кончиков ногтей, но не когтей. Со следом медведя такой след никак не спутаешь».

Таких записей я могу привести много. Больше всего их относится к сороковым годам.

Предания о волосатых человекоподобных содержат иногда названия мест, где произошла с ними встреча, иногда фамилию очевидца. Причем, если первая часть повествования очень напоминает быличку, то вторая сводит событие к так называемым кочующим сюжетам или ситуациям, переходящим не только из жанра в жанр, но и в пределах одного жанра, как рефрен песни.

Например, 32. Очокочи: Однажды охотник Гуталия шалея за оленями по отвесным вершинам гор. Была счастливой охота у него, убил он оленя. Вечером развел он костер и стал шашлыки жарить. Вдруг перед ним появилось какое-то громадное косматое человекоподобное существо. Не было на нем никакой

одежды, а шерсть стояла дыбом. На груди существа был заостренный выступ, подобный лезвию топора. В руках не держал он ничего. То был очокочи. Сел он напротив охотника у костра и рукой показал (вот случай, когда правдоподобность ситуации побеждает жанровую принадлежность — необходимость говорить! — М. Б.), что он голоден. Гуталия поделился ужином со странным гостем...

Или 34. Дед и каджи: В один теплый летний день дед с внуком отправились в дремучий лес, растущий на горе, называемой Персатис мта, так как гора принадлежит селению Персати. Когда стало смеркаться, дед захотел искупаться. Вот и пошел он с внуком к сажалке. Только они разделись и вошли в воду, как вдруг возле них появился клыкастый каджи и начал купаться с ними...

Или 36. Чинка и огонь: Однажды дворянин Ани (уже тогда отношение к очевидцам было щадящим! — М. Б.) ехал верхом НОЧЬЮ. К нему подсел сзади чинка мужского пола, которого тот, не теряя присутствия духа, совершенно хладнокровно связал поясом, привез домой, бросил в пустой ВИННЫЙ кувшин, зарытый в землю, и закрыл...

Интересно предание 37. Прирученный дэв: Род Нараани в Хаде обитал издревле. Приручили они дэва. Однажды косили они сено на горе. Взялся, оказывается, дэв ночью и перетаскал на вершину горы все стога. Подумали про себя почтенные люди: «Что бы ему не наверх, а вниз перетаскать то сено!» На вторую ночь все перетащил он вниз, говорят.

Кормили они его хорошо, и помогал он им постоянно в работе. Сварят, бывало, ему пищу и у очага, в тепле, в золе схоронят, как в прежние времена делали, говорят. Так хранили ему пищу. Как уснут все, придет он ночью, достанет и ест себе на славу. Нарат-дэвом его звали по роду Нараани, что его приручили.

Так вот, № 32 и 34 заканчиваются кочующим вариантом. Что это такое? Это тот случай, когда, опасаясь ночной расправы со стороны пришельца, человек догадывается устроить ему ловушку. Например, возле костра всаживает кинжал рукояткой в землю, лезвием наружу, затем его прикрывает буркой. Сам прячется за скалу, за дерево и наблюдает. Как только пришелец выскакивает из лесу, мигом его взор приковывает бурка, и либо он сам наваливается на лезвие, либо охотник стреляет ему в спину. Конечно, громадным прыжком существо скрывается меж деревьев, ибо не так просто его убить, даже в случае поражения и пуль и кинжалом.

В наши дни распространен сюжет сказочной прозы, связанный с вынужденным пребыванием обычной женщины в логове такого существа. То ли ее похищают, то ли она попадает туда случайно, заблудившись.

Но, становясь спутницей его, она непременно рождает детеныша по типу человеческого. Затем начинает мечтать о побеге. Выбрав удобный момент — бежит с детенышем, ее догоняет зверь. И она вынуждена оставить детеныша, то ли бросаясь в озеро, то ли забираясь в лодку. Существо подбегает к оставленному. Хватает его и, наблюдая за удаляющейся женщиной, со страшным криком разрывает малыша. Такие рассказы я слыхала в Ханты-Мансии, попадают они и в письмах читателей. События относятся к сороковым—пятидесятым годам, причем не только к нашей территории, но и к зарубежью. С этим еще предстоит разобраться. Ибо в случае подробного рассказа находишь черты индивидуальные.

Но вернемся к данным специалистов. Поверья о леших издавна привлекали русских исследователей. Уже в конце XVIII и в самом начале XIX века исследователи мифологии славян не только упоминали лешего как одного из наиболее распространенных образов «древнего баснословия», но и указывали на общность представления об этом славянском демонологическом существе с мифическими образами других народов (например, с античными сатирами).

Русские рассказы о лешем были всегда широко распространены. Собиратель П. Птицын отмечал, что и Орловской губернии «ходит масса рассказов про леших». Тенишеву из Калужской губернии сообщили, что леший живет во всяком большом лесу». «Существует много рассказов среди мужиков, кого, когда и как леший пугивал», — писал корреспондент из Вологодской губернии.

Свидетели допускают наличие рогов и козлиных ног у лешего, объясняя это тем, что он все-таки нечистый. Он может менять рост в зависимости от местности, по которой идет. Если он в лесу, то его рост приравнивают к высоте деревьев, если по лугу — то вровень с травой. Есть и конкретизация: «Сама, батюшка ты мой, видела, такой большущий, пребольшущий. Шляпа на нем большая такая, широкая» (Новгородская губ.).

Аналогично свидетельство, записанное мной в деревне под г. Крюково Московской области. Оно совпадает в деталях. Здесь трое взрослых свидетелей ночью видели двух огромных мужчин, ростом выше деревьев. В шляпах. Другой корреспондент из Новгородской губернии сообщает, что дедушка лесовой — огромный старик с длинной седой бородою, в белом с широкими рукавами балахоне, большого роста, но может показаться очень маленьким.

Леший меняет облик, пугает людей хохотом, бьет в ладоши, уносит детей, заводит путников. В Смоленской губернии лесовик — с большое дерево, в другом рассказе — высокий с белой бородою в высоком колпаке, с кнутом, которым пощелкивал. Как не вспомнить в связи с навязыванием головного убора, что в с. Поной (Кольский полуостров) на берегу Белого моря местное население называет это существо Чонкаппер, что буквально означает «востра шапка» (В.В.Чернолуцкий, «В краю летучего камня»). Уже говорилось, что установка несказочной прозы одна — на достоверность. Рассказы о леших сводятся к одному — рассказ о встрече. Вроде: «Еду верхом по лесу. Вдруг увидел большущего мужчину, который захохотал на весь лес и пропал». Или: «В лесу привиделся мужчина в длинной белой рубашке «да как захохочет» (В. М. Смирнов. Сказки Костромской обл., 1900—1920).

Есть записи коллективных встреч с лешим. Такой рассказ прислан с Севера о том, как он пугал молодежь, ночевавшую во время сенокоса в лесу. «Идет кто-то да гайкает, да свишшит». Увидали сперва черну собачку, а потом кого-то в белой рубашке, «смотрит, смотрит, да как захохочет. Только по лесу покатилося. Потом повторилось и пошло опять той же дорогой. Пошло и пошло и ушло». (Архивы Пушкинского дома). В сборнике Ончукова «Северные сказки» (СПб., 1909) приведены многочисленные сведения охотников о том, как леший уводил из деревни девок и детей. (Вспомним записи В. Пушкарева по Ямало-Ненецкому округу, записанные как от хантов, манси, так и от русского населения.) Один охотник у Ончукова, например, встретил на мосту лешего, выстрелил в него «на испашку», а тот «загряял да потерялся». Встреча с гоминоидом, кончающаяся выстрелом, почти никогда не дает возможности произвести осмотр тела, так как, будучи даже смертельно раненым, он чаще уходит от преследователя.

В. Перетц («Деревня Будгоща и ее предания», 1894) зафиксировал случай о том, как леший ночью стучался к лавочнику (подобные сведения есть по США, когда сасквач стучится в избушку лесорубов).

Очень распространены былички о том, как леший, чаще всего в виде старичка, подсаживается на сани или на телегу. При этом лошади останавливаются, усилия кучера не могут их сдвинуть с места. Однако не успел кучер сказать: «Что такое, господи», как лошади рванулись... старичка как не бывало. (Аналогии поведенческого плана можно найти в грузинских быличках, легендах и преданиях, там очокочи вскакивает на лошадь позади всадника.)

Есть такие записи у В. Пушкарева о Якутии (речь идет об оленьей упряжке).

В бывальщинах нет того непосредственного ощущения ужаса перед раскрывающимся во время рассказа миром неведомым, как в быличках. Леший в них — человечнее, обыкновеннее, ближе и к повествующему и к слушателю.

«Леший вместе с пастухами ест кашу, выпрашивает кусок хлеба, с ним можно договориться, задобрить его». Помните, пережитый Тургеневым ужас сменился полным успокоением, как только пастушок отогнал существо обыкновенным кнутом, объяснив, что оно реальное и что пастухи его уже давно подкармливают (В. Ф. Поршневу, «Борьба за троглодитов»)

В Орловской губернии рассказывали, что во время бури, метели не только по ночам, но и в полдень дети лесового выбегают играть, а лесовиха следит за ними из-за кустов.

Э. В. Померанцева пишет: «Это скорее человек: живет лешней, ходит с собакой, женат, имеет детей». Таково мнение специалиста, не ведающего о наших размышлениях. В заговоре, который должен произноситься при желании мирного знакомства с лешим, упоминается его сходство с человеком: «Дядя леший, покажись не серым волком, не черным вороном, не елью жаровую — покажись таковым, каков я». (Я. С. Ефиненко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. М., 1978.)

Д. К. Зеленин в «Очерках русской мифологии» (Пт., 1916) приводит запись из Владимирской губернии, где леший говорит о себе: «Я такой же человек, как и все люди, на мне только креста нет».

Бывальщина норовит свести любой рассказ на смешное, отдаляя ощущение ужаса на задний план. В Вологодской губернии, по свидетельству одного из корреспондентов Тенишева, крестьяне говорили: «Было время, годов 20 или 30 тому назад, не проходило ни одной ночи, чтобы не помстился леший. Нельзя было выйти вечером или рано утром в лес на охоту: то поет песни, то лает собакой, то кричит птицей и перемещается всякими манерами, а то еще заведет куда-нибудь, что и не выйдешь... А ныне его совсем даже не слышать, если и случится, то совсем редко и то перед каким-нибудь несчастьем!»

«Перевелась ныне эта погань, — замечает информатор из Пензенской губернии, — вот деды рассказывают что в те поры, когда и лесов было больше и болот с трясиными, так и не ходи лучше ночью в лес, повстречает тебя дрянь-то, да и все тут». Желание не показаться смешным, суеверным, несовременным приводит к тому, что рассказчик вторую половину (оправдательную) своего повествования приводит к благополучному, все объясняющему концу. Так, в 1958 году В. Н. Басиловым в Воронежской области записано: «...пьяный шел вечером домой и будто кто дернул. Я назад оглянулся, а он, лохматый, ползет на четвереньках». Информатор детально повествует, как испугался, как пытался молиться, а потом дает разрядку напряжения: «А это ребята в ночное ездили, шубу вывернув, надели». Часто буквальные вопросы собирателей рассказов о леших вызывают недоумение и смех, рассказчику сегодня легче назвать подобное описываемому существо не лешим, а лесным человеком, непонятной обезьяной, а то и вообще несколько неопределенно.

В 1975 году опубликована достойная внимания статья Ю. Лощица «Лесные страхи». В ней говорится, что даже вполне современному человеку не всегда все ясно в лесу, не всегда спокойно, особенно непонятна смена настроений. Позволю себе привести довольно объемную выдержку: «Но сегодня-то какой, казалось бы, страх (в лесу)? Зablудиться в наших принерльских лесах трудно. Волчья пара, запущенная пару лет назад в соседний лесхоз с санитарными целями, на людей еще вроде бы не нападала. Про лесных разбойников тоже не слышать. Ведь не лешего же им в конце концов бояться, нашим женщинам, в избе у каждой из которых стоит телевизор?

Но, впрочем, отчего бы и не лешего? Вон ведь, прекрасно я помню, как несколько лет назад, когда еще бабушка Ксения в лес выходила, повела она нас впервые на Шипихино болото. И по дороге рассказывает:

— Приковыляла я это на край болота, а он с Другой стороны посвистывает. Я стою, а он все бродит, посвистывает. Ну, думаю, ладно, я к тебе туда не пойду, хоть ты иссвистись, окаянный. Я себе тут, с краешку, ягоду наберу.

— А кто же это был, бабушка?

— Как кто, он сам и был — леший...

И бабушка Ксения поглядела на нас с улыбкой. И радость превосходства была в ее улыбке: хоть и ветхая она старуха, но оказалась мудрей лесного свистуна.

Странная это, загадочная и неопределенная область — лесные страхи. Мне не стыдно признаться, что сам я нередко испытываю в лесу страх, более или менее заметный, и не только ночью, но и иногда среди бела дня. И от многих своих знакомых знаю, что такое бывает чуть ли не с каждым из нас. Слегка

подсмеиваясь над собой и недоуменно пожимая плечами, говорили мне об этом мужчины завидного здоровья физического, люди с крепкой нервной системой, умеющие проявлять решительность и отвагу в делах, затрагивающих судьбы больших современных производств и коллективов».

Далее автор пишет, что все эти рудиментарные, казалось бы, элементы антропоморфного мышления давно уже истолкованы тем будто бы, что на самых ранних и наивных стадиях человек только и делал, что всего боялся.

«Но так ли оно было на самом деле? Ведь не боится же своего леса вся живая тварь... Почему же существо, однажды ощутившее себя в лесу человеком, вдруг всего забоялось? Что-то здесь не то. Страх возникает от незнания, от неопределенности».

А определенность, знаемая в старину, забыта. Она была. Так, крупный русский бытописатель и знаток природы П. И. Мельников (А. Печерский), описывая ветлужские и вятские леса второй половины XIX века, места между реками Унжей и Вяткой, берега притоков левого берега Волги — Линды, Керженца, Ветлуги, Кок шаги, пишет:

«Зимой крещеному человеку в лесу и окаянного нечего бояться. С Никитина дня вся лесная нечисть мертвым сном засыпает: и водяник, и болотняник, и бесовские красавицы чарус и омутов — все до единого сгинут, и становится тогда в лесах место чисто и свято... На покой христианским душам спит окаянная сила до самого вешнего Никиты (5 сентября, весенний — 3 апреля), а с ней заодно засыпают и гады земные... Леший бурлит до Ерофеева дня (4 октября), тут ему на глаза не попадайся: бесится косматый, неохота ему спать ложиться, рыщет по лесу, ломит деревья, гоняет зверей, но как только Ерофей-Офеня (4 октября, ев Иерофея, в народе зовут именем Е.-О.) по башке лесной его стукнет, пойдет окаянный сквозь землю и спит до Василия парийского, как весна землю парить начнет (12 апреля). (Собрание сочинений в 8 томах, г. 2. Библ. «Огонек». Изд. «Правда», М., 1976. В лесах; книга первая, стр. 210—211). Хороша нежить, даты жизни и «деятельности» которой расписаны, как в календаре!

Вот сообщение семидесятипятилетнего Егора Акимовича Яковлева о событиях 1909 года возле деревни Коробово Андреевского района ныне Смоленской области. Было ему в ту пору 10 лет. Взял его с собой отец в лес в сумерки, чтобы стащить несколько вязанок дров, заготовленных для помещика. Выбрали вязанку на большой поляне. Чтобы незаметно было, решили отправиться еще в одно место. Услышали шаги. Решили, что лесник. Замерли. У одного края поляны дрова сложены, возле них они и притаились. А на противоположную сторону поляны из лесу вышел «чело век» ростом метра 2,5 «раздет», волосат, лицо страшное. Поняли сразу оба, что перед ними лесовик (так называли существо на Смоленщине). Вначале отец попытался его несколько раз перекрестить трясущейся рукой, но, увидев, что тот не растворяется, бросил эту затею.

Мальчик стоял за спиной отца, потянулся было рукой к топору, привязанному к поясу сзади, но тот углядел и угрожающе стал подступать. Мальчик был вынужден отказаться от своего намерения. Долго разглядывали обе стороны друг друга. Отец пришел в себя первым и говорит: «Если ты добрый человек, то подходи к нам, дам покурить, а ежели лесовик, то уходи поскорее». Тот в ответ что-то пробормотал невнятное и вскоре удалился. А отец с сыном быстро возвратились домой. В семье у них все были здоровы, галлюцинациями никто не страдал.

Когда Егору Акимовичу пришла пора жениться, невеста попалась ему незаурядная — была из той же деревни, что и он, и с ней произошел выходящий из ряда вон случай в девичестве. Пошла она осенью одна по грибы. Набрал лукошко, уже возвращалась домой, когда ее остановил детский плач. Она сошла с тропинки, раздвинула кусты и увидела... маленького ребенка, который лежал на пучке пожухлой травы. Он был немного обволочен (мы можем сравнить с новорожденными детенышами обезьян), лицо было страшненькое. Преодолев отвращение, она взяла его на руки и стала качать. В это время почти бесшумно раздвинулись кусты и девушка увидела перед собой

лесовую. Та по-деловому подошла, взяла малыша правой рукой, прижала к себе, левой рукой подхватила траву и степенно удалилась. Девушка, забыв о лукошке, бросилась со всех ног домой.

Неужели это фантазии на тему лешего? Это уже не традиционная быличка!

«В водяных верят так же, как в свое собственное существование, — писал в конце XIX века тамбовский краевед А. П. Звонков, — передают при этом целую массу «бывальщин», «оказий» и «страхов» (Л. П. Звонков, «Очерк верований крестьян Елатомского уезда Тамбовской губ.», 1889).

О водяном говорят заговоры, пословицы, былины, сказки, а прежде всего бывальщины и былички. Образ его подобен лешему: их сходство отмечается почти все-1Н исследователями. В. И. Даль писал о водяном по народному представлению следующее: «Это нагой старик, весь в тине, похожий обычаями своими на лешего, но он не оброс шерстью, не так назойлив и нередко с ним бранится («О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа». СПб., 1880).

Есть сведения и о волосатых вариантах. А. Колчин, описывая «Верования крестьян Тульской губернии» («Этнографическое обозрение», 1899), сообщает: «Видом своим он подобен лешему, только шерсть на нем очень лохматая и белого цвета». Далее — «образом своей жизни он вполне подобен... лешему».

О водяных, что они «отвратительного вида и смешиваются в народных поверьях с лешими», писал Дм. Шеппинг («Мифы славянского язычества», 1859). В поверьях восточных славян он изображался чаще всего безобразным голым стариком — косматым, одутловатым, покрытым тиной, с большой бородой и зелеными полосами (И. В. Довнар-Запольский, «Белорусы». Киев, 1909). Справедливости ради следует заметить, что в научно-популярной литературе встречаются сообщения о животных, ведущих смешанный образ жизни (на суше и в водоеме), в шерсти которых поселяются водоросли. Такие сведения поступали, в частности, о белом медведе. Это можно увидеть и в Московском зоопарке.

Водяной (омутник, болотняник) пугает, топит, разгоняет, выпускает из невода рыбу, разоряет плотины, затягивает в водную глубину жертвы. Даже там, где полагают, что водяные сжились с людьми и существенного зла им не приносят, все же считают, что «рассердясь за что-нибудь, водяной прорвет плотину или угонит рыбу» (А. Н. Трунов, «Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной». «Записки Российского географического общества», 1869). Или же, несмотря на все свое благодушие, так расшалится, что испугает насмерть. В исключительных случаях он покровительствует рыбакам, пчеловодам и мельникам. Недаром о последних всегда ходят слухи, что они колдуны и знают с нечистым. Но это исключение.

В середине XIX века был издан лубок с изображением водяного, кстати, и лешего тоже. Образы эти здесь ближе к быличкам, чем к былинам или сказкам, так как в подписях утверждается, что это реальные пойманные экземпляры страшных, удивительных существ, «монструмов». В несказочной прозе образ водяного менее изящен и галантен, чем в сказке. Здесь установка на необъяснимость и правду. Типичные былички записаны С. Староверовым в Вологодской губернии от крестьянина Леонтия Никитича, который якобы сам видел водяного и спасся от него молитвой: «Сам черный, вид его наподобие человека... только глаза красные, большие...» Другой раз того же Леонтия Никитича водяной схватил за руку, отчего «остался след пятерни».

А вот уже случай нашего времени. Корреспондент сообщает в ответ на статью Поршнева в журнале «Турист»:

«Я прочитал статью проф. Б. Ф. Поршнева в журнале «Турист» за 1969 год, №6 «Об одном первооткрытии, повторенном много раз» и решил в вашу редакцию написать об одной истории, услышанной мною в 1961 году в городе Щучинске Кокчетавской области от Юрченко Ивана.

В годы войны Иван Юрченко проживал в д. Николаевка, учился в начальной школе. Школа направляла учеников полоть сорняки в колхозных посевах, далеко за деревню, где от полей начинаются болота. Возле болот были сенокосы. Косцы устроили рядом сарай для ночевки, в сарае на нарах стелили

сено. Однажды утром, придя на прополку, ребяташки зашли в сарай и заметили, что на сене остались вмятины от двух фигур огромного роста, видимо, ночевавших в сарае в эту ночь. Ребяташки удивились росту людей, судя по следам на сене, поговорили и принялись за работу. Иван захотел оправиться и ушел с поля к болоту, к кустам. В это время на болоте за кустами он заметил двух неизвестных, которые пристально следили за ним. Иван обратил внимание на то, что неизвестные были черными, на голове у них были длинные волосы, в плечах они были очень широкими. Рост не смог определить, так как мешали кусты. Разглядев их, Иван сильно испугался и со штанишками в руках, крича, побежал к полю, к ребяташкам. Узнав, что кто-то есть на болотах, все вместе побежали в деревню, к коменданту и председателю колхоза. Комендант и председатель, вооружившись наганом, ружьем, с ребятами двинулись к месту происшествия (комендатура в то время существовала для ссыльных). Неизвестные черные люди ушли в глубь болота, в кустарник, и оттуда смотрели на людей, люди рассматривали неизвестных, никто не решался пройти к кустарнику. Мужчины выстрелили в воздух, неизвестные оскалили белые зубы (что особенно бросалось в глаза на черном фоне лица), стали издавать звуки, похожие на раскатистый хохот. По словам Юрченко Ивана: «ляс-ляс-ляс». После чего Ивану показалось, что они присели или погрузились в болото. Больше их никто не видел. В сарае на сене остались следы, видимо, самца огромного роста и самки (меньше размерами, "и можно было рассмотреть большие груди»).

Уже в XVIII веке рассказы о русалках исследователям славянской мифологии представлялись архаическим пережитком. Но, надо отдать им должное, они в то же время отмечали широкое бытование их в простонародье. Так, в «Описании древнего словенского баснословия» М. Попова (СПб., 1752) говорится: «В простонародии и поныне носится об них таковая баснь, что будто видают их иногда при берегах озер и рек, моющих и чешущих зеленые свои волосы, а иных, качающихся на деревьях». То же писал А. С. Кайсаров: «Баснь говорит, что на них были зеленые волосы и что оне чрезмерно любили качаться на ветвях дерев. Этот предрассудок, обновляемый теперь преданьями, так укоренился в уме простолюдина, что сей и теперь еще верит, будто бы видел иногда своих русалок на берегу реки, чешущих зеленые волосы. Конечно, теперь уже. мало таких премудрых людей на Руси» («Славянская и российская мифология». М., 1810). В 1815 году П. Строев констатирует, что сведения о русалках «и поныне еще существуют», а в середине XIX века М. Н. Макаров свидетельствует, что «почти во всех местах великороссийских с самою большою подробностью рассказывают о русалках: «Вы встретите много простолюдинов, которые расскажут вам, как и когда они видели русалок». А. Терещенко (Быт русского народа. СПб., 1848), описывая русский быт сороковых годов XIX века, также подтверждает, что русалки «доселе служат предметом суеверных толков» и что «многие с божбой уверяют, что им случалось много раз видеть русалок».

В материалах Русского географического общества, собранных в основном в середине XIX в., находим множество свидетельств о русалках. В Казанской губернии считали, что во время русальной недели по полям блуждают нагие существа женского пола с длинными волосами, нападают, умерщвляют щекотанием, то же в Калужской, жители которой «весьма важно рассказывают, как русалки на духовской неделе бегают во ржи, качаются на деревьях», аналогичные сведения записаны в Астраханской, Пермской губерниях и т. д. Материалы о русалках можно найти в каждом из трех томов А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». В основе его труда лежали записи, собранные к середине XIX в.

Многочисленные записи второй половины XIX в. подтвердили те сведения, которые Афанасьев приводил в пересказах своих или собирателей.

В конце XIX в. отмечается четкое представление об этих существах. Так, П. И. Шеин («Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края». СПб., 1887) писал, что вера «в существование русалок и их пагубное влияние на человека еще доселе довольно крепка в среде

крестьянского населения Великой, Малой и Белой России», что о русалках «еще до сих пор ходит в народе много преданий и рассказов».

В Калужской губернии бытовало много сведений типа: «Шел по лесу мужик, а оне за ним турятся, все голые, растрепанные. Сотворил молитву... Русалки заголосили и убежали в лес». Здесь же было зарегистрировано, что русалки живут во ржи, когда она цветет и наливаается, а остальное время года пребывают в лесах, но непременно на берегу реки или озера, где купаются и прячутся. Тот же корреспондент описывает их «дьявольскую красоту». Такие же поверья о лесных и водных русалках зафиксированы в Смоленской губернии. Крик их пронзителен, пенье мелодичное, в движениях они проворны и ловки, играют, плещутся водою. Здесь записано, что живут они на окраине леса, выходящего к берегу реки, особо опасны на духовской неделе.

Из Орловщины М. Михеева дополняет образ: «Оне выскакивают из речки, сваливают с лошади, сами садятся на борону и загоняют лошадей». Такие же сведения есть из Пензенской губернии. В Вятской губернии считали, что русалки — «нагие женщины с большими грудями, живут в лесу. Если кинется бежать, то на лошади не догонишь».

Ни одному из «духов природы» не было посвящено такого капитального монографического исследования, как труд Д. К. Зеленина «Очерки русской мифологии». Здесь, описывая суть образа, автор привлекает русские, белорусские, украинские свидетельства. Кроме водяных и леонных русалок, он описывает полевых и даже... домашних. (Нельзя не восхититься исследователем — когда он овладевает обширным и глубоким материалом, становится смелым и решительным!) Свидетельства о безобразии внешнего облика этих существ смущают автора, кажутся ему необоснованными (но зато ставят все на свои места!). Отмечает он и встречи с русалочьими детьми.

Нередко русалка рассматривается как спутник водяного, парой ему, подобно лешачихе. Были представления, что русалки, обычно живущие в воде, после Троицы переселяются в леса и поля.

Русалку называют купалка, водяница, лоскотуха, мавка. Зрительно украинцами и южными великорусами она воспринимается как водяная красавица. У белорусов связана с лесом и полем. У северных великорусов это чаще всего косматые, безобразные женщины с большой и отвислой грудью. Образ нашел воплощение в изобразительном искусстве. В просторечии эти изображения чаще назывались берегинями и фараонками.

У П. И. Мельникова (А. Печерского) читаем: «А через день от честного Семика (10 мая)—«Клечальна суббота» ... В тот день рубят березки, в домах и по улицам их расставляют ради Троицы, а вечером после всенощной молодежь ходит к рекам и озерам русалок гонять. Всю седмицу неделю, что слывет в народе «зелеными святками», шаловливые водяницы рыщут по полям, катаются по зеленой ржи, качаются на деревьях, залучая неосторожных путников, чтобы зачекотать их до смерти и увлечь за собой в подводное царство дедушки Водяного. Всю троичную ночь с березками в руках молодые парни и девушки резво и весело, с громким смехом, с радостными кликами бегают по полям, гоняя русалок, а на солнечном восходе все вместе купаются в водах, уже безопасных от ухищрений лукавых водяниц...»

Встречи с русалкой обычно происходят вечером, ночью, при неверном свете луны, около воды, в лесу. Она показывается, пытается привлечь внимание и исчезает, как бы заманивая. Даже встретившись с ней лицом к лицу, человек лишь иногда успевает разглядеть ее. Она не вступает с человеком в договорные отношения, как леший или водяной, она всегда чужда человеку.

Разновидностью русалок в некоторых местах, например в Калужской губернии, считались опасные «овяточницы». Они некрасивы, с ног до головы покрыты волосами, говорить не могут, только поют без слов и пляшут. Место пребывания их — бани и неосвященные избы. В этой же губернии бытовала быличка о том, как девки в бане встретили святочниц, которые набросились на них и стали «колупать». Спаслись они тем, что рассыпали по снегу бусы, которые святочницы бросились подбирать. Разновидностью русалки считалась мара — страшное растрепанное существо, которое в лунные ночи гремит самопрялкой.

О полевых русалках (полудницах) есть записи на Севере. Есть запись и у меня.

В 1971 г. моя сотрудница Е. Б. рассказала такую историю:

— Мои родители с 1947 года жили (мама и поныне живет там) в д. Исаково Подольского района Московской области (бывш. Калининский район, Михайловское лесничество). Помню рассказ отца о сеноуборке приблизительно в 1957 г., я была тогда школьницей. В полдень в июле разложили сено на просушку на своем участке, на поляне, а сами прилегли возле копны. Отец смежил веки и через несколько минут почувствовал чье-то присутствие рядом, открыл глаза и увидел пробегающую мимо обнаженную женщину, обросшую длинными волосами. Сестра, находившаяся с другой стороны копны, вскрикнула, так как тоже ее увидела. С тех пор в моей семье никто не ходил на просушку сена. Привезут домой его — и раскладывают на дворе. О нескольких подобных встречах рассказывали и отдыхающие санатория, который расположен рядом.

В Ярославской губернии считали, что «полудница» — красивая, высокая, одетая в белое. Многие утверждают, что летом во время жатвы она ходит по полосам ржи и, кто в самый полдень работает, того берет за голову, начинает вертеть и вертит, пока не открутит голову. Показания о навыке откручивания голов, хотя и очень редко, встречаются. В этом обвиняется самый сильный из лесных людей Грузии — мозыль, прибегает он к этому крайне редко, в случае обнаружения его укрытия. Есть такая запись и у меня об Абхазии. Там было две жертвы — пастух и подпасок (50-е годы). Аналоги такого поведения есть в других странах. Так, в №5 журнала «Вокруг света» за 1974 год опубликован материал Э. Белова «Вторжение в Долину безголовых».

Речь идет о канадской провинции Британская Колумбия, о долине реки Саут-Наханни:

...Раннее утро открыло путешественникам Долину безголовых. Она предстала взору довольно мирной, если, конечно, забыть про окутывающие ее покровы легенд, где фигурируют обезглавленные скелеты, сжимающие заряженные ружья. Впрочем, легенды легендами, но факты, взятые из картотеки канадской полиции, свидетельствуют о следующем.

Золотоискатели, ринувшиеся в конце XIX века на поиски нового Клондайка, стали первыми, попавшими в анналы, жертвами долины. Группа из шести человек отправилась по каньону в 1898 году и ... бесследно исчезла.

Вскоре последовала трагедия братьев Маклеодов, после которой, собственно говоря, и пошла мрачная слава долины. В 1905 году Вильям и Фрэнк Маклеоды вместе с... Робертом Виром... отправились в Саут-Наханни на разведку. Три года спустя их скелеты были обнаружены случайным охотником. Все без черепов. Немудрено, что безымянная до той поры долина получила свое малопривлекательное имя. Дальнейшие события лишь закрепили его.

В 1921 году долина поглотила Джона О'Брайена, а год спустя — Ангуса Холла. В 1962 году больше двух месяцев искали с помощью вертолета Блейка Маккензи. Тщетно. Столь же бесследно сгнули в следующем году два старателя — Орвил Уэбб и Томас Папп. В 1965 году экспедиция из трех человек — двух шведов и одного немца — отправилась на каноэ, чтобы «выяснить причину всех этих таинств». Пропала. Никаких следов. Это далеко не полный список жертв канадской Долины безголовых... Каждый погибший был сильным, здоровым человеком, вполне способным при необычных обстоятельствах постоять за себя...

В индейском селении Наханни-Бьютт Финнес разговаривал с одним старожилом. Тот утверждал, что все эти смерти в Долине безголовых — дело рук «сасквачей», так зовется наханнийский вариант гималайского йети, «снежного человека».

В «Описании древнего славянского языческого баснословия» М. Попова о домовом сказано: «Сии мечтательные полубоги у древних назывались гениями, у славян защитителями мест и домов, а у нынешних суеверных простаков почитаются домашними чертями». М. Чулков в «Словаре русских суеверий» писал, «что этот великий неприятель человеческого разума содержал прежде и

ныне часто содержит под своим игом многие народы, не выключая и людей ученых... Верят, что во всяком доме живет черт, под именем домового, он ходит в доме по ночам в образе человека, и когда полюбит которую скотину, то оную всячески откармливает, а буде не полюбит, то скотина совсем похудеет и переведется, что называется «не ко двору».

В рассказах о домовом нет священного трепета, как в рассказах о других тварях, лишены домашние духи и того ореола, который характерен для образов водяного, лешего, русалки. Он живет лишь в несказочной «деловой» прозе, т. е. в информациях, утверждающих несомненность его существования, рисующих его поведение, отношение к людям и скотине, вмешательство в хозяйственную жизнь.

В XIX — начале XX века краеведы, этнографы, любители-корреспонденты с мест не только подчеркивали, что вера в домового общераспространена, но и утверждали, что по народным представлениям он живет в каждом доме. Из Смоленской губернии (И. Гринев) сообщалось, что жилище его — «темные углы, верх потолка, подполье и чаще всего хлевы».

Корреспондент Тенишева Н. Кириллов из Солевычегодского уезда Вологодской губернии писал, что «крестьяне твердо убеждены, что в каждом доме живет домовый, есть он преимущественно в хлевах и поветях (сенниках), но разгуливает и по всему дому. Он у нас называется также «суседом» и «батманом». Многие из крестьян рассказывают, что много раз они слышали, как домовый ходит по хлеву, кормит лошадей и разговаривает с ними».

В Симбирской, Воронежской губерниях говорили о способности его вещевать. Подобные сведения зафиксированы и недавно экспедициями Института этнографии во Владимирской области и в Лудзенском районе Латвийской ССР, правда, исключительно от людей преклонного возраста.

Многие отмечают, что «руки у него шершенатые, такие, как будто овчиной поволочены» (Новгородская губерния). Такие же сведения записаны мной в Дмитровском районе Московской области (события 50-х годов).

Близость домового к черту никогда не акцентируется, даже сознательно ослабляется ремарками: «Домовушка должен быть тот же шишига, то ись дьявол, по крайности прежде был шишигой, а теперь, видится, обрусел» (И. И. Железное. М., 1861, «Уральцы»).

В записях из Вологодской губернии домовый — «небольшой старик, с сердитым выражением лица, кривыми ногами, тело, кроме рук с длинными когтями и лица, покрыто шерстью белого цвета». Видим, что «человеческие элементы зрительного образа домового... преобладают», — пишет Померанцева.

Домовой водит знакомство, а иногда воюет не только с банником и овинником, но и с лесовиком и полевиком. Все эти духи — «близкие и родные или друзья, кумовья». В. Н. Добровольский из Орловской губернии сообщает: «Совсем к другой категории существ принадлежат домовые, хлевники и гуменщики». Те же в сущности, да «одомашненные».

Как пример былички о домовом можно привести следующую: «Лет 15 тому назад мучили меня два маленьких хозяина, малые, как дети, но шерстистые» (Воронежская экспедиция, 1957). Таков же рассказ крестьянина Орловской губернии, который, по его словам, сам видел, как домовый во сне душил его брата («черный, лохматый, здоровый как медведь, на голове шапка», Н. Коновалова).

Домового можно увидеть невзначай ночью возле скотины и не случайно, а преднамеренно — в чистый четверг, придя со свечкой из церкви, на пасху после заутрени, сидящего на чердаке за трубой. Однако смотреть на него можно только поодиночке, а и то рискуя рассердить (Орловская губ.).

Самый подробный рассказ, записанный этнографами о впечатлении от встречи с домовым, — рассказ П. Крупнова (Вологодская губ.): «Вот это я сплю, а на меня кто-то и налег, сначала-то это не могу пробудиться, потом опамятовался да как поглядел, а у меня на груди сидит кто-то с виду и не величек, а как будто десяти-пудовый куль на грудь-то поставлен. Всего-навсего только немного кошки побольше, да и тулово похоже на кошкино, а хвоста нет; голова-то как у человека, нос-то горбатый-прегорбатый, глаза большущие,

красные, как огонь, а над ними брови черные, большие, рот-то широкоуший, а в нём два ряда черных зубов, язык-то красный да шероховатый; руки как у человека, только когти загнулись, да все обросли шерстью, как у серой кошки, ноги-то у его тоже как у человека. Как только я его увидел, то как испугался, что инда пот прошиб».

Однажды в душную августовскую ночь, оставшись в поселке, я спала очень плохо - насекомые буквально изводили меня. Решив избавиться от них, я среди ночи перешла спать на пол подальше от кровати. Таким образом, место моей постели оказалось недалеко от двери возле печки, на которой стояла керосиновая лампа (я оставила лампу зажженной, слегка прикрутив ее). Не успела я задремать на новом месте, как услышала чьи-то шаги и тяжелое дыхание. Я вспомнила, что дверь осталась незапертой, так как я не всегда ее закрывала, зная, что выходная дверь хорошо закрывалась хозяевами.

Почувствовав чье-то присутствие, я повернула голову и увидела перед собой нечто страшное. Он (буду пока называть его так), наклонившись надо мной, схватил край моей простыни и раскрыл меня. Очень испугавшись и не спуская с него глаз, я стала натягивать простыню на себя. Он, отскочив к ногам и таким образом несколько загородив свет, продолжал неоднократно предпринимать попытки, чтобы стащить простыню, а я вырывала ее, пытаюсь прикрыться. Сорвав с меня простыню и отбросив ее, он стал хватать меня за руки и поднимать с пола. Наша неравная борьба продолжалась недолго, хотя помню, что за это время я успела очень устать... Вместо криков о помощи я только ойкала, но достаточно громко, потому что спавшая за стеной хозяйка услышала.

Существо действовало беззлобно, молча и не очень грубо, не причиняя мне сильной боли. Чувствовалось, что борется он без особых усилий, как бы шутя, но без улыбки, с серьезным спокойным лицом. Во взгляде его огромных глаз чувствовалось любопытство, он с интересом разглядывал меня... Ему удалось схватить меня за руку и рывком поднять с пола. Однако я успела ори этом ударить его сильно ногой, после чего он вдруг отступил и исчез за дверью так же неожиданно, как и появился. В это же время за стеной отчетливо был слышен скрип кровати и голос проснувшейся хозяйки. В страшном испуге и смятении я бросилась к двери и накинула крючок. Оставшись одна, я продолжала трястись от перенесенного кошмара и как будто онемела, боясь подать голос. Понемногу успокоившись, увидела отброшенную в сторону простыню. Болели руки и ноги от ударов об его тело...

Как же выглядел этот пришелец? Конечно, если бы он имел облик обычного человека, я не испугалась бы так сильно, так как не из робкого десятка. Но страх овладел мною потому, что увидела при свете лампы нечто странное, страшное, нигде и никогда не виденное мною, я даже не слыхала ни о чем подобном. Это было какое-то существо, по телосложению соответствующее человеку, но только очень крупного роста. Широкий в плечах, с большими мускулистыми руками и ногами он был без одежды. Все тело его было покрыто шерстью, однако не свисающей клочьями, а покрывающей тело густым невысоким покровом. Окраска не темная, светло-коричневого оттенка. На груди и ногах шерсти несколько больше, чем на ладонях. Крупная, но соответствующая росту голова покрыта курчавыми темными волосами (как у негров). Длинные ли волосы сзади я не видела, так как вообще не видела его спины. Лицо не было страшным, оно имело черты молодого человека, но также покрыто небольшой шерстью. Не было у него ни усов, ни бороды. Огромные черные глаза выделялись на этом лице. По размеру они значительно больше, чем у человека, но взгляд их не был злым. Я просто не могу описать их выражение, но только у человека я никогда не встречала такого взгляда и таких глаз... Помню, что мне страшно неприятно было прикосновение его рук, покрытых шерстью...

С трудом дождалась утра, и когда услышала, что хозяйка вышла доить корову, осмелилась, наконец, выйти из комнаты. Когда я рассказала хозяевам о том, что произошло ночью, они не были удивлены. По их мнению, ко мне приходил «домовой», который живет у них на чердаке, и они иногда слышат, как он

ходит. Но они не сказали, что видели его когда-нибудь... Хозяева еще предупредили меня, что «домовой» так просто не приходит... Но мне больше никогда не доводилось встречать подобное существо. Я вскоре выехала из того поселка и никогда больше мне там не приходилось бывать. Объяснения про «домового» не убедили меня, так как я понимала, что хозяева пожилые, малограмотные люди и наслышаны о «домовых» от своих бабушек.

Что это было за существо? Откуда оно появилось и куда исчезло? Такими весьма трезвыми и материалистичными вопросами задается современный человек с высшим образованием.

А вот ощущения современного, хотя и малограмотного человека. Причем в очень, казалось бы, традиционной ситуации — на него навалились и душат. Иная женщина и глаз разомкнуть не решилась бы, а современная находит в себе силы рассмотреть, и очень подробно. Рассказывает рабочая хлебопекарни А. С. Ткачук, проживающая в Кременчуге (запись Р. Г. Сварчевского):

— 23 февраля 1961 года примерно в 18 часов вечера (уже стемнело) после смены я засыпала. Вдруг почувствовала, что кто-то давит мне горло. Я открыла глаза и увидела возле себя страшное существо, которое меня душило. Возле моего лица сантиметрах в тридцати находился и смотрел на меня кто-то с лицом, похожим на человеческое, только весь волосатый. На лице возле черных глаз волосы были несколько короче. Я сразу подумала, что это черт, но рогов у него не было. Я схватилась руками за его руки. Кисти рук были короткие, с человеческими пальцами, они больше были похожи на руки, чем на лапы. На руках была шерсть, как у обезьяны, были они теплые. Окраска шерсти темно-каштановая. Местами цвет более темный, местами светлее, вроде как вылинявшая или свалявшаяся, вообще шерсть торчала в беспорядке во все стороны. Существо было видно мне немного выше пояса. Размеры его в плечах соответствовали размерам ребенка 5—6 лет. Я с силой пыталась оторвать от горла его руки, но существо было сильнее меня, и руки его еще сильнее сжали мне горло. По силе его рук и незначительной бороде на лице (меньше, чем козлиная) я поняла, что это существо мужского пола. Я не разобралась, стояло ли оно у кровати или сидело на ней возле меня. Своей волосатой грудью оно сильно давило мне на грудь. Я была в ночной рубашке, одеялом не была накрыта, так как в комнате было хорошо натоплено. Примерно с минуту мы смотрели в глаза друг другу, я слышала и ощущала его дыхание у своего лица. Выражение его лица было искажено от усилия. Я не могла кричать, так как горло мое было по-прежнему сдавлено. Когда я поняла, что оторвать его руки от моего горла не удастся, то перестала сопротивляться. Оно сразу же отпустило горло и исчезло.

Двери в комнате были закрыты, печь топилась, было непонятно, куда оно делось. После его исчезновения, парализованная страхом, я не могла кричать. Больше ни разу это существо передо мной не появлялось. Люди, которым я рассказала о нем, только посмеялись. Не этого я ожидала от них. Да и не привыкла к насмешкам — не было причин. В 1940 году моя няня Матрена родом из Днепропетровской области рассказала мне то, что можно назвать быличкой, я помню ее и по сей день. Когда Матрене было 10 лет (она была старшая в семье), родители поехали с вечера на ярмарку (сами они жили в маленькой деревушке). События происходили в двадцатые годы. В семье было семеро детей. Вначале они играли спокойно, а потом, как это всегда бывает без взрослых, что-то не поделили, кто-то заплакал, вспомнили, что родители уехали, заплакали все. Время было позднее. Матрена не смогла их утихомирить. В это время в сенях раздался скрип, будто кто-то спускается по лестнице, ведущей с чердака. Потом отворилась дверь — и перед детьми предстало существо необыкновенное. Это был вроде бы и «дядечка», да какой-то странный. Лицо некрасивое, но никто не испугался. Был он без одежды и тело его было покрыто волосами. В руке он держал кусок вяленого мяса, которое всегда висело на чердаке. Он подошел к каждому из малышей, отрывая по кусочку мяса и одаряя каждого. Потом он вышел. Опять проскрипели ступеньки. Дети, съев мясо, уснули, сбившись в одной кровати. На следующий день вечером вернулись родители. Дети вначале загадочно

молчали, но потом не вытерпели и рассказали о случившемся. Им объяснили, что это был домовый и что его бояться не следует. В 1942 году мне рассказали о случае, произошедшем в 1908 году в маленькой деревушке под Полтавой. Муж М. М. работал в Полтаве и часто возвращался оттуда за полночь. Однажды в конце лета в пятницу перед приездом мужа она кончила побелку где-то к 22 часам, принялась за приготовление ужина. Выяснилось, что дома нет соли. Решила сходить к соседке. Вся деревушка состояла из двух рядов домов. Разделены были они утоптанной широкой дорогой. Вышла М. М. на дорогу. Была лунная звездная ночь. Она сразу увидела невдалеке человеческую фигуру, направлявшуюся в сторону именно того дома, куда она шла и из окон которого мерцал огонек. Перейдя дорогу, она остановилась, как бы интересуясь, кто это идет, не из своих ли? И, подняв голову, встретилась с красными глазами этого существа. Ее передернуло от ужаса, тут она догадалась взглянуть на туловище и ахнула: все тело было волосатым. Меньше всего волос было на лице. Окраска волос была серовато-грязная. Потом, когда она рассказывала, то, уточняя, сравнила эти волосы с буйным мхом. Постояли немного, посмотрели друг на друга, и существо, ничего не говоря, пошло дальше. С большим трудом, тогда двадцатилетняя женщина, оторвала приросшие к земле ноги, едва переставляя их, добралась к дому, в который шла. Света в окошке уже не было. Сколько времени прошло, она не представляла. Громко постучала, потом заколотила в дверь, ей открыли, удивились, что так поздно, но, взглядевшись, поняли, что произошло нечто ужасное, ввели в дом.

Конечно, во всех таких рассказах есть внутреннее понимание главным действующим лицом, что смертельного исхода не будет. И, правда, в конце концов, почувствовав усталость «жертвы», существо прекращает игру-борьбу и уходит. А иначе скольких бы не досчитались к утру?

Среди записей этнографов последних лет есть категорические утверждения истинности странного происшествия: «Есть и есть леший, хочешь верь, хочешь нет» (Беломорская экспедиция, 1968). В сказочной прозе содержание всегда важнее формы, поэтому специалистами предпринята попытка классификации по сюжетам.

Приведу принципиально важные подразделения по элементам поведения описываемых существ, представляющих интерес для меня (по Померанцевой).

Леший принимает образы: простого человека, человека огромного роста, человека (или животного) в шерсти. Леший крадет детей. Пастух знает с лешим. Леший боится (я бы сказала, не терпит): ругани, креста, молитвы. Охотник знает с лешим, рассказав о лешем, гибнет.

Водяной принимает другие образы. Похищает детей и взрослых. Человек обманывает водяного, сделав свое чучело. Водяной не дает ловить рыбу, угоняет лодку, пугает, качает, развязывает невод. Водяные сидят ночью на камне, на плоту, ходят у реки.

Русалки, сидя у реки, расчесывают волосы гребнем.

Полевик, полудница принимают образы человека в белом, простоволосой женщины, маленького человечка. Водят, манят.

Домовой принимает образ простого мужика, старика, черного страшного человека (в шерсти). Домового можно увидеть в хомут. Домовой ночью в доме давит человека, иногда наносит ему физические увечья. Его видят возле скотины, крадет детей, ночью пьет молоко. Банник принимает образы: проезжего человека, косматых людей, подменивает или похищает ребенка.

Гуменник, овинник, подовинник, рижый принимает образы старика, человека в белом, волосы до пят.

Предложенное вашему вниманию сообщение объективно. Приводимые информации разнородны и неоднозначны, как неоднозначно и их восприятие. Преднамеренно не дан анализ отдельного показания, чтобы выдержать непредвзятость.

Каждый в меру своей начитанности по теме (а может быть, и опыта полевой работы) по-разному воспринял приведенные сведения, и каждого заинтересовали какие-то только ему важные факты. Основной же вывод может

сделать и новичок: конечно, на сегодняшний день для нас не могут представлять ценности несколько уклончивые или даже крайне неопределенные рассказы типа: смотрю, в сенцах стоит кто-то, большой, темный, косматый. Не потому, что нас страшит некорректный, часто задаваемый с испугом вопрос: а отличается ли информатор отменным психическим здоровьем, а потому, что на сегодня уже накоплено достаточно конкретных, четко просматривающихся фактических материалов, деталей, которые именно в сумме представляют практический интерес и заставляют быть наиболее требовательным именно к деталям.

В свое время Б. Ф. Поршнев предупреждал тех, кто хотел бы заняться фольклорными исследованиями нашего вопроса, что им встретятся самые разные степени взаимного проникновения двух противоположных источников тех или иных образов: неясных отвлеченных идей о сверхъестественных свойствах и жизненных, совершенно реалистичных. То перевешивает первое, и тогда реликтовый гоминоид поставляет лишь едва уловимые черточки для обозначения образа, то перевешивает второе, и имена фантастических существ подчас становятся просто названиями, привлекаемыми для обозначения этого животного за неимением определенного. О киргизском мифологическом джез-тырмаке есть сведения вполне демонологические, наряду с конкретным: «Охотники убили трех джез-тырмаков — мужчину, женщину и девочку; руки у них такие же, как у людей; по мокрым сядам на камнях охотник установил, что существа эти не боятся переходить сильную воду» (монография).

Но означает ли это, что нам не надо учитывать опыт предыдущих поколений, ставя им в вину, что они не могли разобраться в том, что же они видят, что они были религиозны, боролись с неведомым с помощью креста и молитвы, не находили в себе часто сил открыть глаза при встрече с непонятым, неведомым?

Достаточно того, что далеко не все информаторы соотносят виденное с, казалось бы, самым удобным мифологическим персонажем позднейшей надстройки — чертом, истинным продуктом религиозных верований и видением людей пьющих, хотя, казалось бы, этот образ самый универсальный для объяснения всего необъяснимого. Подчеркиваю, что далеко не все в быличках следует принимать на веру. Но думаю, что из нарисованного перед вами полотна каждый может что-то извлечь, даже если мнение его о материале будет крайне высокомерным и отрицательным. Особенно важно ознакомиться с ним тем, кто занимается полевыми опросами. Традиционные былички можно или не записывать вовсе, для чего их следует уметь отличать, или записывать отдельно от тех, которые поведаны человеком, признающим, что он не знает природы встреченного существа, или четко называет его лесным человеком, или высказывает мысль, что это было что-то обезьяноподобное (редкое восприятие современных нам очевидцев).

Из быличек можно извлечь характерные для нашего подопечного поведенческие элементы, совпадения черт внешнего облика и кое-что из опыта общения в основном ночных существ с человеком. В частности, общечеловеческую реакцию на встречу, будь то встреча с предполагаемым домовым или с осознанным реликтовым гоминоидом. При случайном выходе на него, если его потревожили, нарушили его покой, человек неизбежно испытывает потрясение. Человек болеет. Хорошо известны случаи гибели после таких встреч. Подчеркиваю— это происходит при внезапном выходе на него. И совсем другое дело в случаях выхода животного на человека, испуг есть, но без трагических последствий, быстро проходящий.

Если все эти «баснословные лица» лишь «мыслительные конструкты», по В. Далю, то с ними по плечу разобраться только отделу теоретических проблем Академии наук СССР.

Глава 3: Пока не вытанцовывается

*Все попытки разума оканчиваются тем,
что он осознает, что есть бесконечное число вещей,
превышающих его понимание.*
Паскаль

Встречается ли в окружающем нас мире проявление чего-то, что по феноменальности своей может быть соотнесено с расшифровкой сонмищ потаенных таких земных и таких волшебных сутей? Да. Часто даже не приходится выходить за околицу селения. Как на уровне бессознательного отталкивающая для меня идея внеземных пришельцев, так же несимпатична идея и человеческого одиночества во вселенной. До такой степени, что я даже посвятила стихотворение научному комментатору ТВ, отстаивающему печальное, никак не обоснованное предположение:

*Эту странную фирму «Галактика»
Освещают Земли фонари:
Где там жизнью иных характеры?
Где их звонницы? Кто звонари?
И не спится мне, не читается,
И не снятся привычные сны,
— Вдохновение начинается,
И границы его не ясны.
...Я иду по дороге проселочной,
Продвигаюсь почти наугад,
Все надеюсь: в плетенке веревочной
Кто-то вынесет мне виноград.
Южной ночью чего не случается,
Да к тому же в ущельях, горах.
Все, что суетно, забывается,
Но присутствуют тайна и страх...
На окраину мироздания
Нас давно уже отнесло.
Одиночества осознание
Нам внушается — звездам назло!*

Ведь речь здесь идет не просто о встрече двуногого существа, подобного обезьяне или человеку, а о неких вещах, связанных прежде всего с техницизмом. Здесь и летательные аппараты, и невероятные силовые волны, и манипуляции с приборами, и даже ощущения какого-то внедрения в человеческий организм.

На эти темы я могу говорить или писать только в полемическом стиле. Вот почему в заглавии объяснение — сообщение на семинаре, именно такая форма позволит заострить вопрос. Я уверена, что большую часть потенциальных приверженцев семинар АЯ теряет не потому, что они не допускают мысли о копошащихся в космосе существах. А лишь потому, что апологеты АЯ объясняют непонятные, пока непознанные явления и предметы довольно банально. Во всем мире они идут на поводу свидетельских показаний — именно в той интерпретации, которую предлагает человек, взволнованный самим фактом встречи с необычным и уже только поэтому не способный к объективной оценке увиденного, пережитого или попытке объяснить случившееся на логическом уровне. Наверное, от него и не надо ждать или требовать такого объяснения.

Если рыбак или солдат утверждает, что «они» у него брали кровь и мочу на анализ, то это объяснение так и фигурирует в дальнейшем. Но ведь ни тот, ни другой не имеют представления, например, о возможности встраивания биологических датчиков для» повседневного считывания интересующей и

действительно представляющей ценность информации о физиологическом статусе человека с точки зрения его адаптивных параметров.

Или — для привязки синтезированного двойника. И даже, возможно, ради изъятия клеток для клонирования особи. А то еще и — для считывания техники эмоциональных перепадов, ведь даже у пришельцев гуманоидного склада наблюдается дефицит эмоций.

В обсуждаемой нами области недостает нестандартности мышления, зато почему-то велико желание все объяснить как можно примитивнее, чтобы якобы всем было понятнее (как часто пишут в аннотациях на примитивные книги, «доходчиво»). Но даже слон, до которого, по человеческим понятиям, все должно доходить туго, на самом деле достаточно сообразителен.

Уже не первое тысячелетие идея владеет умами. Просто в двадцатом веке она точнее сфокусировалась в свете прирастания знаний по многим направлениям науки. И приходится как бы постоянно держать в руке бинокль, чтобы в любой момент успеть разглядеть нечто, мелькнувшее на горизонте. Это уже вошло в нашу плоть и кровь помимо воли, даже скептик не откажется взглянуть, если подвернется случай. Даже наши шутки и домашние эскапады часто несут допуск, что человек не единственный мыслящий сгусток материи в мироздании. В момент раздражения в какой-то домашней ситуации я обычно говорю нашей кошке Шуре: «Ну что? Уже настроила свои вибрисы на волну планеты Кошкария? Передаешь запись возмущенной эмоциональной сферы землянина?» Ведь неоднократно высказывались предположения, что такого рода выброс энергии небезразличен для запредельных миров.

Итак, следует отойти от наработанных стандартов упрощенного мышления. Не могут высокоорганизованные существа, отыскавшие Землю, уже не одно столетие заниматься анализом крови и отходов жизнедеятельности землян. Или бесконечным поиском полезных (конечно, с нашей точки зрения!) ископаемых. Легче, вероятно, проникнуть в любую поликлиническую лабораторию и получить мазки крови сразу, скажем, нескольких сотен человек. Это гораздо удобнее, экономичнее, чем с риском обнаружения вылавливать, пленять одиноких водителей автомобилей. Да к тому же можно натолкнуться на алкаша, а это совсем иная химия организма: возникнет, не дай бог, ложное представление о двух типах человека разумного...

Если мы можем создавать зародыш в пробирке и даже довести до конца процесс создания человека вне материнского организма (вспомним итальянские опыты), то визитерам сподручнее, вероятно, брать образцы функциональных продуктов мужских и женских гениталий, а не срезать препарат кожи.

Одним словом, я против тривиальности суждений. Шаблонные гипотезы, торопливо подсовываемые под и без того шаткое здание АЯ,— самое слабое место занимающихся проблемой. Любой случай обсуждается не сам по себе, а с точки зрения приспособленной к нему гипотезы. А ведь все должно быть наоборот — гипотеза должна возрастать лишь на огромной сумме фактов. Не следует торопиться с теоретическими предпосылками, выработкой терминологии — до всего этого очень далеко. Ослепленные или униженные идеей экспедиций инопланетян, мы, например, ни разу не попытались необъяснимые факты объяснить прорывом из других измерений или в другие измерения (и в то же время как часто мы без надобности оперируем этим понятием!). Почему? Вероятно, такой вариант предполагает больший коэффициент полезного действия? Во всяком случае, он, кажется, ближе к истине, чем сверхъестественное для грамотных землян превышение скорости света? И тогда становятся хотя бы объяснимыми неопознанные существа как в скафандрах, так и без них, как с двумя, так и четырьмя конечностями, внезапно появляющиеся и исчезающие. То есть прежде чем рассуждать об обитаемости других планет, следовало бы глубже понять Землю. Или поставить вопрос о населенности иных измерений.

В этом плане известна лишь рьяно критикуемая на всех уровнях крылатая фраза члена-корреспондента АН СССР Л. Б. Окуня: «Через зал, в котором мы

сейчас сидим, может проходить «зеркальный» поезд, и мы его не заметим!» Но, как известно, нет правил без исключения. Иногда можно и заметить. Во всяком случае, Э. К. Циолковский писал о случаях проявления неземного разума. Так вот, какова же та ситуация, что приводит к исключению? А потом уже: как увидеть Зазеркалье и даже зазеркалье Зазеркалья? Как часто, рассуждая о необычном, из ряда вон выходящем, мы пытаемся втиснуть в одно подразделение несопоставимое! Нашелся умник, который попытался весь мир оповестить об «открытии»: снежный человек — инопланетянин! Будто две сумасшедшие идеи выглядят приятнее, чем одна. И, как «и странно, нашлись люди, пошедшие у него на поводу. Будто так уж важно некой суперцивилизации создавать невнятных безъязыких монстров с целью десантирования на окраинные пустыри ойкумены! Можно было бы придумать что-нибудь по-портативнее, поэстетичнее, поэкономичнее, порациональнее, чем обволоченные бродяги. Хотя бы менее броское! Ведь все же это — как бы исследовательский прибор, он кем-то якобы изобретен для познания, а не для фильма Хичкока. При чем же здесь живая плоть незнакомца? А иногда и алая кровь? При чем здесь ощущаемые им страдания и чувство боли? Нет, уж коль во многих районах Севера его называют землемером (по Пушкареву), землячком и земляницей (по Кошма новой), то не следует лениться! Надо рассмотреть его земные корни. Все, что мешает разглядеть реальность этого животного, нашло место в сообщении на семинаре по реликтовому гоминоиду студента биофака Калининского университета (окончил пятый курс) В. Пушкарева после его предпоследней в жизни экспедиции 1977 года в Ямало-Ненецкий национальный округ. До него все, занимавшиеся проблемой, кроме И. Бурцева, яростно от стаивая материальную природу животного, отбрасывали свидетельские показания о встречах с ним, которые носили хотя бы малейший оттенок мистики (как якобы возможность телепортации, возможность воздействия на психику на расстоянии, утаивание физических полей организма животного, что мешает обнаружению его, даже если он находится рядом с человеком).

Пушкарев призвал к записи всех, даже самых «подозрительных» сообщений, дающих пищу негативно настроенным к проблеме людям. Ибо он встретил свидетелей, чья честность не вызвала у него сомнений, а рассказывали они о сверхъестественных (практически еще НЕ изученных) способностях существа, как о само собой разумеющемся. То есть внешняя канва поведения его давала основания для таких выводов. Иное дело, как найти этому реалистичный эквивалент ОБЪЯСНЕНИЕ.

Владимир Михайлович Пушкарев, к глубокому сожалению, погиб молодым. Ему не было и сорока лет. Он очень серьезно занимался проблемой, всегда выбирал самые-самые трудные маршруты... Геолог по первой специальности (окончил Ростовский университет), он был одним из самых перспективных специалистов по реликтовому гоминоиду. И никто не думал, что река Хулга станет местом его успокоения. Любимые слова: «Со мной никогда ничего не может случиться!» Стояла середина октября, выпал снег. Экипировка у Володи была откровенно плохая (резиновые сапоги и холодная куртка). На лодке плыть было уже невозможно. Река почти стала. Он был не менее чем в двухстах пятидесяти километрах от ближайшего населенного пункта. По совету «доброжелателей» — без ружья, топора, предполагаем, даже ножа...

Последняя его статья «Новые свидетельства» была опубликована в «Технике — молодежи», № 6 за 1978 год.

Еще в 1974 году издательство «Мысль» выпустило книгу Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории». Автор высказал предположение, что на ранних стадиях «доязыкового» формирования человека роль суггестии (внушение, волевое принуждение) была очень велика.

Не потому ли наш человекоподобный выглядит «полиглотом», что волевые приказы, понуждения, исходящие от него, однозначны, понятны и русскому, и манси, и любому жителю Кавказа? Постепенно, с совершенствованием функции второй сигнальной системы (речь) необходимость в суггестии при общении особой снижалась, и человек нынешней формации уже утрачивает это свойство

окончательно. Остаточные элементы суггестии мы встречаем в виде природного дара. Принуждение, побуждение к тому, чтобы человек при встрече не обнаружил его, был скован в своих действиях и размышлениях,— вот что лежит в основе таинственности воистину чудесного животного. А природа его так же материалистична, как и самого человека.

Иное дело, что до сих пор все это почти не изучается. Вот почему человек при встрече с реликтом обычно ощущает дискомфорт, испытывает дезориентацию, потрясаяще чуждую разуму. Встреча с человекоподобным равнозначна попаданию в иную плоскость мышления. Встреча происходит безболезненно для человека лишь в том случае, когда животное само подготовлено к ней то ли своей любознательностью, то ли потребностью в контакте.

Объединяет все непонятное, что можно встретить и услышать на Земле, только сознание сиюминутной непонятности, ошеломляющей необъяснимости. Завтра мы обязательно все узнаем. Завтра. А сегодня? Сегодня пресса любит писать о встречах, происшедших где-то за морем, в тридевятиом, тридесятиом и так далее государстве (особенно почему-то в Калифорнии). И мало кого интересует, как обстоят дела «на нашей почве, датской». Сегодня приглашаю всех в гости к повествованиям народа манси (записи О. А. Кошмановой и М. Г. Быковой).

Заранее надо оговорить, что фамилии и наименования населенных пунктов чаще всего обозначены только буквами осознанно, чтобы не предоставлять готовые адреса охотникам за сенсациями.

Именно в 50 километрах от Болчар по Ингондинской дороге в Крестовом беру наш современник впервые в своей жизни повстречал такое существо. А вскоре «инициаторам» из «Комсомольской правды», несмотря на протесты, удалось выжить меня из обследованных мною мест. Как было написано в самой газете от 26 февраля 1988 года: «Все это должно было подготовить ее (то есть мою.— М. Б.) экспедицию, которая планировалась на лето-осень прошлого года, но получилось иначе. Туда выехала группа Авдеева». Уточню: группа идущих по моему следу, а не по следу «снежного человека». Хорошенькое «получилось»! Так получается только по смерти исследователя. Украдены годы жизни. Объясняя это, я привожу историю местности под Душанбе, где предполагаемые свидетельства посещения Варзобского ущелья реликтовым гоминоидом привели к тому, что теперь каждое лето сюда устремляется от двухсот до трехсот человек разных профессий от поваров до разнорабочих. Из-за такой плотности «исследователей» на местности нетрудно себе представить, как скоро даже мыши покинут свои норы. Мания отправиться именно в те места, где уже кто-то побывал, а тем более где уже собраны местным энтузиастом какие-то сведения, привела к 1987 году к тому, что группа людей отправилась по моим следам. Нужен ли такой дубляж? Впечатление, что островитяне дали в центр телеграмму: «Нам Миклухо-Маклай не нужен, срочно пришлите Кука!» Сбор рассказов о необычных явлениях и животных не может служить основанием для полного нарушения экологии местности. Тем более для «задействования» вертолета, средств обездвиживания (которыми никто из отправившихся по моему маршруту, например, абсолютно не владел), да и кое-чего похуже, как первоначально планировалось. Страна наша велика, сколько возможностей для любителей поисследовать! Нужно ли хорошие идеи превращать в абсурд? А потом всеми средствами еще добиваться, чтобы я не сопротивлялась, не возражала против подобной акции. «Она скандалит»! В отличие от этих людей и некоторых местных «доброжелателей» я-то понимаю и твердо знаю, к чему может привести такой поиск, такая погоня за собственной славой. Это именно такой случай, когда не грех было бы поскандалить. С одной стороны, справедливая просьба свидетеля необычного явления: «Никому, пожалуйста, не называйте местность и мою фамилию, мне же в этой тайге жить», а с другой: «Как здорово, что у вас будет вертолет!» Хотя именно там вертолетов настолько предостаточно, что то и дело слышишь об отстреле даже обычных животных только с вертолета. Настоящие-то охотники вовсе перевелись!

Послушаем рассказы. В 1985—1986 годах выявлены рассказы типа быличек четырех групп. Приведу примеры.

Тип первый — собственно о диком человекоподобном животном.

Оно подразделяется на две разновидности: ведущие полупаразитический образ жизни (ютящиеся близко к избе, а то и в ней, живущие на чердаке, в подполе или баньке), и независимые, которых можно встретить реже,— только на природе.

Провели три дня среди лесозаготовителей, которые далеко углубились в тайгу (от ближайшего населенного пункта два часа по воде, затем пешком километров семь). Выяснилось, что в прошлом году в октябре, после продолжительных дождей, охотившийся в этих местах шофер С обнаружил интересный след, который так привлек его внимание своей «ниначтонепохожестью», что он вырезал его из почвы и принес в контору леспромхоза. След рассматривали несколько человек. И все признали, что таких не встречали. Казалось, похож на человеческий (босой ноги), но длина и ширина такие, что не давали возможности посчитать его таковым. Длиной более сорока сантиметров и почти 18 сантиметров шириной. Представление о сдвоенных медвежьих следах есть у всех охотников. Человек в эту пору босиком даже в шутку или па опор вдалеке от жилья не ходит. Не пришли ни к какому выводу. Так называемого «снежного человека» относят к сказкам, выдумкам. Правда, кое-кто кое-что все же слышал о диком человеке, но представлений о первом и втором не связывают. Народ больше пришлый, хотя каждый работает здесь несколько лет, все ходят на охоту.

Интересен рассказ о коллективной встрече с непонятным человекоподобным. Некто А. В. Т., 1925 года рождения, зимой сорокового года была свидетельницей такого события.

— Нас, человек восемь молодых ребят и девчат направили в деревню По на подледный лов рыбы. Там тогда постоянно проживал дед С. Мы остановились в его доме. Вечером после работы (а мы все (веселые были!) начали шутить, смеяться. Дед несколько раз предупредил нас, чтобы мы вели себя потише, но нам было весело, и мы не могли остановиться. Он сидел с нами за столом и пил чай. Жена его Аграфена подавала на стол и то и дело выходила на кухню. Прямо под дверным, проемом из комнаты в кухню был лаз в подпол. Он был закрыт. Хозяйка входила, выходила. И вот только она вновь вышла, сразу же за ней приоткрылась крышка подпола, оттуда высунулся до пояса какой-то человек, он предстал перед нами со спины. Волосы на голове были спутаны и опускались на спину. И весь он был волосатый, до пояса. Мы замерли. Бабка обернулась и увидела, и запричитала:— «Что это? Кто это? Кто?». Дед соскочил со стула, заматерился. Крышка подпола с силой хлопнула. Дед схватил ружье, висевшее на стене, и, приоткрыв лаз, выстрелил туда вхолостую. Мы прожили в избе еще несколько дней, но больше ничего подобного не было. Старик убеждал, что и раньше такого не случалось... А вот как этот рассказ переплетается с повествованием бывшего колхозника, а ныне охотника и рыбака Р-на, не имеющего к предыдущей свидетельнице никакого отношения. Он побывал в тех же местах в 1953 году. Дома была только Аграфена.

— Она уложила меня спать в горнице. Я так устал, что упал — уснул. Проснулся внезапно, как от толчка. Ничего было совсем темно. Не спалось. Стал обдумывать, куда завтра идти. Слышу: кто-то идет из кухни в горницу, затем ко мне. Почувствовав неладное, я лег на спину, скрестив на груди руки, сжав кулаки (слыхал от людей, что, если кто-то непонятный ночью наваливается, именно так его можно сбросить). И правда, этот неведомый лег рядом со мной на кровать и стал наваливаться всем телом на меня. Я отмахнулся наотмашь двумя руками и заматерился. Почувствовал реальность его тела по тяжести в руках. Он соскочил, я за ним, но не нагнал. Утром стал говорить бабке-хозяйке: «Кто-то у вас тут ночью ходит!»

— Когда я одна остаюсь в доме,— ответила она,— «этот» меня вокруг печки гоняет. Спасаясь только тем, что забираюсь на печку. Туда он почему-то забраться не решается.

Рассказ шофера леспромхоза С. А.:

— История эта со мной случилась десять лет назад.

Я тогда учился в девятом классе. В сентябре мы с другом собрались на рыбалку. С нами была собака Каштанка. На озере У. поставили сети и пошли осматривать местность. Но на бор К. нас не пустила Каштанка.

Другу аж ногу прокусила. При этом успевала на нас лаять и рычать в сторону болотины, за которой раскинулся бор. И шага не дала нам сделать. Так и вернулись назад. Но мною овладело любопытство, и я решил во что бы то ни стало сходить туда без собаки и посмотреть, что ее там беспокоило.

И вот однажды, когда все отправились на сенокос, я сбежал, чтобы съездить туда и посмотреть. Собаку не взял. Вышел в то же самое место, где нас Каштанка задержала. Я думал, что из-за того, что там медвежьи берлоги. Прошел по болотине к бору. Стал подниматься к бору. Ружье с плеча снял, держал в руках. (Здесь я опускаю один факт, к которому вернусь чуть позже.— М. Б.) Вдруг увидел, что передо мной метрах в двадцати пяти кто-то стоит. Это было громадное существо, похожее на человека, но гораздо выше, ростом примерно около двух с половиной метров. Все покрытое волосами, герое, даже больше темно-серое. Голова прямо из плечей, плечи покатые. Лицо как у человека, но все, кроме носа, покрыто короткими волосами. Губы, как у человека, подбородок массивный, как бы богатырский, но вроде бы вдавленный. Возле глаз и рта волосы расходятся как бы веером. Под глазами волосы светлее. Глаза карие. Левую руку он держал у пояса ладонью ко мне, как бы загораживая дорогу. Ладонь голая, не обволочена. Он ничего не говорил, но я слышал ясно, как бы на выдохе такой звук: «хо-хо!» И давил, как бы глазами, отталкивал. Я ясно почувствовал толчок и даже шагнул взадпяти, ну, задом отступил. Потом я повернулся и пошел назад той же дорогой, что пришел. Ружье почему-то оказалось на плече. Никакого страха не испытывал. Так и дошел до землянки. И в тот же день вернулся домой.

Я расценил, что встретил хозяина леса и что он попросил меня уйти. По-моему, у него вся сила в глазах. Он был пропорционально сложен, плечи покатые, а грудь клином, как бы острая. Я хорошо видел его тень. Ко мне он был спокоен. Это я видел по лицу.

Как говаривал Поршневу, это и есть именно тот случай, когда надо ехать и поселиться в тех краях, чтобы найти контакт. Но ему бы очень не понравились некоторые описания, сопровождающие рассказ Александра. Это потому, что Поршневу был воинствующим материалистом. А некоторые события в этом случае, к сожалению, либо относятся к области еще непонятого, либо являются результатом нехватки кислорода в этой болотистой стороне. Некоторые положения, ранее обзывавшиеся мистическими, вполне объяснимы сегодня. Итак. Почему Александр не испугался? Потому, что животное вышло на него само. Не то, что Александр обнаружил сам его, внезапно. Застиг. Нет! Оно вышло к нему само, само не было напуганным и не воспользовалось своим орудием устрашения (предположительно, суггестия). О его подготовленности к «сознательному» выходу к человеку свидетельствует и некоторый отвлекающий маневр существа (как говорится в просторечии, «отвод глаз»). Когда Александр прошел часть болота, то увидел двое качелей. Все честь по чести, даже спинки у сидений (имеются в виду те, на которых обычно катаются дети). Такого рода подробности традиционно большинством опускаются, чтобы не объясняться с упрекающими в мистике. Не упомянула об этом и я в первом сообщении об этой истории, желая придерживаться традиции. Попытка объяснения этого дана в разделе «Кто ты?».

Рассматривая качели, Александр не заметил, как между ним и ими возник этот гигант. Вот почему: «Вдруг увидел...» Мало того, когда он только еще шел к этому месту, покрое болота, обычно пружинящий и труднопроходимый, ему показался твердым. У него даже мелькнула мысль: «Да здесь можно было бы проехать на мотоцикле!» (что для знающих местность явно невероятно). Можно ли найти этому объяснение?

А вторая встреча была на очень неясном еще сегодня уровне. Нечто вроде... энергетического выброса, о котором пишут, призывают ученых разобраться, да воз и ныне там. И тем не менее кто встречается на природе с этим явлением, не может оставаться спокойным, не зная его сути.

Мы разобрали примеры, которые свидетельствуют о крайней неоднородности материала, с которым встречается исследователь. К работе с ним скорее следует привлечь физиков высоких энергий, психологов, нежели туристов, рабочих и просто любителей сенсаций. И в этом нет ничего обидного.

Старший егерь района в беседе с нами высказал мнение, что есть косвенные признаки существования в той местности крупного человекообразного существа. Сам не видел. Но ссылался на рассказы местных и приезжих охотников. Его мнение опубликовано в печати. Запись беседы с С. Н., 24 года:

— Вы часто бываете в лесу, часто ночуете один в тайге. Ваши братья и отец также рыбаки и охотники. Каждый из них рассказал не один случай, поразивший воображение. И отчего так бывает — один охотно делится воспоминаниями, а другого не заставишь. Может, это зависит от меры впечатлительности, особенностей психики или степени наблюдательности? Или всего-навсего неконтактности? И все же, не расскажете ли о какой-нибудь истории, которая бы подтверждала, что в тайге не все так уж понятно и ясно, как это кажется некоторым даже выдавшим виды охотникам?

— Нет, мне в лесу всегда все понятно. А всякие непонятные истории я отношу на счет двух великих плутов — медведя и росомахи. Они любого своими проделками могут заставить кое в чем усомниться. И все же расскажу вам одну историю, которая и меня смутила. В 1984 году мы впятером пошли на охоту. К вечеру разожгли костер и каждый занялся своим делом. Я прилег к костру, ружье положил вдоль тела, оно было буквально под рукой, заряженное. Несколько минут смотрел через поляну, туда, где метрах в семи начинались деревья. И вдруг увидел, как на поляну шагнул кто-то большой и лохматый, на двух ногах. Не задумываясь, я дважды выстрелил. На выстрелы сбегались ребята. А я, сразу ничего не объясняя, пополз, чтобы не менять для глаз освещения, к тому месту, где должно было упасть то существо. Но там никого не было. Стал искать на земле хотя бы следы крови, их тоже не было. Ребята стали смеяться над моими действиями. Тогда я оказал себе: «Раз нет следов крови, а я стрелял в упор в живое существо, значит, меня это не интересует. Значит это НЕ МОЕ».

Второй тип рассказов — о необычной бересте.

Моя спутница, проводник, переводчик с мансийского, постоянно собирающая народные рассказы, легенды и сказки, О. А. Кошманова в начале июня 1986 года выехала к озеру Т. на свою родину, в места, брошенные людьми в пятидесятые годы. По дороге от озера пришлось идти берегом речки. Шли с племянником, двенадцатилетним подростком. Идти недалеко, километра четыре. Натолкнулись на березку, ободранную на высоте четыре-пять метров. Хотя время для съема бересты было неподходящим. Это-то и остановило. О. А. решила посмотреть, как это удалось. Подошла. И метрах в трех от березы увидела во мху четкий глубоко вдавленный свежий след человеческой ноги — босой. Поразил размер. О. А. быстро наклонилась и отмерила: три пяди в длину. В наиболее широком месте — одна пядь и осталось еще. Наиболее сильно были вдавлены носок и пятка, только с боков подъема след был слабее. Мальчик, глядя со стороны и соображая, чем бы это объяснить, воскликнул: «Это сдвоенный след медведя!» Наклонился... и почему-то закричал. В следующую минуту обычно выдержанной спокойной женщиной овладел страх. «Мы бросились бежать!»

«Василка долго не мог успокоиться, даже после того, «а» мы встретились с людьми. За нами к условленному месту пришла моторка. До сих пор жалею, что не захватила с собой бересту. И еще удивляюсь: и я и он были подготовлены к встрече не только со следом, но и с его владельцем. Я не нашла в себе сил задержаться в том месте, представив величину особи, судя по высоте, на

которой была ободрана береста. Я, конечно, на этом фоне выглядела букашкой».

Слушавший вместе со мной этот рассказ А. С., парень лет двадцати семи, после некоторых раздумий решился и произнес:

— А бересты ты бы не взяла!

Он долго не хотел говорить, не находя сам объяснения случившемуся. И все же поведал:

— Осенью 1985 года я был в бору Ч. на охоте. Устал. Решил вскипятить чай. Сначала набрал ветродуя. И тут случайно увидел вокруг ствола березы кучу бересты. Наклонился, чтобы собрать ее. Странное дело, не только поднять, даже дотронуться до нее не мог. Мне как бы мешало что-то. Вначале я даже подумал, что она на крыта прозрачной пленкой. Никакой пленки не было, я не мог преодолеть пальцами это «покрытие», и сейчас у меня такое мнение, что это была как бы воздушная подушка. Я не стал даже рассматривать все вокруг, а быстро собрал вещи и ушел с того места.

Третий тип рассказов — о неведомых водных животных.

Тот же районный старший егерь Д. В. М. дополнил:

— Приходилось у нас слышать и о других существах, неизвестных науке. Например, когда я учился на первом курсе института, то на каникулах рыбоприемщик Я- рассказал лично мне захватывающую историю.

Кстати, надо знать, что когда два бора почти сходятся мысами, разделяя туман (мелководное озеро) на две части, то самое узкое место на воде называется воротами. Так вот, по словам Я-, он проезжал воротами по нашему туману и обратил внимание на необычный всплеск. Подумал, надо посмотреть, что за рыба такая? И остановился. Вдруг будто копна сена поднимается из глубины. Всмотрелся — шерсть темно-коричневого цвета, как у мокрого морского котика. Он тихо подался в камыши метров на пять, а сам рассматривает. То ли морда, то ли лицо — точно не разобрал. Звук издало шипящий: «фо-о» — как в пустую посуду. И тут же опустилось в воду...

Повествование относится к 1954 году. На Д. В. М. оно произвело такое впечатление, что он исходил все пю в том месте, на которое ссылался рассказчик. Нашел глубокую яму, где обычно карась на зиму залега-ет, измерял ее.

В рассказах других людей это же животное характеризуется схожим со стогом сена, только темного цвета. С. Н. А., рыбак и охотник:

— Примерло в тридцатом году на Троицын день ехали мы из Л. на нескольких кедровках по туману. И на против мыса П. вдруг все увидели, что из воды поднялось какое-то существо. Кто-то из мужиков почему-то сразу воскликнул: «Мамонт!» Было оно от нас метрах в трехстах. Стояла тихая погода. За минуту до этого играли на гармошке, песни пели, ведь ехали с гулянья. А тут бабы сразу завизжали, сбились в кучу, началась паника. Все бросили весла. А затем затихли и стали рассматривать чудище. Увидели, что оно сначала подняло над водой одну конечность, потом другую и стало бить ими по воде. От этого его действия пошла большая волна. Стало лодки качать. Каждая конечность была размером с человека. Голову рассмотреть не удалось, а туловище над водой было метра три. Потом оно само стало качаться на волнах, что еще больше раскачало наши лодки. Потом нырнуло и мы его больше не видели. Все это произошло на закате солнца. Мы- долго стояли, не смели двинуться вперед. А потом двинулись дальше, объехав то место, где оно появилось, стороной. На второй день в то же время проезжали мимо мыса П. мужики из деревни А., и они тоже позже рассказывали, что видели непонятное существо.

Р. И. Н. из деревни В., колхозник, рыбак и охотник, ныне пенсионер:

— Жена и сестра встретили на нашем тумане поразительное животное. Но сначала его увидели трое других людей. Ехали они из Ю. в К- на трехместной кедровочке, один на гребях, один на корме, а посредине кассир, перевозивший зарплату. У кассира в руках ружье. Когда из-под воды

появилась копна, он сразу в нее выстрелил., Существо ушло в воду. Быстро двинулись дальше. Когда приехали к месту назначения, все сразу обрели дар речи и стали спрашивать, зачем кассир стрелял? Он ответил, что выстрелил машинально, не раздумывая.

А через несколько дней жена и сестра мои перевозили в тех местах жало — так называют дерево для городьбы запора. Стали грузить. А при этом раздаются особенные звуки. Вдруг невдалеке от берега появилась как бы лодка-кедровка, перевернутая вверх днищем. Сначала фигура имела кругловатую форму, а затем вытянулась и поплыла, привлекаемая звуками.

Увидев чудо-юдо, женщины притаились и затихли. Не доплыв до 'них, существо остановилось, а потом стал бесшумно удаляться от берега и скрылось под воду. Чтобы больше не привлечь внимания его, женщины попели лодку руками, подальше от него. Через год обе утонули в этом же месте. Я два события, конечно, не называю, а оказал к тому, что можно было бы переспросить с подробностями, да не у кого...

В разговоре с Я- выяснил, что по объему животное можно сравнить с лодкой-кедровкой килограммов на четыреста. Длина его метров тридцать. Когда оклады-иается, принимает вид копны. С. И. Я-, 70 лет, деревня Т.:

— В пятидесятые годы я ставил как-то с сыном сети. Погода стояла очень тихая. Над озером распластался устойчивый туман. Вдруг слышу всплеск воды, будто кто-то по ней идет. Обычно в этом месте на мыс П. переходили лоси по мелководью. Я так и решил — лось, приготовился убить. Повернул лодку на звук, взял ружье. Перед самой лодкой из воды показалась круглая и черная большая морда неведомого зверя. На меня в упор смотрели круглые и осмысленные глаза. Убедившись, что это не лось, стрелять не стал, а быстро развернул лодку и налег на весла. Сын, который сидел у меня за спиной, тоже увидел «это» и заплакал. Нас долго качало на возникших волнах. П. И. С, 60 лет, деревня Т.:

— В эти же годы мы с односельчанкой пересекали туман возле мыса П. Вдруг у Т-ского берега увидели громадную темную тушу, которая качалась на воде. Волны от нее доходили до лодки и поднимали ее. Испугались и повернули назад.

Четвертый тип рассказов — о существах «совсем» человеческого склада. И в то же время без отливающих металлическим блеском одежд, без эскорта НЛО, без аномалий в росте и весе, с двумя руками-ногами, двумя глазами. И, конечно, без бластера у пояса и даже без волшебной палочки.

Н. А. С, 1898 года рождения (умер):

- На летнем мысу против П. я ставил в тумане (озере) сети. Потом пошел на берег и там развел костер. Сходил проверил сети. Вернулся, принес из глубины леса дров. Стал ложиться спать, было уже темно. Лег, немного полежал и тут услышал человеческую речь. Привстал. Сел. Затем сходил к лодке. Решил посмотреть, может, кто со стороны воды подъехал. Нигде никого. Снова пришел к костру, сел. И тут услышал, что разговаривают как бы сзади меня. А там болото, кочкарник. И как можно туда попасть? Там никого быть не должно. Повернулся туда — и услышал: «Тут же ярань (человек), что ж вы с ним хотите делать?» Говорят как бы по-русски, то ли я их так понимаю, но и с некоторыми мансийскими словами. Стали ближе подходить. Я смотрю — две девки и старик.

Подходят. Девки вперед. Подошли к костру. А меня сразу как холодной водой окатило. Постояли, посмотрели. Старик: «Я ж вам говорил — не ходите, что хотите делать? Это яровуй». Яровуй— дословно зверь-человек... Какое откровение для вершины земной эволюции — оказывается, и так можно человека воспринять!

..Постояли, посмотрели. Старик повернулся, за ними девки пошли. Заговорили, забормотали, с глаз долой. Я схватился, в лодку и уехал. Какая там рыба! О. А.: — В чем они были? С: — В платье, вроде как зеленом, длинном. О. А.: — А как передвигались? С: -Будто плыли над травой, над кочками. М. К. М., 30 лет, поселок М.:

— Лет восемнадцати приехала я из института в родную деревню на каникулы. Однажды ночью вышла из избы. Ночь, была светлая. Внезапно увидела, что в конце огорода вдоль забора движется, почти над землей плывет, человеческая фигура. Одета в длинные, ниспадающие как римские одежды. Так и «уплыла»... через забор и дальше по улице.

Больше всего в этом происшествии меня возмущает то, что я неверующая, а мне такое «показалось». Зачем? Или все это случайно? Но было, было...

М. Ф., пенсионер, житель поселка Я.:

— Тетка моя Лукерья, 1911 года рождения, на У. как-то в лесу видела странных людей. Шли они все в одинаковых одеждах на восход. Платья словно полотняные, спадающие до ног, подпоясаны как бы гарусными поясами с кистями. И дети, и взрослые выглядели все бесполоыми, все одинаковые. Дошли до тумана-озера, которое надо было переходить. Дальше не стала смотреть! Ушла. Дело было в сороковом году.

Факт необходимости внимательного отношения к свидетельствам очевидцев необычного, АЯ всерьез не может быть оспорен. «Что было бы, если бы мы отрицали все, чего не в состоянии объяснить?» — заметил французский физик прошлого столетия Ф. Араго. (Это по поводу шаровой молнии.) Да, надо собирать весь материал, которым владеет народ. Свидетели необычных явлений или иидений не торопятся со своими сведениями в научные учреждения, не предлагают своих теорий и решений. К ним приходит кто-то из неравнодушных и расспрашивает, просит подробностей. Сведения проходят через другого человека, трансформируются в запись, поэтому нельзя спешить с классификацией.

Записывали народные повествования Н. В. Гоголь, М. Вовчок. Записал рассказы мальчишек в ночном И. С. Тургенев.

Итак, перед вами выступил дилетант. Будьте же снисходительны к его неизбежному интересу к людям, у которых до сих пор не вытанцовывается на заколдованном месте!.. Но ведь и у теоретиков такое же положение!

Важнее знать, что это записи рассказов честных людей. Не торопитесь! И тогда все успеете, в том числе и на встречу с невероятным.

Глава 4: В краях неведомых, в лесах нехоженных

*Когда выйдет приказ, мы двинем туда
не ваши паршивые бульдозеры и вездеходы,
а кое-что настоящее, и за два месяца превратим там все
в... э-э... бетонированную площадку, сухую и ровную.*

А. Стругацкий, Б. Стругацкий

Какие мысли одолевают нынешнего, даже целеустремленного путешественника?

Поток информации о наступлении человека на природу по всему земному шару так широк, что невольно опускаются руки. Люди, попавшие в плен глубокой апатии, смирившиеся с экологической ситуацией последней трети нашего столетия, скептически наблюдают за теми немногими, кто пытается что-то сделать, чтобы задержать хотя бы вчерашний день природы. Будучи горожанином, трудно представить себе, что где-то еще стоит нетронутая тайга и текут меж крутых берегов прозрачные, как хрусталь, реки, а в холодных глубинах этих рек затаиваются, будто литые, двухкилограммовые хариусы, и семга спешит сюда на нерест, и под водой проплывают неправдоподобные утки, а в небе кружат хищные птицы...

И тем не менее я побывала в таком краю совсем недавно, в 1988 году.

С верхнего плейстоцена эти места не были под морем, и не утюжил их ледник — вот потому-то здесь так много реликтов. Только на Белой Кедве, пройденной на катамаранах (самом экологически чистом виде транспорта), около шестидесяти видов растений, относятся к географическим реликтам. Здесь более ста видов мхов, незаменимых экологических помощников человека — индикаторов загрязнения атмосферы, чутко реагирующих на пагубное воздействие агрессивных агентов среды. Значит, не так уж плохи прогнозы жизни реки и ее окрестностей? К тому же в результате заповедных мер на всем пути нам не встретились люди. Нет здесь и хоженных троп по-над рекой. Казалось бы, живи себе, природа, и живи!

Но каждый раз, когда утка-крохаль, не выдержав страха за свой выводок, вдруг срывалась из-под низко нависшего берега и, нелепо растопырив крылья, устремлялась на стремнину, а затем долго шла перед носом катамарана, как бы увлекая его за собой, кто-нибудь из членов экспедиции не выдерживал, и каждый раз говорил: «Глупая, зачем стараешься, кому ты нужна со своими голенастыми недорослями?»

Но, увы, она была права. А мы не правы. И это мы поняли в той части реки, куда добирались те, кто призван был охранять заповедные места, но нередко сам многое губил, что в открытую жило и множилось на природе, недоступное большинству, но зато в обилии достоящее элитарному меньшинству. И утки, и рыбы, и люди в низовье задавали один и тот же вопрос: «У какого переката нынче «они» угнездились?» Это обидная правда, но пока правда. Одному из нас все же пришлось составить соответствующий акт на «охранителя» природы.

«Почему в человеке все так и трепещет, когда он видит вольную живность? — спросила я незадолго до поездки одного из главных охотников страны. — Естественно ли это?» «Да, — ответил он. — Это в человеке настолько издревле, настолько естественно, как сама жизнь». Что же, очевидно для местного жителя, коренного обитателя, охотничий синдром естествен и допустим. А для заезжего молодца? Для тех, кто раз в год, оснастившись до зубов чаще всего импортными поделками отнюдь не индивидуального лова, приезжают сюда, чтобы доказать одному себе, что он еще «ого-го», что он еще и ловок и добычлив? И ведь минует, минует, представьте себе, многие заслоны. И ставит-таки перемет у тихой заводи: на старице, а то и на протоке — колыбели речной молодежи и в приюте для матерых «любителей уединения», которым ну никак нельзя проявить себя в основном, главном течении могучей хрустальной воды. А я так и живу с очевидно противоестественным неприятием любой охоты, любого отлова, преследования, да и просто запаха содранной

чешуи или пущенной крови. Мне достаточно увидеть живое живым. «Ну, матушка, это уж слишком! Быть на реке и питаться сублиматами!» Понимаю — крайность. Понимаю. Но с детства, с войны, знаю, как страшно определять судьбу живого, когда бабушка решала, быть или не быть поросенку Васке, который даже еще не набрал веса...

В низовье приветливые косцы (здесь их называют покосниками) манили к берегу обещанием горячего чая и простокваши. Мимоходом пожаловались, что юноша поранил сильно ногу, а медпункт в поселке недавно закрыли. Поделались средствами фармакопеи.

За нехитрым столом, на который вытряхнули конфеты, сам собой возник разговор о житье-бытье, о местном животноводстве, о качестве и себестоимости молока, а потом и вообще о здешнем растительном и животном мире. О возможностях и правилах охоты. А дальше — на самую мою любимую тему: о встречах с медведем и его повадках, его свойствах, может быть, кажущихся необычными. Один из собеседников провел пастушеское лето в угодьях этого зверя. Считает, что если его не задевать, то он человеку ни с того ни с сего никогда ничего плохого не делает. Ну а если, не приведи господь, ему что-то в тебе не понравится, то добра не жди: ни твоему скоту, ни тебе самому покоя не будет. Здесь и элементы вздорности и мстительности. Или это уж из привычки очеловечивать животных? Из бесед поняла: край этот можно назвать медвежьим.

На небольших песчаных отмелях (а это всегда самые лучшие подходы к воде), если давно не было дождя, можно легко считывать следы зверей — так же легко, как названия улиц на схеме города. Да уж поверьте — приходилось разбивать палатки на отпечатках устрашающих лап.

Говорят, что беды нынешних рек не вчера родились — задолго до того времени, когда еще не было правил, разъясняющих, что надо оставлять прибрежные леса на несколько десятков метров нетронутыми (чего явно недостаточно, если говорить серьезно). Вот, дескать, и не догадывались тогда, потому и рубили деревья вплотную к реке. Вроде удобно, экономично. Но зачем же на несплавных реках? Доведа экономику до абсурда, видеть ее там, где нет ничего общего с этим понятием — воистину большое искусство!

Так в чем же причина такого неразумного, такого целевого уничтожения родной природы под корень? Не жалеючи и малых рек, на которых невозможно соорудить какую-то станцию, бесчисленных притоков, подпитываемых неутомимыми родниками. В основном пришлые, но и местные люди вырубил-таки прибрежный лес, именно его, как нарочно. И на основном течении нашей реки — местами, чтобы было где сено брать. Ради этих лоскутных сенокосов обнажают реку, сено возят чуть ли не на вертолетах, а берег из-за этого соскальзывает в воду — помните избитое: природа Севера уязвима.

Внешне пока все выглядит еще прилично. Красотища необыкновенная. Вроде бы и король есть, да не сразу поймешь, что он голый. Разве что придется дожидаться ребенка, который бы сказал взрослым дядям правду? Почти все притоки еще, кажется, совсем недавно стояли здесь, обрамленные лесами, до них добиралась нерестовая рыба ценных пород. Были они, подпитывающие царственную реку, столь интересными, что один не замерзал ни при какой суровой зиме, а второго прихватывало лишь при минус тридцати (это тоже трудности северных рек, не от хорошей жизни). Но птицы, которые там оставались то ли случайно, то ли согласно их законам, не гибли никогда. Вот они, таежные кольца жизни! А то многие из нас, поди, слыхивали про полярные, а про такие вряд ли.

И вот живет река, уже давно догадавшаяся, что ее «сучья» обрублены и в прямом и в переносном смысле. А тут еще геологи, романтики и песнопевцы, обнаружили какой-то дефицит на ее берегу. И не побережье — тайга задрожала. Уже. Люди теперь с опаской показывают в сторону реки, как на утопленника. Да, человек с техникой, не осознающий свои действия, хорошего не сулит. Хотя пока не известен здешний запас полезных ископаемых, его так и называют — предполагаемый. Может быть, и не обман, да ведь сколько раз уже

так было, сколько раз по этому сценарию разворачивалась экологическая трагедия.

Наша река (теперь и наша, коль не выходит из памяти!) не имеет большого статуса. Уж если по поводу Байкала — пресного моря мирового масштаба — ревмя ревели его заступники со страниц периодики и едва-едва защитили то, что осталось, так как же сказать о невеликой реке в малонаселенном районе? Какими должны быть слова предостережения, чтобы человек-чиновник, человек-хозяйственник, человек с пилой «Дружба» задумался?

Год назад соединили берега нашей реки, перекинули деревянный мост (ведомство), снесенный первым же паводком, из-за чего русло устремилось в новом направлении, пробиваясь через бурелом. А на месте моста осталось нагромождение бревен — памятник человеческой глупости...

Прекрасные ложа здешних рек со временем превращаются в невиданную каменную пустыню: окаменевшие стволы, раковины, следы древней жизни. Музей под открытым небом. Отнюдь не тихая грусть овладевает каждым, увидевшим это: уход жизни впечатляет. «Напишите, пожалуйста, что-нибудь в защиту нашей реки,— попросил председатель сельского совета В. А. Канев и почему-то отвернулся от меня.— Мы в ту сторону теперь не ходим. Только те, кто косьбой занят». Заметьте, не о сложностях быта, не о скудном снабжении (притом запреты на охоту и рыбную ловлю — и это для местного населения!), не о том, что закрыли медпункт по совершенно неоправданным соображениям (здесь проживает более пятисот человек), шла речь. О реке. О судьбе реки. Воистину, не хлебом единым жив человек! А как же при всем при этом обстоят дела с фауной?

Фауна не слишком богата, но есть реликтовые раритеты. Да какие! Лет двадцать назад главный хранитель, музея Дарвина и основатель Семинара по реликтовому гоминоиду П. П. Смолин указал исследователю проблемы Владимиру Михайловичу Пушкареву именно на эти места как на возможное место обитания легендарного существа. Он считал, что реликтовая флора может подвести и к реликтовой фауне! Верная, плодотворная подсказка!

И вправду, рассказов о реликтовом гоминоиде здесь, на Тиманском кряже, как и на всем нашем Севере, предостаточно. Но я-то ценю даже не новый сюжет и не буквально свидетельство о встрече с таинственным зверем. Иногда косвенные признаки присутствия этого существа дают побольше информации, нежели рассказ типа «что-то темное мелькнуло в темноте». Для меня дороже тот психологический климат, который рождается в неторопливом и будто случайном разговоре о реликтовом гоминоиде. Сыграть роль «первооткрывателя» практически очень трудно.

Прекрасным собеседником оказался колхозник Михаил Егорович Рочев, он же и охотник. Впервые о необычном двуногом звере он услышал в 1953 году: факт встречи произошел около поселка Ярыга с одним из местных жителей. Не менее его взволновала и история, приключившаяся в селе Помозгино, кстати, она была освещена в местной печати. «Вот с тех самых пор,— рассказывал Михаил Егорович,— когда понял, что это не сказка, сам мечтаю встретить зверя. Я всего-навсего человек и, безусловно, испугаюсь. Но уже не представляю себе жизни без встречи с ним. Как можно ходить рядом и не видеть!» Очевидно, эта простая мысль чаще всего и побуждает к поиску, и не только заинтригованного старожилы. Жить рядом — и не встретить? Мы сплавлялись все дальше и дальше... Пора раскрыть, кто скрывается за местоимением «мы». Мы — Александр и Олег Фесенко, Ирина Немеш, Галина и Анатолий Нестеровы, Валерий Торлопов, я и еще несколько профессионалов — репортер, операторы, звукооператор (все в надежде на встречу, которой так и не произошло в этот год в этом месте). Мы из Москвы, Черкасс, Оренбурга, Горького, Ухты. Так вот, впереди нас ожидал, пожалуй, самый существенный рассказ об очевидном и невероятном — Николая Канева. Они с приятелем Олегом отправились в январе 1980 года на охоту — на лыжах. Дело обычное. У дальнего переката М. они остановились в знакомой избушке: попить чаю, отдохнуть. Когда услышали шаги со стороны реки, решили, что кто-то из охотников ищет привал. Николай рассказывал,

что успел подумать: «Еще чайку попьем...» И направился к двери, чтобы открыть пришедшему. Толкнул дверь, но она не открылась сразу. Дело в том, что каждый тянул ее в свою сторону. Что это за гость, который не совсем хорошо представляет себе, как дверь открывается? Или поземку успело нанести под дверь?.. Николай вдруг оказался лицом к лицу с человеком, покрытым с ног до головы светлой шерстью, ростом под два метра. «Шерсть длинная, сантиметров пятнадцать,— рассказывал Николай.— На лице корочка. Глаза узкие, нос очень курносый, ноздри видны. Звуки он никакие не издавал, молча смотрел на меня». Рассматривали друг друга недолго. Николай с силой потянул дверь и отпрянул к задней стенке избушки, где почти без чувств пребывал Олег. Дверь плотно захлопнулась. Еще раз открывать ее пришелец не стал. Когда товарищи пришли в себя, Олег от неловкости за пережитый страх схватил ружье и стал кричать: «Открой дверь, я его убью!..» «Открывай сам, если такой храбрый»,— помнится, отвечал Николай. И только тут заметил, что деревянная ручка от двери до сих пор зажата в его кулаке. Пальцы пришлось разгибать по одному. Потом, направив ружья на дверь, они в страшном напряжении так и сидели, пока не уснули, очевидно, уже глубокой ночью. Утром, едва открыв глаза, сразу вышли в лес, засыпанный новым снегом. Следов никаких, и приятели заспешили домой. Надо отдать парням должное — уходя, они оставили записку, мол, знайте, люди добрые, что такого-то дня избушку посетил неведомый зверь, похожий на человека... Почти по всем рекам этого края бытуют рассказы о нашем герое. Причем есть совсем недавние. Есть и сведения о двуногих, проживающих на болотах, казалось бы, в местах крайне неудобных. Как рассказы, так и местность, мы оценили со своей точки зрения положительно: пока наличествует все необходимое для обитания реликтового гоминоида. Вот уже и наступил новый сезон моей работы. Мои интересы переместились в Заполярье, где нашим коллективом (В. Роговым, М. Гавриловым, Л. Ершовым и мной) обнаружен резерват искомым животных. А мысленно я все возвращаюсь на скромную и прекрасную Кедву. Жадно ловлю в печати фразы, чаще всего казенные, скупно выраженные, но точно обозначающие все то, что мною воспринято и пережито на уровне эмоций. Например: «Освоение огромных территорий Севера не может быть отраслевой ведомственной задачей какого-нибудь министерства и даже нескольких — это, безусловно, общегосударственная проблема». Или: «В настоящее время получение максимальной выгоды при минимуме затрат должно сочетаться с расходами на сохранение экологического равновесия...» А вот теплее сказано: «Мы до сих пор безмятежно купаемся в лесном сырье. Наше сознание развращено хвастливой уверенностью, что наша страна сказочно богата «лесным золотом», что у нас половина мировых запасов самого ценного хвойного леса...» Это как раз о Коми АССР. Причем сказано человеком, от которого постарались избавиться самым безнравственным способом, который только можно придумать, лишь за ПОНИМАНИЕ серьезности экологической катастрофы,— Владиславом Лариным, бывшим заведующим лабораторией лесоведения научного республиканского центра Коми АССР. Не знаю, я всего один раз слышала выступление на эту тему представителя высшего эшелона местной власти, а именно первого секретаря Коми обкома КПСС, и очень поверила ему.

Как широко и глубоко мы осведомлены о положении дел с тропическими лесами. Уже с детства почти все можем рассуждать об уничтожении там легких планеты. А что такое леса нашего Севера?

На северных территориях западного полушария лесами ежегодно вырабатывается почти полтора миллиарда тонн кислорода. Столько же и на территории восточного. Это те же, что и там, «зеленые легкие», но о роли которых до сегодняшнего дня скромно умалчивается, чтобы никто не посмел так же вольно рассуждать о них, как в первом случае. Конечно, менее экзотичны растения Севера, но функции свои они выполняли еще до недавнего времени вполне профессионально и добросовестно.

Как успокаиваем мы свое сознание только пониманием того, что природа Севера очень уязвима и легко разрушается. Такого рода фразы воистину

застряли в зубах. Неужели этим пониманием исчерпывается представление об интеллекте?

А ведь в описываемых нами условиях ежегодный прирост фитомассы и ее общие запасы, по мнению знатоков, в пять—пятнадцать раз меньше, нежели южнее. То же относится и к почвенной микрофлоре и микрофауне. На Севере проходят границы распространения многих растений, а также позвоночных и беспозвоночных животных. Здесь такие экстремально-пороговые условия, где любое воздействие разрушает экосистему — из учебника в учебник кочует это предложение, но ума не прибавляет.

Из-за того, что леса беспардонно «дорубливают» по Черной Кедве и вырублены по притокам Белой Кедвы, реки обмелели. Небольшое повышение летних температур в 1987 году по сравнению со средней многолетней привело к тому, что хариус не выдержал такой термальной перегрузки. Он всплывал кверху брюхом. Ведь общеизвестно, что у большинства видов рыб температурный оптимум приближен к максимуму. Даже незначительное превышение температуры по сравнению с оптимумом чаще всего приводит организмы к гибели. Ну а знаком ли кто-либо с более сказочным сюжетом, чем обещания лесовосстановительных мероприятий? Это понятие перешло в область фольклора и значительно устойчивее, чем предположение о существовании животного, которое избегает встречи с человеком уже не одно тысячелетие, прячась за литературными образами лешего, домового и прочих персонажей.

Заметьте, речь идет о малонаселенной местности, где не дымят трубы, нет никаких выбросов гигантских индустриальных монстров. Просто есть река, лес, редкие сенокосы.

Мы все и все знаем о растительном и животном мире нашей страны, о Севере в частности, даже об экологическом состоянии планеты в целом, далеко не всем приятны, казалось бы, научно-фантастические идеи о возможностях в случае летального исхода с планетой Земля поискать убежища на других планетах. Но тогда почему мы не пользуемся уже накопленными представлениями, знаниями, целесообразностями? Чего мы ждем? Традиционно еще совсем недавно на подобном вопросе могла бы закончиться любая статья с уклоном в экологию. Сегодня понимание проблемы от Амазонки до Кедвы сводится, по моему, к вопросам народовластия. Народовластие — единственное, что можно противопоставить безумию самоуничтожения, или, если вспомнить Станислава Лема, всей .сумме технологий. Надо покончить с эрой отстрела защитников зеленого движения. Пять раз стреляли в бразильского Ганди Франсиско Мендесу. Это преступление против экологии, как его оценили единомышленники, завершилось гибелью Мендесы 22 декабря 1988 года. Так то у индейцев! А разве пепел Клааса не стучит в мое сердце? Наш спутник Валерий Торлопов не один раз оказывался под прицельным огнем браконьеров. Уже и к дереву привязывали, чтобы попасть наверняка. (Ведь даже браконьер перевелся профессиональный — только что и оставляет на природе подранков!) Торлопов — коми по национальности, воспринявший от предков представление о целесообразностях в природе. Он преподаватель вуза, один из энтузиастов природоохранного дела в Ухте. Этот интеллектуальный, высокообразованный человек не дрогнул и продолжает свое дело на земле предков. Не слишком ли высока цена такой работы? Как мы любим уже погибших на их нелегком пути — первопроходцев, поэтов, природоохранителей! А как же с живыми? Нам дан все же один шанс изменить сложившуюся ситуацию — выборы лучших людей, истинных патриотов, равнодушных в местные Советы. Это единственная сила, способная реально преодолеть браконьерство и государственного масштаба, — браконьерство чиновников и ведомств, которым пока вопреки воле народа удалось .подменить жизнь планом.

Глава 5: Легенда для взрослых

Во многих публикациях речь идет об одном: свидетельствах существования реликтового гоминоида, или, как окрестили его газетчики, «снежного человека». Так что же, открытие состоялось?..

Об этом человекоподобном животном первые сведения дошли до нас из античной литературы. Есть упоминания о чем-то подобном в Библии и Коране, по говоря уже о мифах, сказках, монастырских летописях.

Экспедиции в Гималаи, Каракорум, на Тибет в конце XIX — начале XX века отмечены встречами с непонятными следами — отпечатками босой человеческой ступни, превышающей по размеру всякое разумное представление.

В 1925 году исследователь Н. А. Томбази не только имел возможность рассмотреть такие следы, но и видел метрах в двухстах существо, напоминавшее человека. Отечественные научные попытки прояснить вопрос имеют свою историю. Изучение наследия Н. М. Пржевальского позволяет сказать, что он располагал сведениями о «диком человеке». Но, к сожалению, подыскивал он им привычные, «реалистичные» толкования. К. А. Сатунин (1899), Б. Б. Барадийн (1906) не просто писали об этом животном, но и сами видели его. Заслуживает пристального внимания интерес к этой теме зоологов Д. Н. Кашкарова, Воскобойникова (девяностые годы прошлого века). Нельзя не упомянуть работы зоолога В. А. Хахлова в данной области (начало нашего века). Академик П. П. Сушкин, один из крупнейших русских зоологов, попытался собрать все накопленные до него знания воедино. Были и другие ученые, систематизировавшие сведения о существовании человекоподобного животного. Приходится только удивляться, что их мнение забывается.

Наши современники — профессора А. Сандерсон (Америка) и Б. Поршнева (СССР) почти в одно и то же время написали фундаментальные работы о проблеме реликтового гоминоида. Первая издана в 1981 году, вторая — в 1963 году. Ценность их заключается в том, что максимально расширена география проблемы, изучение вопроса ставится на научную материалистическую платформу.

Сегодня почему-то большинство отечественных периодических изданий с удовольствием публикуют сведения о встречах с этим животным за рубежом. Даже самые стойкие из них не удерживаются перед сообщением, что какой-то иностранный фотограф что-то снял неведомо на каком континенте...

...Лето 1986 года, Непал. В горах первая встреча альпиниста Рейнхарда Месснера с йети — так местные жители называют «снежного человека». «Мимолетное видение» — так позже охарактеризовал встречу сам Р. Месснер. Была и вторая — на высоте 4200 метров. Ночь. Лес. Испуг, испытанный отважным горвосходителем. Что испугало?

Да все вместе: горы, ночь и непонятное существо, его оглушающий боевой свист... Да, свист! Его не спутаешь ни с чем. Сама слышала: полдень в Крыму, поход по высохшему руслу реки вверх к вершине горы, пещера с болотом у входа (застой воды при редких ливневых потоках), поросшим могучим камышом, неправдоподобная тишина и — пронзающий душу свист... С неким, как я говорю, металлическим «привкусом».

Каждое лето для одних прогулки за город, для других — сельскохозяйственные работы, для третьих — сезон экспедиций. В поле уходят партиями тысячи геологов, археологов, геодезистов. Устремляются в свое «поле» и туристы. Время от времени читатель узнавал о тех, кто ищет встречи со «снежным человеком» — нашим, отечественным. И даже о тех, кто пытается его отловить. А если серьезно? Нужно ли ловить?

Борис Федорович Поршнева не сомневался, что реликтовый гоминоид — реальность. Он считал, что это не кто иной, как неандерталец. На четырехстах страницах описал это существо на основе сотен свидетельских показаний. А главное — сегодня это особенно важно для естествоиспытателей — оговорил и методику поиска.

Сегодняшние призывы ловить «снежника» — безусловно, запрещенный прием. «Надо ли назначать денежную премию за доставку трупа убитого «дикого человека»? — спрашивал Поршневу. — В большинстве случаев это не дает эффекта, ибо жители не умеют добывать такого зверя и рассчитывают, что сделка неразумна, так как и охотник, и его дети должны будут погибнуть от совершенного святотатства».

И далее: «Получение... скелета и шкуры... не является основной целью исследования.

Эта цель может представляться первоочередной лишь тем, кто сводит дело к выигрышу какого-то научного пари со скептиком».

Итак, что важнее — выстрел, капкан, усыпляющий выстрел или постижение явления природы, ее тайны, реликтового существа в его среде обитания?

Конечно, можно по методике «детей лейтенанта Шмидта» поделить страну на загоны и вместо наблюдений заняться пальбой. Есть охотники, для которых все средства хороши. Легенды, легенды... Самое время покончить с бумом вокруг «снежного человека». И серьезно заняться изучением реликтового гоминоида не где-нибудь в Колумбии или Гималаях...

Я работала с Б. Поршневым с шестидесятых годов. Почти три десятилетия занимаюсь этой проблемой. Начала со сборов рассказов о подобном существе в Литве. Там еще можно услышать рассказы о Локисе: его четко отделяют от медведя...

Потом стали накапливаться и другие свидетельства. Например, мой брат, будучи в 1974 году в Абхазии, столкнулся в саду с животным на двух ногах, превышающим его ростом, покрытым белой шерстью, с пропорциями тела вполне человеческими.

Как брат рассказал, оно шло по рядку поспевающей кукурузы и чавкало молочным початком. Заметив человека, отпрыгнуло на несколько метров в сторону (совсем не по-человечьи) и моментально скрылось. Поинтересовалась, может, местные жители уже встречали нечто подобное. Встречали! И неоднократно. Особенно интересный рассказ записан в семье Г. Андросенко: «Мне пятьдесят пять лет. Из них здесь я живу тринадцать. И за все это время со мной лично один раз был такой случай, что второй раз не хочу, чтобы это повторилось. Накануне вечером наломал я табак и решил оставить листья до утра в поле. А ночью стало дождить, и тогда мы с женой пошли за табаком. Было часа четыре ночи. Мы шли и разговаривали. Я за собой коня вел. Подошли к этому вот месту, здесь колодец, где коровы пьют. Как раз луна выглянула. Вдруг слышим: в кукурузе что-то сильно шелестит. Жена испугалась: что это? Я говорю, не бойся, наверное, собака бежит... А сам вижу: по кукурузе к нам бежит черный высокий, как столб, человек. В плечах — полный. Лошадь сразу захрапела и стала вырываться. Держу за узду, не выпускаю. Сам сильно испугался. Смотрю, а тот человек по кукурузе бежит прямо к зарослям ежевики. Там особенно кукуруза высокая, и он с ходу хотел перешагнуть кусты, но за ежевикой земля сразу ниже на полтора метра, как бы трамплин, потому что выбрали песок, и получился маленький карьер. И с той стороны нас не видно. И вот перескочил он кусты ежевики, у самых наших ног с размаху плюхнулся. Тут я увидел, что это вроде мужчина, весь черный и совсем без одежды, здоровый такой. Лица не рассмотрел, только видел, что он весь в длинных волосах. Я со страху хотел на него навалиться, а жена за рубашку схватила, назад тянет, приговаривает: «Да куда ты?» Тут я зрение потерял, будто куриная слепота нашла, нагнулся, пытаюсь на ощупь схватить его, а его уже там нет... Жена говорит: «Вот он!» И снова мы услышали, как сильно зашелестело па кукурузе. Потом жена объяснила: когда я нагнулся, он увернулся и взлетел назад в кукурузу... Мы растерялись, пошли дальше, не соображая ничего. Прошли метров десять, я сказал: «Дома ребенок, если он придет туда, может задушить его». И мы быстро вернулись домой. Заснуть уже не могли. Думали о том человеке, удивлялись, как он на нас не напал. Утром чуть свет собрали соседей, рассказали все, и с собаками пошли рассмотреть место происшествия. Там, где он плюхнулся, кукуруза была вытолчена, летел он от ежевики метров семь. Следы его вели в кукурузу, после дождя они были

хорошо видны. Каждая ступня от пятки до пальцев сантиметров сорок, не меньше. Все соседи смотрели, слушали и удивлялись. Нашли в кукурузе место, где он лежал. А бежал он в горы. Болел я после этого. Теперь не задерживаюсь в поле. Как только стемнеет, иду домой, пусть там хоть табак, хоть дождь! Соседи такие следы видели, но никто именно этого человека не встречал. А еще сын видел такое существо, только то была женщина...» (Запись Р. Сварчевского). И так далее. Рассказы эти позволили очертить место обитания нескольких особей. Это был лес, густо переплетенный лиановидной растительностью, куда мог углубиться только кабан. В 1985 и 1986 годах я ездила в Западную Сибирь.

...В 1985 году во время возвращения оттуда, где я собирала фольклор и рассказы очевидцев о реликтовых гоминоидах, моим попутчиком в поезде оказался молодой охотник Володя, манси по национальности. Он заинтересовался тем, что я рассказала ему о своем путешествии. Слушал меня с огромным вниманием и задавал много вопросов. Узнав, что я не сторонник тех, кто собирается ловить, усыплять или убивать искомое существо, он вдруг признался, что сам, а также его отец и дед не раз видели такое животное. Володя рассказал, что в глухом кедровом бору, стоящем в окружении болот, в семидесяти километрах от поселка, у него есть сложенная еще дедом охотничья избушка. Лет сорок назад дед заметил, что по ночам, обычно к рассвету, кто-то подходит к жилью. Дед и отец Володи не раз видели из окна лесного пришельца, похожего и не похожего на человека. Он был велик ростом, могучего телосложения, без одежды, с головы до ног покрыт волосами красновато-коричневого цвета, за исключением левой руки, где от кисти до локтя цвет волос был белым. За это его прозвали Меченым. О своем прибытии, как это ни удивительно, Меченый извещал стуком в окно. Может, предупреждал, чтобы не столкнуться, а может, наоборот, вызывал. Но испуганные люди никогда не выходили из избушки при его появлении. Охотничья лайка всегда скрывалась при появлении Меченого и возвращалась после его ухода. Постучав в окно, Меченый ходил некоторое время около избушки, будто что-то искал. И при этом бормотал. Приходил он обычно в августе, в некоторые годы его не было вовсе, а в 1985 году его видели дважды. Не буду утверждать, что я сразу же поверила моему спутнику. Видимо, почувствовав это, Володя пригласил меня в гости с тем, чтобы я убедилась в правдивости его слов. Место это от Москвы весьма удаленное, и в 1986 году мне не удалось туда выехать. Между тем Володя писал мне, что в 1986 году Меченый трижды появлялся у избушки. И вот снова письмо от Володи с приглашением на лето 1987 года. Условие его такое: я могу сообщить о своем наблюдении, если оно состоится, но не должна называть фамилию Володи и место жительства, а также не брать фотоаппарат. Условие, разумеется, мной было принято. Я взяла с собой мешочек гипса для изготовления слепков следов в случае их обнаружения, но не взяла фотоаппарата. Была уверена, что не смогу сделать хороших снимков в тех условиях, при которых, по словам Володи, появляется Меченый. Сама же попытка фотографирования отвлечет меня от собственного наблюдения и может отпугнуть того, чье расположение казалось мне самым важным. И вот в августе 1987 года я оказалась в дальнем таежном поселке Тюменской области. Володя, его жена Надя, отец и дед приняли меня радушно и подтвердили все то, что я уже знала от Володи.

...В субботу 15 августа Володя, Надя, я и их трехмесячная лайка по кличке Бокс отправились из поселка к заветной лесной избушке. Путь был трудным, последний этап пролегал через болота. До избушки мы добрались под вечер, совершенно выбившись из сил. Перед тем как легли спать, Володя положил под окном несколько бревнышек и накрыл их листом фанеры, на котором обычно сушатся кедровые орехи. «Чтобы не застал врасплох», — пояснил он мне. Его предусмотрительность не была напрасной. На рассвете мы услышали, как кто-то наступил на фанеру и затем раздался двойной стук в окно. Я пулей выскочила из постели, метнулась к двери, сбросила крючок и оказалась на крыльце. Володя и Надя последовали за мной. Светало, и первое, что я увидела, было белое пятно на фоне темных деревьев. После этого я

увидела всю фигуру. Он стоял от нас в пяти метрах, прислонившись плечом к стволу высохшего кедра с ободранной корой. Резко выделялась белая часть левой руки от кисти до локтя, и ярко светились красные глаза. Освещение было достаточно хорошим, и я находилась столь близко, что подробно могла его рассмотреть. Рост — два метра. Он смотрел на нас своими огненными глазами, переводя взгляд с одного на другого. При этом он издал какой-то звук, как бы прочистил горло: «кхэ», не разжимая губ. В целом по своим пропорциям, особенно нижних конечностей, это было существо, подобное человеку, а не обезьяне или медведю, стоящее на задних лапах. Но весь он был по-звериному покрыт густой короткой шерстью красновато-коричневого цвета, за исключением предплечья левой руки, которое было белым.

Голова в фас выглядела округлой, но позднее, когда Меченый повернулся, я заметила удлинённый затылок. Волосы на голове короткие, 2—3 см длиной. Кожи лица я не видела, все оно заросло волосами, не видно было ни ушей, ни носа, ни ноздрей. Видны лишь глаза, продолговатые, глубоко посаженные под выступающими надбровьями. Челюсти незначительно выдвинуты вперед, видна узкая длинная щель рта. Голова посажена прямо, шеи не видно. Очень широкие плечи, необыкновенно развитые. Подобная мускулатура возможна разве что у культуриста. Грудь мощная, бочкообразная. Могучие руки свободно свисали вниз, длина их была такой же, как у человека. Кисти рук непропорционально большие. На ладонях рук была видна необволоченная кожа, также красноватого цвета. Ноги высокие, стройные. Ступни, как и кисти рук, казались непропорционально большими... Голова была совершенно ясной. Наступило мгновение, когда я подумала: «Что же дальше? Мы подойдем к нему или он к нам? Впрочем, нужно ли это вообще?»

И тут «противостояние» кончилось так же внезапно, как и началось. Раздался лай и визг Бокса, который бросился из-за избушки к ногам Володи, то ли спасая хозяина, то ли в поисках у него защиты. Меченый быстро повернулся, сделал шаг за дерево и скрылся в лесу... Мы вернулись в избушку и заперли за собой дверь. Когда наконец пришли в себя, то вышли наружу, подошли к сухому кедру, у которого стоял Меченый. Мы искали следы под деревом и далее, в направлении, где скрылся Меченый, но земля была покрыта толстым слоем кедровых иголок, и следов они не сохранили. Затем мы обошли избушку, тщательно разыскивая следы. Все напрасно: следов Меченого мы так нигде и не нашли. Ходили мы все время втроем, вернее, четвертым был Бокс. Мы были угнетены и подавлены. Володя и Надя не раз повторяли: «Зачем мы к нему вышли?» Мы пробыли там еще восемь дней и вернулись в поселок, когда Володе нужно было возвращаться на работу. Никаких действий для привлечения Меченого мы не предпринимали, никаких привадов не раскладывали. Думали, если захочет, то придет и так, как он это сделал в первый раз. Рядом с избушкой часто стояли бочки с клюквой, кроме того, хозяева сушат во дворе грибы и орехи, но Меченый никогда ничего этого не брал. Вернувшись в Москву, я места себе не находила, а тут еще получила тревожное письмо от Володи. В нем были такие слова: «Не знаю, как жить будем дальше». Я решила, что надо, не откладывая, снова поехать с ними на то место.

В середине октября мы, как и в первый раз, снова оказались в знакомой избушке. Ни в первую, ни в последующие ночи никто в окошко не стучал. Лишь однажды ночью мы услышали странный протяжный крик в лесу и подумали, что это крикнула птица. Утром хватились Бокса, звали, но он не появлялся. Стали искать в лесу и метрах в ста от избушки нашли его тело, разорванное от хвоста до ключиц. Кости черепа под кожей были разбиты с правой стороны, челюсти сомкнуты, язык торчал изо рта и был прикушен зубами. Мы были потрясены таким зрелищем. «Меченого работа», — сказал Володя. Действительно, подобным образом со своей жертвой не расправляется ни одно из известных нам животных. Для этого нужны руки и огромная сила. Мы решили, что Меченый подстерег Бокса, схватил за задние лапы, с размаху ударил о ствол дерева, разбив череп. Перед смертью пес издал крик, который мы слышали ночью, и прикусил язык. Мы захоронили Бокса на болоте, прикрыв мхом. Это было 22 октября. Человек неробкого десятка, таежник, ходивший на

медведя, Володя был не на шутку встревожен случившимся, стал собирать вещи, и в тот же день мы покинули зимовье. Такова суть происшедшего. Главный результат в том, что теперь Меченый для меня — реально существующий зоологический объект. Я не могла обмануться, поскольку к подобной встрече была готова. Долгие годы активного интереса к реликтовому гоминоиду дают право утверждать это. Случившееся со мной позволяет надеяться на новые встречи. История описываемой особи прослеживается на протяжении сорока лет — такими словами я закончила свое первое сообщение о Меченом. В сезон 1988 года я вновь приехала в эти края. Срок появления Меченого в этой местности (хотя были случаи, когда он либо не появлялся совсем, либо проходил незаметно)—с 15 по 25 августа. (Меченый в этих местах не живет, даже временную его лежку или четкие следы здесь ни разу не видели.) Ночи с десятого по пятнадцатое августа я и Володя провели на кромке бора и поляны с избушкой. В разное время наблюдали мышкование двух лис. Грызунов много. С шестнадцатого по двадцатое включительно были в избушке, ночью не спали. В окошко никто не стучал. Никакие крупные животные к ней не приближались. Жареное мясо, оставленное на шестах на высоте человеческого роста, оказалось нетронутым. Следовые полосы (три на четыре метра), ни меловые, ни посыпанные молотым кирпичом (с одновременным привлечением цветом), не носили на себе даже птичьих следов. Нитяные тенета между деревьями, окружающие поляну, повреждены не были. С двадцать первого по двадцать пятое, оставив избу на деда, мы с Володей переместились на ночь на край бора и болота в том месте, которое у нас под подозрением еще с прошлого года (ощущение, что именно оттуда он выходил). В ночь с двадцать второго на двадцать третье августа, буквально непроглядную, с одиннадцати до шести мы не смыкали глаз. Устроились под стационарно не установленной палаткой, как в общем спальном мешке, ногами к первым деревьям бора, выглядывая из-под палатки в сторону болота. Место было удачное — под нами была вмятина, и только головы возвышались над землей, да и то не полностью. Небо было мрачным, абсолютно темным. Будто, наконец, на исходе лета решил пойти дождь. Вообще же дождей не было даже весной, и поэтому на кромке болота появилось много нетипичной растительности. В частности, выколосились злаковые травы. Их золотистые стебли и листья в связи все же с негустой плотностью стояния были надломлены ветром на разной высоте. Здесь было необычно сухо. Мхи стояли затвердевшими, но не ломкими, а эластичными — надавишь, тут же медленно возвращаются в исходное положение. Небо через каждые 5—10 минут освещалось огромными зарницами с разных сторон, было впечатление, что перед нами расположена периодически подсвечиваемая сцена. Воробьиная ночь. Мы одновременно заметили в тот момент согнутую фигуру Меченого. Он то продвигался ближе к кромке леса, то уходил глубже в сторону болота. То возвращался назад. Передвигался неравномерно, слегка подпрыгивая, как это делает человек, боясь на что-то наступить. Время от времени он падал животом на траву и подымался, сжимая что-то пальцами правой руки (ногтями вверх). А затем без всякой предварительной очистки, не рассматривая, по-деловому (без потрошения, как об этом мы не раз слышали) начинал откусывать от этого «ломтя» так, что это напоминало игру на губной гармошке. Такие действия мы наблюдали чуть больше часа — с двенадцати до часу с четвертью. Самое близкое расстояние до него было около 25 метров. Мы ясно видели белую часть руки, что не вызвало сомнений — перед нами был Меченый. Я имею представление, как гоминоид разделяет тушку грызуна. И есть утверждения, что он отбрасывает какие-то, кажущиеся ему ненужными или несъедобными части. Но здесь ничего подобного не было, и по «мягкости» процесса еды казалось, что, может быть, это охота на лягушек или ящериц, к тому же мы не слышали писка жертвы, что имело бы место в случае с грызунами. Погрызов, каких-нибудь остатков мелких животных в своих дневных поисках мы не обнаружили. Удалился Меченый так же невыразительно, как и предстал перед нами. Самое главное — мы видели его и в кромешной тьме и без небесной подсветки. Для нас важно потому, что это снимало часть страха в случае

нашего обнаружения Меченым, попросту не давало ему возможности подкрасться незамеченным. (Как часто человеку кажется, что он настолько привлекателен, что к нему могут подкрасться!) Так вот, все было в природе наэлектризовано, поэтому между шерстью ног Меченого и высохшей травой, в которую он то и дело погружался, возникали редкие, достаточно заметные искры. (Тогда я не предполагала, что через месяц буду держать в руках такие шерстинки и удивляться их невероятной наэлектризованности.) Несмотря на то, что глаза разбегались от смены событий, страх постоянно владел нами. Был момент, когда я уже не могла больше совладать с собой — мне захотелось встать и обнаружить себя. Но мой спутник вовремя остановил меня и зашипел: «Если не хотите моей гибели, не двигайтесь!» Это прозвучало очень отрезвляюще, непохоже на Володю. И даже по прошествии нескольких дней я так и не расспросила о смысле сказанного. А смысла может быть два: либо придется вступить в контакт-конфликт, либо кто-то уже рассказал ему о запрете на животное, причем серьезнее, чем ранее. Только рассвело, мы бросились искать следы. В траве много раз отпечаталось его двухметровое тело, а также проходы между местами падения. Но все это бесформенно, не индивидуально, неопределенно, и трава была поломана неодинаково по высоте. То есть если бы была цель сфотографировать это, то имело бы смысл действовать только с дерева (которое в нашем случае было далеко) или с вертолета, но так, чтобы не поднял траву. Фотоаппарат мы оставили, по мягкому настоянию Володи, в поселке. Ни с чем по эмоциональному накалу, сочетающемуся с пронизывающим тебя страхом, нельзя сравнить впечатление от встречи с этим животным. ЖИВИ, МЕЧЕНЫЙ!

Ну вот, скажете вы. Это же несерьезно. Это не научно. Понимаю. Но все же в миллион раз лучше, чем ситуация, показанная в американской ленте «Кинг-Конг». Пошлая реплика юной и прекрасной внешне героини фильма в отношении того, будто она разгадала, какие чувства привлекли к ней Кинга, свидетельствуют именно о человеческой жажде утилизации всего живого в своих целях. Заурядный фильм ряженых. А поди же ты, в нем разложена, как по нотам, судьба любого меченого, давшегося в руки человека. Если всерьез идти по линии исследований, надо обязательно найти «ничейную» особь. Чтобы вести себя свободно. Так, как это подобает исследователю. Нарушить обещание я не могу. Но я благодарна судьбе и за то, что видела зверя. Все понимающий, так называемый простой человек Володя сказал: «А разве всего виденного пока нам с Вами мало?» И еще: «Я не хотел бы видеть Меченого на лабораторном столе — я не мог бы после этого жить». Сколь многие хотят знать места, где еще можно увидеть животное. Они даже неустанно требуют, чтобы им дали точный адрес, чтобы их не просто взяли с собой, а чтобы они вершили судьбу Меченого. И если отказать (а это уже со мной было дважды), то грозят обесславить в прессе, дескать, либо давай адрес, либо не было этого, и все тут. Ведущее направление таких мыслителей: «Отдай!» Но я-то знаю поименно всех, кто охотится за «снежным человеком» с ружьем. Как правило, это люди инфантильного склада ума. Неизвестно, что преобладает в них, — жажда славы или жажда крови для укрепления мысли о своей сверхполноценности. Эдакие раскольниковы!

Есть еще одна категория, как я их называю, скрытых убийц. Это те, которые даже стремятся выглядеть учеными, причем гуманного склада, кричат на всех перекрестках, что зверя убивать не надо. Но когда остро встанет вопрос о необходимости доказательств, они пойдут на все, не дрогнув. Они и сейчас заявляют во всеуслышанье, что для доказательств одного трупа мало! Им нужны трупы. И много...

Глава 6: Рассуждение о немыслимом

«Без введения никак нельзя, взаимоотношения человека и животного, а затем очевидца и общества очень сложны и важны», — так задумала я. В августе 1961 года Лев Ильич Морозов, геолог-нефтяник, работал в Среднем Гоби километрах в двухстах от города Даландзадгад.

Две монтажные бригады на бурении скважин постоянно сменяли друг друга. Как-то так получилось, что техник Морозов не спал уже две смены и буквально валился с ног. Тогда метрах в семидесяти от общей юрты ему поставили палатку, чтобы можно было как следует выспаться. Он лег, когда только начало темнеть. Неожиданно проснулся среди ночи. Палатка вся сотрясалась, будто кто-то, решив его разбудить, ходил вокруг нее, специально задевая крепежные веревки и колышки. Свалился какой-то ящик, полетели кружка и ложка. Обозленный до крайности, Лев Ильич выскочил из палатки. И — налетел на чудище... Первое, что сразило, нет, не размер незнакомца, а отвратительный запах. Рост же обычный, ненамного превышающий собственные морозовские метр семьдесят...

Широко расставленные дикие глаза, лохматый с головы до пят, кроме лица, двуногий, человекоподобный. Из рта выглядывало нечто, напоминающее пару клыков (об этом очевидцы упоминают очень редко — один—три из тысячи, да и не совсем ясно, клыки ли это на самом деле). 102 Морозов, как он мне рассказывал, успел подумать: «То ли бродяга, то ли одичавший человек». (Он тогда еще не знал, что даже в экстремальной ситуации отшельник или заблудившийся человек, как бы долго он ни скитался, не обрастает волосами, тем более сплошь.) Шеи как бы не было, руки и ноги длинные. Несколько секунд — глаза в глаза — рассматривали друг друга. Состояние свое геолог сравнил с шоковым. В какую-то долю секунды решился, собрался с силами и рванул к юрте. Сзади раздался истошный вопль, взлетевший к самым высоким нотам, — такого звука никогда Морозов не слышал ни до, ни после события. Над площадкой стояла полная луна, к тому же горел факел. На вышке дежурил верховой. Оказалось, он оттуда наблюдал за происходящим. Морозов оглянулся: непонятное существо бросилось в противоположную сторону, словно обезьяна (что-то было во всей его фигуре в тот момент такое, что привело очевидца к этому сравнению). Верховой там, у себя, не выдержал и разразился громким обидным смехом. Морозов добежал до юрты. К нему подбежали рабочие, кто-то из них едва расцепил его крепко стиснутые зубы, влил обжигающую жидкость. Спустился верховой и рассказал, что видел. Выслушав рассказ о редком посетителе, монголы тоже стали откровенно смеяться и наперебой утверждать, что это такое же обычное животное, как джейран, и что ничего плохого оно людям не делает. Придя в себя, Морозов предложил догнать животное и подстрелить. «Зачем стрелять? — сказали ему. — Он любопытный, пришел на свет факела. Может, долго не решался. Мы здесь третий день, раньше не подходил. Да он после этого сюда и не придет». Выяснилось, что некоторые из рабочих видели такое животное, хотя бы раз в жизни, а самый пожилой монгол — даже дважды. Вот при каких обстоятельствах Л. И. Морозов, ныне доктор геолого-минералогических наук, впервые столкнулся с проблемой «снежного человека». И задумался над тем, в чем же она, проблематичность? Так как виденное не давало ему покоя, он беседовал со многими монголами на эту тему. И пришел к выводу, что невозможность согласиться с реальностью такого животного, очевидно, свойство европейского ума. Подкрепление подобной мысли он получил и в годы работы в Индии. А в то время все его собеседники давали ему толковый совет: никому не рассказывать о встрече. И оказались правы. Ибо вот что произошло чуть раньше с гидрологом А. Г. Прониным после встречи с реликтом на Памире. Сообщение промелькнуло в прессе и вызвало... бурю негодования представителей официальной науки! Как это — чтобы наш советский человек посмел увидеть «человека снежного»? Далее события разворачивались, как в памятном фильме Л. И. Гайдая «Кавказская пленница». Пронина проверяли все, кому не лень, — и психиатры, и их, скажем так, потенциальные пациенты.

Была создана комиссия, которая без него (очевидца!) поехала на Памир в те места (какие?), где произошла встреча, и пыталась определить, мог или не мог гидролог на таком (каком?) расстоянии что-то увидеть. Конечно, в свете подобного отношения Морозов был прав, вняв советам и сохранив виденное в тайне. Но противоречило ли то, что случилось с Морозовым, представлениям монгольских ученых, к тому времени полнее, чем в других странах, собравших сведения о подобных встречах (работы были начаты еще в начале века)? Наоборот, его случай вполне вписывался в свод подобных сведений. Академик Дорджи Мейрен, изучавший именно ареал животного, сделал заключение, что с 1927 года алмасов, или хун-гуресу, на территории страны уже было мало. Встречи происходили лишь в Гоби и в районе Кобдо. Именно там и произошло все, рассказанное Морозовым. Меня очень интересуют люди, которые видели таинственное животное. Причем лучше однажды или дважды, но ни в коем случае не несколько десятков раз (например, сорок). И еще. Мне не так важна на этом этапе работы длина таинственного следа, соотношение длины и ширины странной стопы, длина шага, наличие или отсутствие клыков (что безумно не вписывается во что-то заготовленное) и прочие свидетельства. Куда важнее кажется мне психологический климат встречи. Реакция животного, реакция подготовленного человека, неподготовленного, особенно элементы игры. Только серьезное изучение всего этого даст основание для контакта. А тогда уже будут возможными все промеры и описания. Именно контакт — единственная цель моей работы в этой области. Конечно, не менее важно и другое — реакция общественности, общественного мнения на сообщения о животном, пока «недостойном» серьезной науки. Ибо в приятии или неприятии факта встречи, как в зеркале, отражается состояние общества на сегодняшний день. Не потому ли, как считал профессор Б. Ф. Поршнея, Николай Михайлович Пржевальский, узнав о существовании такого невозможного животного и даже накопив данные по этому вопросу, в том числе свидетельские показания из первых рук — от казака Егорова, умолчал об этом в отчетах о первом Центральноазиатском путешествии (1872 год), о третьем (1879 год) и четвертом (1883 год). Он сам успокаивал себя, что речь идет об одичавших (услужливые человеческие стереотипы) потомках, бежавших в эти места в XIV веке, буддистов. Смелый человек испугался именно неподготовленности общественной мысли к открытию. Иное дело — лошадь!

Интересен психологический аспект встречи человека с необычным, на природе, внезапно, с глаз на глаз. События, развернувшиеся осенью 1988 года вокруг избушки, построенной недавно у нерестового ручья в Заполярье, являют собой эксперимент, поставленный волей случая. Итак, 10 августа 1988 года. Озера, реки, безлюдные острова. Лесотундра... Шестеро молодых людей поселились в недавно построенной ими избушке. В самом нехоженном месте.

— Наверное, нас какой-то дух выгоняет... — рассказывал позже Саша Приходченко. — Два первых вечера прошли как-то беспокойно. Всем ребятам казалось, кто-то ходит вокруг избушки, какие-то потрескивания, похрустывания, и вдруг несколько камней упали рядом, один попал в костер. А тут еще выяснилось, что брошенный камень мокрый. Я решил проследить, кто же над нами так подшучивает. На третий день (а ночи стояли светлые) прилег снаружи избушки у самой «курью» лапы — избушку поставили на сваях, они были естественными, остались после спиливания деревьев, примерно метр высотой. И вдруг увидел в просвет под избушкой мохнатые ноги. Как у человека, только покрытые шерстью. Ноги перепрыгнули ручей и пошли вдоль стены.

Я положил голову на землю, чтобы увидеть, кому они принадлежат, но так и не увидел туловища. Он был высоким. Даже слишком... Я вбежал в избушку и крикнул, что здесь живет волосатый великан. В ту же ночь ребята увидели его со 105 стороны озера. Гость (уместнее — хозяин? — М. Б) обошел избушку. Мы, как всегда, сидели вокруг костра, и вдруг он пожаловал. Стоит и смотрит на нас. Двуногий, лохматый, светло-серый, почти все, как у человека, без хвоста. Мы сразу поняли, из-за чего он пришел, но это тайна. Когда тихо вели себя, не приходил. (Как тут не вспомнить стариков, племенных наставников многих

северных народов, их заветы и запреты, точнее — определенные правила поведения в лесу.— М. Б.). Его одна вещь наша привлекла. Мы ему сразу дали имя Афоня, как у героя одноименного кинофильма. Мы уговаривали его уйти, кричали: «Афоня, рубль дадим, уходи за ручей!» А когда хотели подзвать: «Афоня, рубль давай!» Но это все шутки. А вообще он бегал за нами, подсматривал, следил. Но не бушевал без причины. Иногда стучал по стенам избушки. Пытался смотреть в окно. В последние ночи подходил все ближе и ближе. К лодке отбежим гурьбой, оттолкнемся, с воды на него смотрим. — Как считаешь, мог ли он что-нибудь «приду мать», как бы игру? — спросила я. — По вечерам, возвращаясь с острова или с противоположной стороны озера, — все же не хотелось ночевать с комарами, — мы цепью пробегали от лодки к избушке, буквально дыша в затылок друг другу. Однажды так бежали, а он, откуда ни возьмись, бросился наперерез и разделил нас. Одни ринулись в избушку, а другие —назад, к лодкам. Все же один из нас не выдержал и кинул камень в него. Афоня жалобно замычал и —за обидчиком. Бежали все быстро. Послед ним Суродин. Он вдруг обогнал Женю Трофимова и раньше него оказался у цели. А Женя только схватил ся за ручку двери, как тут же поскользнулся — мы на пороге чистили грибы и рыбу, ступеньки скользкие. Наверное, это его и спасло от более близкого контакта с животным. Именно в эту секунду, когда ноги его подогнулись и он повис на ручке, существо схватило Женю за плечо. Но рука Афони (конечно, не лапа) соскользнула по мокрой энцефалитке из болоньи. И Афоня проскочил мимо Жени, которому мы помогли забраться в избушку... — Но ведь у него нет медвежьего рыла!— искренне обиделся Слава Ковалев на тех, кто так ничего и не понял. — Да, люди, как услышали о нашем звере, стали 106 утверждать, что это медведь. Заочно, только потому, что сами не видели. Говорили, мол, это старый седой медведь. Пусть он все время (?) на задних лапах ходит. Но этого не может быть. У него даже нет медвежьего рыла, а лоб скошен назад. Он сутулый, и так как все время в движении, то кажется, что руки ниже колен. Огромная грудная клетка. Руками может бросать камни и навскидку снизу, а может из-за спины. Он пробовал достать до лодки корягой. А когда она уже отошла от берега, кинул ее в лодку. Медведь так себя не ведет. А потом еще присядет и прыгает так, глядишь, уже опять побежал. Ни минуты покоя. Только что перед глазами стоял, а уже сзади. — Щенка вот жаль, — добавил Саша. — Я щенка с собой взял. Совсем маленького. По этому он в избушке намочил. Тогда на ночь мы привя зали его к пеньку саамским узлом. Это было на вторую ночь нашего пребывания, когда мы еще не знали о звере. Утром — ни щенка, ни веревки. Кто-то либо развя зал, либо, не развязывая, снял петлю с пенька через верх и унес щенка с веревкой. Мы все время искали хотя бы волосок его расцветки, но ничего не нашли. Кстати, лайки, которые видели нашего зверя, вели себя тихо. Никак на него не реагировали. Наверное, щенок дал к себе подобраться. — Защищаться приходилось всерьез, — констатировал Саша Приходченко. — Убегая от этого неведомого существа, мы каждый раз запирались в избушке, вставляя топорище в ручку двери, а он ее дергал снаружи. Дважды ему удалось приоткрыть дверь. Однажды, когда Слава держал, Афоня тянул ее на себя так, что Славе все сухожилия рас тянул. Как дернет, дверь приоткрылась (не успели за крепить), и в нее до локтя просунулась мускулистая рука. А вот когда Роман держал, тому удалось побольше ее приоткрыть. И тогда они, зверь и человек, оказались лицом к лицу. Спустя несколько секунд Роман бросился в избу, забился под полати, но Афоня не стал входить к нам. Он соскочил со ступенек, обогнул угол и ударил рукой по стенке именно в том месте, где прятался Роман. — Он защищал свой квартал леса, как мог, — при шел к выводу Саша. — Как-то у меня внезапно нога разболелась, даже опухла. Провел я время возле избушки, никуда 107 не ездил. Ближе к вечеру смотрю из-за стола — он по ту сторону ручья. Идет! Я невольно заорал, бросился в нашу избушку и закрылся. Потом ребята, слышу, подъехали. Я им в маленькое окошко кричу, что Афоня здесь. И тут началось такое! Стал он бегать, буквально разрываясь на части, то к избушке, чтобы я не вышел, то к озеру, чтобы ребята не высадились. Такое зрелище— жутко и удивительно. По всему

видно было, не хочет он, чтобы мы здесь обрелись. Только ранним утром он ушел. Когда он нас запугал до предела, часть ребят прямо ночью поехала в село, чтобы пожаловаться. На следующий день приехали охотовед И. Павлов и егеря М. Никонов и В. Питеримов. Ближе к ночи мы подумали, что зверя здесь нет. Опять расшумелись и — в общем есть у нас для него притягательная вещь. А он тут как тут. И светло было, как днем. Присмотрелись мужики, за ружья держатся. Вроде человек, да какой-то ненастоящий. Вот они и пошли прямо на него. Он развернулся боком, постоял, мелькнул несколько раз среди деревьев и скрылся, видно, отправился к себе. — Полное впечатление, что это психическая атака,— заметил Роман Леонов. — Часто его видели на поляне, метрах в пятнадцати от костра. Пройдет — и нет его. Забирался ночью на крышу. Подойдет к избушке, забросит несколько камней наверх и вдруг одним махом запрыгнет на крышу. По стенке бил не только руками, но и всем телом. Еще 15 августа, когда я впервые приехал с ребятами на это место (они нас позвали, чтобы показать чудо), возле избушки никого не было. Лодки причалили, и Саша стал все нам показывать и рассказывать. Вдруг из лесу донеслись какие-то вопли. Мы с берега — по лодкам! Еще это существо, которого мы пока не видели, стало кричать часов в девять вечера. (Ему было видно с места его лежек, как подходили лодки и высаживались люди.— М. Б.). Потом камень большой в костер упал. Та кой большой, чуть в человека не попал. Мы бросились в избушку. Она стала нашей спасительницей. В тот раз Слава мне крикнул: «Роман, ты хотел посмотреть, вот он!» Я увидел его за ручьем. Он на глазах у меня присел на корточки, руки оказались на земле, лежащими безвольно. В таком положении он прыгнул сначала влево, а потом назад, как бы по вершинам треугольника. Отпрыгнул назад и вдруг резко поднялся и пошел на нас. Полное впечатление, как будто психическая атака. — Я прямо взглянул в его темное морщинистое лицо и подумал: «Такой старый, а ведет себя, как молодой!»— отметил Роман. — А лицом к лицу с ним столкнулся, когда боролся за дверь. Он перетянул ее и полностью открыл. Я увидел лицо совсем голое, как бы сильно загоревшее, глубокие морщины. Все, как у человека. Нос курносый, ноздри резко выделяются. «Стрижка» ровная, высоко начинается. Округлые глаза блеснули гневно. Никто ничего не держал. Именно рядом со мной в стенку ударил. Уже потом решил я, выскочил из избушки. А Слава уже стоял у костра, он держал головешку, а другой рукой поглаживал у локтя, жаловался на Польшу. Афоня ему руку растянул. А главное, он и сей час наблюдал за ним из-за избушки. Меня поразила мирная картина, а именно то, что Слава стоял к нему спиной. — У меня есть предположение, что их было все же яче... Тот, который за лодками по берегу бегал, хотя и был серый, но все же темнее и выше ростом. Он выглядел настоящей машиной. А тот, что за дверь боролся, кажется, был пониже. Тот, что не пускал на берег, ходил быстро, почти бегал и большими шагами, так плавно, будто в ногах какая-то амортизация. По болоту идет — незаметно, что преодолевает впадины и кочки, как по ровному, и ноги не сгибаются... Еды нашей никакой не брал. Соль всегда на столе, и под деревом пачка все лето стояла. Сахар на столе, консервы открытые, каша, суп. (Наивные представления о целесообразности подкормки, очевидно, если и могут сработать, то только в густонаселенной местности, например на юге страны, где известны факты полупаразитического существования такого животного. — М. Б.). Когда нас однажды ночью он разделил на две группы, Слава Сур один не выдержал напряжения, так как Афоня именно за его спиной бежал, и бросил в него камень. Впечатление, что в плечо попал. Тут я ясно услышал: «М-м-м!» Он ни на кого не похож. Не медведь, не обезьяна. На человека больше всего похож, но не человек. На деревья с земли вспрыгивает. Бежит, будто уже мимо пробежал, а сам присел и прыгнул. Схватится за ствол 109 на высоте метров двух, и повиснет и смотрит, как лодки проплывают мимо. Когда он стал предельно агрессивен, прямо ночью несколько человек поехали за помощью в село. Избушка-то ему не нужна. Не хотел он, чтобы тут жили, ему мешали. Подумайте, до чего дошел: вскочил на крышу (когда мы все в избушку спрятались), схватил горячую трубу и давай ее выдирать из крыши. Вот когда по-настоящему страшно стало...

— У меня еще была внутренняя невера, что есть та кое существо... — признался охотовед Игорь Павлов. — Когда нас срочно вызвали ребята в этот квартал леса, то первое, о чем подумалось, так это о медведе. А когда я увидел его, то решил сразу: все же переодетый человек. В тот момент, когда кто-то из ребят крикнул: «Да вот же он!», — нас единственное, что подошло, так это их же фраза: «Вы сами увидите, сами испугаетесь!» Вот я и считаю, что именно эти слова отключили в тот момент наш ум. Вот почему в первые секунды я еще держался за винтовку. А потом заметались мысли: «Человек?» Где-то всплыло: «Снежный?» И сразу обрушилось — стрелять не будем — человек! Желая его разоблачить, я крикнул: «Еще раз появишься среди деревьев, буду стрелять!» Но он проскользнул еще и еще. Почему-то в ответ не крикнул: «Не стреляйте, ребята!» И шубу не сбросил... Но и о «снежном человеке» не думал я тогда серьезно. У меня еще была внутренняя не вера, что это именно такое существо. Я не был готов, как и все мои односельчане, к фантазиям на тему «снежного человека». Прежде всего я оценил его рост. Он оказался не менее чем на метр выше моих метра семидесяти пяти. Первые несколько секунд он стоял прямо, голова его была спрятана в ветвях дерева. А потом он повернулся — и я увидел своеобразие его фигуры: двуногий, белые и четко выдающиеся ягодицы, статный. Верхняя часть туловища и ноги светло-серые. Выше бедер будто пояс, такой, как в документальных кадрах американского фильма Паттерсона. И тут мы пошли с Никоновым прямо к нему. Пока преодолели метров пять, он ушел на тридцать в сторону. Так мы поняли, что в природе нет ему равного...

— Мы по незнанию спрятались в том месте, куда он сам любил забираться, — уточнил Роман. В ночь с шестнадцатого на семнадцатое возвратились с рыбалки. Я с топором подошел к двери. Вдруг ребята рванули на приставленную лестницу. Я еще не заметил приближения Афони — смотрю, они полезли, да так быстро, что их ужас передался мне. Мгновенно бросил топор на крышу и буквально по их спинам взлетел туда первым. Смотрю — он по горюшке спускается. Мы сгрудились в центре крыши, орем в надежде, что рыбаки услышат. Сами его уже не видим. Я пришел в себя, по-пластунски пополз к краю :крыши. Вижу, он медленно обходит избушку. Я только хотел отвернуться, тут он и поглядел на меня и опустил голову. Я бросился к ребятам. А он за ручей зашел. Мы все спрыгнули — и в лодку, поспешили в село. — Ничего похожего никогда не видел, — говорит Сергей Соколов. Когда услышал крик Саши Приходченко (это он на больной ноге ринулся в избушку. — М. ?>.), стали приставать к берегу, наблюдаем необыкновенную картину: животное на двух ногах бежит от домика к лодкам и от лодок обратно, наверное, только и «думает», чтобы не упустить ни Сашу, ни нас. Ничего похожего никогда не видел! Ваня Дыба собрался прыгнуть в воду, а тот его по спине такими черкашами — рукой провел, согнал с берега. Тут Свейлис выходит. А наш рядом уже. Мы Свейлису крикнули, он в лодку, и мы поехали вдоль берега. А зверь бежит, и очертания его фигуры на фоне воды прекрасно видны. Только развернулись, а он уже назад и перегнал нас метров на восемьдесят. Обежал избушку, проверил, там ли еще Саша, и опять вдоль берега наперегонки с нашей лодкой. Об этом уникальном самопроизвольном эксперименте контакта можно рассказывать подробно и долго. Такое сравнимо разве что с природным ядерным котлом, обнаруженным в Африке... Обычно все первоначальные признаки присутствия животного, которые по рассказам ребят относятся к первым двум суткам их пребывания в заветном месте: похрустывание, потрескивание, ощущение чьего-то присутствия, таинственная пропажа щенка — граничат с небывальщиной, мистикой и дальнейшего развития не получают. И людей, которые доводят такие сведения и на таком уровне до общественности, практически до конца не выслушивают. Ш .. Тут дороги наблюдательность Саши Приходченко, как и всех названных здесь по фамилии, и ребят, не названных из-за того, что к нашему приезду они разъехались на учебу по разным городам, их страстное желание сбросить с очевидного покровы таинственности, невероятного! Дороги их ощущения, незаурядная смелость, граничащая с бесшабашностью. Все это и позволяет мне назвать эксперимент, поставленный его величеством Случаем, удачным и

этапным. А в ближайшие дни последовали события, ничего не прибавившие к первоначальной информации, к нашим знаниям: сработала цепная реакция слухов, на месте происшествия побывали буквально десятки людей, может быть, около сотни, и все с одной целью — приобщиться к чуду, к невероятному, к тому, чего на свете не бывает. Разумеется, эти экскурсии любопытствующих оказались излишними, даже вредными. Местность затоптали, засорили, а животное, естественно, спугнули: оно ушло, и, очевидно, далеко. Неизвестно, вернется ли после нынешней зимовки сюда — на ягодный сезон? И не останутся ли воспоминания двух десятков людей очевидцев, видевших его, живших, можно утверждать, с реликтом бок о бок несколько дней, не останутся ли их воспоминания первыми и последними свидетельствами того, что факт существования поруганного мифического объекта — сама реальность. Что произошло? Поведение двух сторон выявило цепь элементов узнавания: желание познать, способность к контакту. Встреча, точнее увиденное, отвлекло его, он как бы потерял конечную цель—прогнать людей. Пришел прогонять, но заигрался с очевидно бескорыстными существами, явно на него не нападавшими, и он, не почувшавший угрозы для жизни, сам как бы «забыл» о цели прихода. Правда, было — камень попал ему в плечо. Может быть, это лишь и заставило его усилить преследования, привело к попытке схватить человека. Все, все, естественно, вписывается в логику земных отношений. Здесь было несколько психологических переломов: и в поведении молодых людей, и в его поведении. Когда навалилась усталость, мелькнула мысль о топорах. Даже самый разумный и терпеливый человек неосознанно хочет определенности, стремится к ясности в отношениях с неведомым. Я понимаю первую реакцию даже тех, кто, не рассуждая, не сопоставив факты, не потрудившись осмыслить информацию ребят, поднял в Заполярье. Непонятные «строения», гроты-укрытия ружье два десятка охотников, затеял облаву... В самом деле, ходит тут, понимаете ли, какой-то невиданный медведь (да простит нас этот зверь за частое упоминание, но уж таково ограниченное стереотипами человеческое мышление), народ пугает... Конечно, его надо выследить и призвать к порядку!.. Местный энтузиаст Анатолий Егоров, также Леонид Ершов, а также охотовед Игорь Павлов оказались людьми любознательными, людьми дела. Они первыми обнаружили временные травяные лежки, первыми подобрали на месте лежек несколько волосинок, взяли экскременты. Это было все в том же августе. В сентябре на место происшествия приехали Виктор Рогов, Михаил Гаврилов и автор этих строк. Мы с помощью охотоведа, помимо перечисленного выше, еще нашли уникальные «строения». И странно было здесь увидеть отпечаток руки — на своде одного из них. Нашли мы и горсти нажеванной рябины, которая поблизости, как мы выяснили, не плодоносит. А главное — волосы. Мы обнаружили их в нескольких местах — на траве, даже на пеньке, на который он опирался ногой, чтобы вскочить на крышу избушки, и на самой крыше. Волосы на крыше по моей просьбе собрал Саша Приходченко, и я подивилась его наблюдательности: крыша усыпана шерстинками из оленьих шкур, но Саша сразу отобрал предполагаемые волосы нашего объекта. В постоянных укрытиях они тоже собраны, но здесь они совсем другие. Территория вся испещрена следами двух типов: длины 24 и 34 см. След не с теми «классическими» промерами, которые не раз давали нам охотники за следами реликтового гоминоида. Ширина в самом широком месте не составляет половины длины. Так, у следа длинного она всего 14 сантиметров, в середине 12 и в пятке 10 сантиметров. Но и то надо учесть, что грунт тут отнюдь не классический — земля здесь богато устлана. И зафиксировать следы никаким материалом не удастся. Под ногами — растительный ковер. И довольно рыхлый грунт буквально прошит корнями брусничника и заткан мхом. Нога нашего объекта погружалась в почву примерно сантиметров на шесть. И видно, что пальцами она поддевала пружинящий дерн. Человек со ступней, равной 28,5 сантиметра (размер обуви 44), и при весе около 80—90 килограммов, даже прыгая или специально надавливая на здешнюю почву, покрытую ковром, не оставляет, как мы убедились, никаких углублений, тем более не оставляет следа: растительность пружинит и тут же восстанавливается в первоначальном

виде. Для местных жителей все это само собой разумеется, оттого-то они и уверены, что таких следов, какие мы обнаружили на месте событий, никто прежде в этих краях не видел. Хотя вполне может быть и такое — видевшие принимали их за человеческие... Я нашла место между камнем и молодой елью, помеченное, думаю, нашим героем,—метр на метр. Запах, исходящий из щели-укрытия, Игорь Павлов назвал «зоопарковым». Здесь же пахло как бы только что протухшим мясом... Если «строения» — сезонная лежка, их первая находка позволяет надеяться на повторную встречу с искомым объектом, на максимальное приближение к нему. Известны документальные кинокадры американца Р. Паттерсона, снятые в присутствии Б. Гимлина в общем-то случайно. Но фотографии действительно нет. Потому что нет у нас пока фотоаппарата в комплекте с прибором ночного видения. Каждый профессионал, занимающийся съемкой животных, ведущих ночной образ жизни, изобретает для работы свой прибор. Не верите? Обратитесь, пожалуйста, к книге А. В. Кречмера и В. А. Забродина «Животный мир Севера России» (М., Россельхозиздат, 1987). Кречмер с помощью автоматической аппаратуры собственной конструкции сумел получить крупные планы самых осторожных и редких животных. Из книги можете узнать о технических трудностях, неизбежных при съемке объектов с ночным образом жизни, а также при фотографировании быстро передвигающихся животных. Обе особенности характеризуют нашего зверя! Но этого мало. Нужно дистанционное управление аппаратурой. Но даже если решены все технические вопросы, то и этого мало — надо же найти гнездо, лежбище.

Кадр из первого и пока единственного в мире документального фильма, снятого Роджером Паттерсоном в присутствии Боба Гимлина в 1967 году. Ущелье Блаф-Крик, Северная Калифорния. Существо, что для него характерно, повернуло голову вместе с верхней частью туловища, как бы оценивая ситуацию перед тем как скрыться среди деревьев. Фильм досконально исследовали советские специалисты разного профиля и признали документальным. Несмотря на это (к сведению тех, кто наивно думает, будто фотография — доказательство), среди научных кругов и в общественном мнении для темы ничего не изменилось, логово! И, главное, суметь установить аппаратуру, да так, чтобы ее не было заметно. Все это нелегко осуществить, если даже фотоохотник подстерегает филина, луня или волка... Но наш герой — сама тайна! Только зная места его обитания и постоянные укрытия, можно надеяться на удачу. Дело за малым — техническим оснащением. Согласитесь, что реликт не дельфин и не ожик, даже не волк. Позволим себе роскошь предположить, что наш герой умнее всех перечисленных млекопитающих, способен играть в прятки и с самим человеком!..

Виктор Вячеславович Рогов спросил у ребят, не возникала ли мысль о фотографировании животного. Ему ответили, что, во-первых, до этого случая никогда никто в такие поездки не брал с собой фотоаппарат, хотя бы потому, что лодки всегда захлестываются водой, да и таскать его с собой трудно, а оставлять не хочется. Однажды у избушки спрятали еду, а потом найти не могли. И смысла в этом не было, цель поездки всегда деловая. Во-вторых, именно в этом случае все происходило в сумерках или ночью, хотя и светлой, а значит бессмысленно брать простой аппарат.

Только один раз Афоня сбежал с горы в 19 часов, тогда можно было бы попытаться снять его, но, увы, не пришлось... В году столь необычных для меня путешествий и событий я, готовясь к великому контакту, освоила некий звук, имитирующий его крик или чем-то для него привлекательный. Идентификация проведена с помощью Романа Леонова, не только видевшего его издали и вблизи, но и дважды слышавшего его крик. Мы звали Афоню минут пятнадцать после двадцати грех часов. И он, хотя к тому времени уже ушел неведомо как далеко, ответил нам и вернулся, но тогда, когда мы, успев отчаяться, удалились в избушку. Шел трети час ночи... Он как бы предупредил о своем приближении, дважды забросив по камню на крышу. Вскоре он спрыгнул на нее и там, на крыше, сделал несколько прыжков, дважды пробежал по ней и, как я предполагала, услышав наш взволнованный шепот (мы лежали выше

всех — на полатях), лег на крыше и свесил руку — пытаюсь со стороны маленького окошка достать нас, «шептунов». Его рука медленно проплыла мимо окошка, к которому я прижалась лицом-. Затем он прыгнул, обошел избушку. Тут-то и увидела его в профиль. И почти тотчас за дверью послышался протяжный зевок. Он был явно деланный, демонстративный, какой-то неискренний. Михаил Гаврилов был полон решимости выскочить наружу. Но мы с Роговым его удержали: оказавшись в темноте среди деревьев, он бы сам стал объектом исследования. Все, устроившиеся на полу, крепко спали. И лишь утром узнали об этом. Утром Рогов, который занимается интересующей нас проблемой без малого десять лет, признался, что никогда до этой ночи всерьез не думал о реальности существования «снежного человека». Такое вдруг откровение! Психологически очень любопытное. Как только рассвело, он бросился к тому месту, где ночной гость спрыгивал с крыши, да так, что земля содрогнулась (еще бы, по определению специалистов, его вес превышал триста килограммов, я бы ограничилась двумястами). Глубоко в почву врезались отпечатки двух явно босых ног человеческого абриса... К сожалению, погода резко портилась, обратный путь по воде становился опасным. И наш провожатый, инспектор по маломерным судам, настоял на немедленном отъезде: «Еще два-три часа, и мы не сможем вернуться». Мы обязательно доведем начатую работу до конца. Только очень просим всех не соблазняться прогулками в заповедное место. Во-первых, оно невелико, не для большого количества людей. А во-вторых, здесь и так уже наработана агрессия, может возникнуть серьезный конфликт. Не на жизнь, а на смерть. Претендующее на компетентность вмешательство может повлечь за собой трагедию не столько для людей, сколько для этих существ. А у нас и так достаточно грехов перед природой... Когда мы уезжали из района, мое внимание привлекли дети в ограде детского сада, что-то измерявшие на земле. На вопрос, чем они занимаются, последовал ответ: «Меряем следы Афони. Хотим знать о нем все, чтобы подружиться». Воистину, устами младенца... Попытка послесловия. Что мы нашли в легендах саамов? Какие названия подозрительного зверя? Сталлостал — тот, который приходит к человеческому жилью, ходит вокруг него, свищет и этим свистом 118 вызывает из жилищ... С вышедшим он начинает бороться. Кто в этой борьбе бывает побежденным, тот обречен на смерть. Сталлостал умирает только с двойного выстрела (зачем мифическому персонажу вообще умирать?). Ростом он великан, на голове шапка острая. Чокк-каппер — иносказательное название черта. Ибо если черта назвать чертом, сразу появится перед глазами (это то же, что и по поводу медведя, когда-то русские знали его настоящее название. «Который мед ест», вот откуда медведь!), на голове у чокккаппера тоже острый колпак. Калдыш известен тем, что крадет женщин. Кормит украденную сырым мясом. Много вариантов повествований о «браке» женщины с этим полузверем. Ласковая, работающая женщина, которая хорошо относится к чудовищу, никогда им обижена не будет. Чадцилий — водяной. Так, на острове Шалиме (исток Пазрецкого залива) жили два саама. Однажды они ходили около морского берега и увидели у самой воды: сидит женщина на камне и чешет голову. Один из саамов оказал другому: «Я выстрелю». «Нет, не стреляй, это не человек, а чадцилий — живущий в воде...» Нагой человек. Саам Кондратий промышлял осень на Вакозере. Как-то ходил он по Чакшевараке и нашел большую глубокую яму. Он подумал: «Видно нагой человек здесь живет». Пактйелле. Это не люди, хотя и похожи на них. Это жители скал. Пакхэзен — хозяин, пактйемент — хозяйка. Они могут быть невидимыми. Когда мы убедились и подтвердили, что на горе и взаправду ребята видели нечто непридуманное, жители села и города, все, кто когда-либо встречал такое, стали идти один за другим к нам, чтобы рассказать. Да и в местную прессу после наших выступлений пошли письма. Мною и Л. Ершовым записан случай, поведенный А. А. Чупровой. Называет она его Пугач не в связи с именем известного предводителя народного восстания, что, например, еще бытует в Поволжье и на Дону, а от смыслового понятия, ибо, по ее рассказам, это тот, который имеет привычку перебегать дорогу, когда едешь. Стало быть, как и у других народов,

— легче выстрелить в хорошо ведомое (даже в человека), чем в неведомое. 119 т на оленях. Последний раз Агафья Арсентьевна слыхала о нем в 1916 году, когда он в их чум заглядывал. Они его все увидели. А когда работник вышел, тот убежал с диким хохотом в тайгу. Работник долго глядел ему вслед. По обезличенным рассказам, в селении К. видели волосатую женщину с ребенком. Л. Ершов собрал и такие рассказы. — Я из Т. Самому видеть не пришлось. Отец прожил 83 года. Всю жизнь на природе, я а промысле. Он сам видел, его друзья тоже. Но ни у кого из них никогда не возникала мысль о том, чтобы убить. Не медведь ведь. Да и рассказывать о нем не принято. Он как хозяин. От него зависит удача. На 79-м километре Серебрянской дороги трое военных, отправившихся на рыбалку, ждали рассвета. Увидели из-за пригорка человека с грузом на плечах, вроде сетями. Подумали — рыбак. Подождали. Метров за 200 он остановился. Когда рассмотрели, сетей не оказалось. Он был очень сутулым, огромным, непонятно во что одетым. Стоял настороженно. Замер, как зверь. Спустя минуту-другую, развернулся и мятом исчез (очень точная временная оценка!). Москвич Степанов в октябре 1951 года работал на строительстве железнодорожной ветки на Ковдор. Выпал первый снег. Кто-то увидел двуногое существо на склоне. Оно передвигалось и периодически наклонялось. Видимо, за брусникой. Было видно, что рукой (или лапой) брал что-то и подносил к морде (лицу). Ел. Все тридцать рабочих этой бригады стали спорить: медведь это или человек. Внезапно он повернулся... лицом. Все замерли от удивления — человеческий силуэт. Могучие плечи, которых у медведя, конечно же, нет. Вся поверхность тела темного цвета. Ноги выглядели на расстоянии коротковатыми, да и происходило это на склоне. Рассматривание длилось миг. Не выдержав, кто-то засвистел, кто-то застучал лопатой по рельсам. Он мощным прыжком скрылся вверх. Как говорил Степанов, о «снежном человеке» тогда ничего не было слышно, и постепенно эта история стала сглаживаться в памяти. Однофамилец предыдущего рассказчика из поселка М. (сейчас работает охотоведом) пятнадцатилетним юношей с товарищем как-то в апреле, когда вскрылись ручьи, пошли на лыжах вверх по Кротовому ручью. На стыке двух ручьев они нашли пятипалые следы человеческой босой ноги. Сложилось впечатление, будто кто-то продвигался прыжками вверх. Пошли по этим следам. В тридцати метрах от себя увидели существо ростом со среднего человека, покрытое не совсем белой шерстью. Руки свисали ниже колен, очевидно, потому, что оно было на склоне. Разглядели черные глаза и нос. Рыла не было. Рассказчик подумал: что за зверь, то ли медведь белый, то ли кенгуру? Оно с любопытством разглядывало лыжников. Судя по движениям и блеску глаз, оно было молодым. Ребята пошли на сближение. Оно стало удаляться прыжками, касаясь руками снега. Остался след и от рук, точнее пальцев, вроде следов, оставляемых куропаткой. Они даже подумали, может быть, покалечены передние лапы, а это все же медведь? Однако никаких следов увечья не было. Не было не только рыла, но и хвоста. Вновь стали его рассматривать уже на другой стороне ручья, который преодолеть не удалось. Там оно подпрыгивало и изредка взглядывало на ребят. Этот случай они описали в письме в «Пионерскую правду» (пятидесятые годы), им ответили, что за объяснениями следует обратиться к своему учителю биологии. Конечно, никто не смог этого объяснить. Городской житель Л. собирал бруснику в местности К. В ночь с 25 на 26 сентября 1988 года остановился на ночлег на природе. Развел костер. Ночью его разбудило постукивание по дереву. Решил он, что кто-то ходит из ягодосборщиков. Утром мысль о слышанном не оставляла. Он внимательно все осмотрел. Метрах в шестидесяти увидел кучу помета, похожего на человеческий, с не совсем переваренной брусникой. Пошел дальше. Увидел, как он решил, человеческий след. Сравнил со своим сапогом 45 размера. Тот оказался на 8 сантиметров длиннее. Рядом стал еще искать. И нашел три следа в направлении костра. Повторить, оставить самому такой след было невозможно. Так как тот был оставлен кем-то, кто значительно продавливал почву. Понял, что ходило какое-то огромное существо. Нашел следы на кочке, ближайшей к костру. Убедился, что за ним наблюдали. Когда следы шли с горы, пальцы были более вдавлены,

чем пятка. Расстояние между следами неравномерное— от 70 до 130 сантиметров. В этой же местности некто Д., независимо от первого наблюдателя, -нашел во время охоты развороченный пень (когда так работает медведь, то всегда заметны следы когтей). Далее — земля разворочена. След неопределенный. Это как бы ввело Д. в азартное состояние. Когда впереди в редком березняке побежали кем-то встревоженные куропатки, он обошел место и спустил собаку. Она сбегала в том направлении и не обнаружила ни птиц (они не взлетели), ни кого-либо другого. Вечером охотник решил возвратиться в избушку. Ориентировался по камню на скале. Оглянулся — на камне что-то лежит неопределенного серого цвета, причем выглядело это замершим, неподвижным. Д. пошел дальше. Тут же, следуя внутреннему толчку, оглянулся — ничего на камне уже не было. Казалось бы: ну и что? А то, что именно в этой же местности в декабре 1987 года произошла встреча солдата, стоявшего на КПП, с двуногим лохматым. Он, когда рассмотрел гостя, не мог оставаться там, где ему было положено. Поэтому вынужден был подробно поделиться виденным с прапорщиком. Так это стало общественным достоянием. Рогов и я записали все сообщения, относящиеся к поселку. Самый конкретный случай произошел с А. И. А. среди бела дня. Было это в 1983 году. А. И. — оленевод. Его фотография на Доске почета. Его предки также были оленеводами. До этого никаких таких историй он не слыхал. Вот пример того, что в одной и той же местности разные люди могут обладать совсем неодинаковыми сведениями о животном мире. Но наступил этот августовский день, и все представления А. И. о лесотундре изменились. Он заготавливал на речке С. материал для полозьев саней. Шел по крайнему к горе ряду деревьев, потому что именно там можно встретить изогнутые ветрами стволы. Нашел то, что надо. И только было занес топор, как вдруг боковым зрением заметил, что от ствола соседнего дерева отделилась человекоподобная фигура. Когда этот некто приблизился, А. И. понял, что тот выше его значительно, где-то за два метра. Взгляд А. И. уткнулся в грудь незнакомца. Выше поднять глаза он не решился. Тело пришельца было покрыто светло-коричневой шерстью. Незнакомец обхватил человека так, что руки его сошлись у него за спиной. И А. И. ощутил запах животного и пальцами прикоснулся к его телу, успел даже удивиться, что шерсть на ощупь гораздо мягче, чем у медведя. Это уже контакт высокого порядка. Сделав несколько раскачивающих движений, он, оторвав человека от земли, швырнул его в сторону. И тот отлетел метров на пять по-над землей. Когда упал, то ощутил, что взмок сразу, забился в ознобе. Хватило сил слегка повернуть голову, чтобы взглянуть на обидчика. Высоченное существо уходило в горы, не оборачиваясь, глубоко втянув голову в плечи. Нами встречен ряд повторяющихся сюжетов о том, что в случае потери сознания человеком животное переносит его ближе к избушке или к людям. О том, что его интересуют дети. Однажды такой вошел в избу, где собрались дети из нескольких семей. Постоял и ушел. На берегу реки, когда дети спрятались от ведущего под лодку, он, заинтересовавшись разговором детей и зажженной свечой, поднял лодку одной рукой, отложил ее в сторону, постоял, посмотрел и ушел. При топке крайней бани вышел к людям посмотреть, чем они занимаются. Такой же пытался снять с конюшни крышу, буквально разобрал, чтобы добраться до лошади, да, к счастью, конюшня была с перегородками, и лошадь стояла в другом отсеке. Хотя рассказчику неизвестно, что бы он стал с ней делать. И так далее и тому подобное. Одним словом, многие знают, что такое существо живет на белом свете. Да, раньше его видели чаще. Да, раньше о нем не говорили. Было не принято. Наука, на первый взгляд, весьма обоснованно возражает против самого предположения о существовании реликтового гоминоида. И дело здесь не столько и не только в необходимости иметь мертвую или живую особь.

На первый план выступают жесткие требования наличия кормовой базы, вопросов зимовки, а также популяции. Совсем неясно: кто и когда утверждал, что сейчас есть популяция, необходимая для воспроизводства вида? Никто. Хотя это основная претензия к гоминологам со стороны оппонентов. В том-то и дело, что популяции нет! Материальные остатки жизнедеятельности животного

на деле оказываются никому не нужны. Ибо с ними некому разбираться. И даже не из-за высокомерия, а из-за отсутствия специалистов. Так, в семидесятые годы были сданы на анализ волосы обычного ребенка. Ответ: они принадлежат грызуну. Одни и те же волосы, 123 НВ Но взятые нами с травы в 1988 году, были отнесены разными специалистами к хищникам семейства собачьих и к конкретному животному—косуле. Нет нужды говорить, что это взаимоисключающие семейства.

И лишь выспрашивание у меня места, где они были взяты, привело к тому, что в результатах анализа написано: семейство оленьих. Еще бы! Ведь в Заполярье косуля не водится... Волосы, в конце концов, могут принадлежать и крокодилу. Но хочется конкретности. В одном академическом институте нашли среди волос такие, которые можно отнести к не встречавшимся ранее — уникальным. Но у нас нет эталона. Нет и специалистов по идентификации неведомых волос неведомых зверей. И наконец вопрос о достоверности встречи. Как ни странно, он, скорее всего, возникает в среде самих сборщиков информации. И лишь тогда, когда они видят конкурента в человеке, добывшем сведения. Так что у проблемы в целом есть не только внешние недоброжелатели, но и «внутренние». То есть наличествует желание разделить шкуру неубитого медведя. Вообще опросный метод — основа статистики, будь то перепись населения, медицина или юриспруденция. Если палестинец утверждает, что он француз", статистика не рухнет из-за этого. Разрозненные факты не позволяют сделать какие-то выводы. Свидетельства о встречах с реликтовым животным только в сумме могут представить интерес для исследователя. Нет никакой нужды уличать какого-то свидетеля в неточности или в желании досочинить. Не об этом речь. В рассуждениях о кормовой базе нашего героя никогда параллельно не возникает вопроса о таковой для медведя или приморского тигра. Хотя по весу их можно сопоставить. Правда, один зимой впадает в спячку, а другой — вечный бродяга, прокармливающий себя и суровой зимой.

Оттолкнемся от известного о гоминоиде: есть сведения и о зимующих особях, и о вечных мигрантах. Зависит это прежде всего от географического положения местности. В Якутии охотники проваливались зимой в его «берлогу». В тундре местное население убеждено, что зимует он в глубоких карстовых провалах с постоянной температурой. И напоминает его состояние летаргический сон. Такое предположение высказывал и Б. Ф. Поршневу. Естественно, чем южнее, тем вероятнее бодрствование и зимой. Есть материал, хотя бы собранный еще во времена работы Комиссии по «снежному человеку» при АН СССР. А также бесчисленные письма читателей-очевидцев. Четко прослеживается, что встречи в начале XX века наблюдались значительно чаще, чем в наши дни. Хотя сейчас люди более информированны и грамотны.

Группой из четырех человек в 1988 году в Заполярье собрано много материалов о положении дел в этой конкретной местности. Нами сделан вывод о наличии здесь, по меньшей мере, девяти особей и, в частности, детеныша. Говорят (требуется уточнение), что оленеводы продолжительное время водили за собой этого малыша в надежде выявить, кому принадлежит этот человекоподобный обволосенный и обнаженный «сирота». (Вечная ошибка людей: на природе никогда не следует подбирать ни олененка, ни ежонка, ни кого-либо другого, ведь такая находка свидетельствует каждый раз лишь о том, что мать ушла на охоту.) Стоило оленеводам отвлечься от малыша, как из лесу вышла такая же, как он, самка и увела его в лес. Когда сталкиваешься с ним буквально лицом к лицу, забываешь, что общественная мысль не готова к восприятию рассказа о таком животном, о принципиальном несогласии науки с такой возможностью.

И даже о коллегах, которые, с одной стороны, не против увидеть такое сами, а с другой — считают своим долгом отлить против тебя пулю. Вот вам вполне обозримое прошлое и настоящее. Есть предположение, что продолжительность жизни такого животного никак не меньше человеческой, а по мнению других наблюдателей—вполне возможно и больше. Так что приходится заранее извиниться перед специалистами, мнящими только себя реалистами, — сведения о встречах с ним будут поступать и впредь.

Глава 7: Чаар парнэ, пэмийе!

В этом на первый взгляд непонятном заглавии, возможно, кроется шифр подхода к общению с нашим животным, обитающим в разных местностях. Мысль о том, что кошка или собака понимают почти одинаковое количество слов (как писал Юлиус Фучик, более сотни) именно на языке своих хозяев, не нова. Конечно, я понимаю разницу между животным домашним и дикими. Но все же, если отбросить представление о волевом внушении — суггестии (которая интернациональна), то, общаясь с животными, следует применять язык народов, проживающих на этой территории. Подтверждение этой мысли высказали и саами. По-саамски заглавие означает: «Дитя тундры, иди к нам!» В 1990 году ставлю перед собой и своей группой задачу получить в Заполярье какое ни на есть изображение искомого существа.

Основанием должен служить мой удавшийся вызов его в течение двух сезонов подряд. И по три очевидца этого события. Первое описано в разделе «Рассуждение о невысказанном» (1988 год), второе я опишу здесь. Конечно, можно надеяться на случайную встречу, тем более что пошли такие урожайные годы беспокойного солнца. Но хочется строить работу на более прочном фундаменте. Три освоенных приема послужат для этого основанием.

Первый прием связан с представлением о суеверии от обратного. То есть с несоблюдением суеверных запретов. В каждом народе есть свои хранители знаний, почти все пожилые люди занимаются наставничеством на основе народного опыта. Они рассказывают молодежи, как надо вести себя в поле, лесу, горах, чтобы ничто темное, в основном ночью, не смутило тебя. Следовательно, если ты хочешь именно удивиться чему-нибудь в местности, дающей для этого основания, и при этом понимаешь материальную природу страшного, а значит не боишься, поступай так, как не рекомендуется.

Второй прием заключается в выработке мною призывного крика. Я не претендую на полную имитацию крика животного, встреч с которым добиваюсь. Бесспорно одно — такого крика в лесу нет. Даже если ты носишь с собой транзистор с самыми модными записями «металла». Он поражает воображение, как было проверено, и людей, и животных.

Третий прием — запаховые приманки. Это вечерняя заварка кипятком особо душистого меда, определенных лекарственных и эфиромасличных трав, а также сушеных фруктов высокого качества, без примесей гари и гнили. Затем уже следуем мы, относящиеся к отряду приматов со своими наборами феромонов двух полов, на которые, как мне кажется, наш герой не обратил внимания.

Благодаря приемам этого арсенала поставленная летом 1989 года цель была достигнута. Животное удалось привлечь, и его увидели люди, которым он был до этого безразличен. Конечно, трудно ставить перед собой цель сфотографировать. Особенно если ты знаешь, что во всем мире люди, оснащенные как положено, не могут сделать то, что именно, казалось бы, свойственно иному, чем у нас, социальному укладу, — установке на непреклонный успех, коль уж съемка в глазах безучастного большинства стала его мериллом.

У меня сложилось впечатление, что в 1989 году за нами наблюдали скрытно и больше и чаще, нежели это удалось нам. Произошло это потому, что предыдущий сезон по независящим от нас обстоятельствам все же нанес травму непродуманными действиями со стороны общественности нашему животному. Оно видело ружья и ощутило элементы преследования. Да и попавший в пего камень, брошенный от страха одним из ребят, на который зверь прореагировал жалобным мычанием, тоже дал о себе знать. Для наблюдений он выбрал самое удобное место — в 25 метрах от костра, за двумя рядами деревьев, то есть буквально за двумя деревьями, из которых первое было только защитным от визуальных наблюдений за ним (на переднем плане), а второе служило не столько защитой, сколько частичной опорой. Все же

привычка обыгрывать деревья и прижиматься к ним — один из самых стойких поведенческих элементов зверя.

Трижды он наследил под этим деревом. Отпечатки ступней во всех случаях показывали путь сюда и обратно с заходом к воде. Причем последний раз (из тех, которые мы видели воочию) настолько были добротны в месте топтания, что пришедший сюда через двое суток после события Л. Ершов сумел впервые в этой местности убедительно (с моей точки зрения) запечатлеть на киноплёнке след опорной ноги. Как ни странно, помог дождь. В залитом водой следе можно различить каждое углубление каждого из пяти пальцев. Сожалею, что не могу привести именно этот снимок.

Нынешний (1989) сезон начался с находок следов, встреч и воспоминаний о давно прошедшем, причем не просто под влиянием недавних событий. Так, С. Канев еще в 1956 году рассказал о «проделке» существа сразу несколькими своим товарищам и родственникам (например, сейчас это подтверждает В. Рахманин). И в сегодняшнем его повествовании все полностью совпадает с рассказом тридцатитрехлетней давности: «На место своей постоянной стоянки Ю. я вернулся не из поселка, а с дальнего конца озера. Так что никаких «капель датского короля» не принимал. Устроился в веже на ночлег. Не спалось. Только смежил веки, как почувствовал, что кто-то схватил руками мои ноги и стал вытаскивать меня наружу. Я сильно заругался и сел, а затем вскочил и стал выбираться из вежи, одновременно пытаюсь расправить задравшуюся на спине рубашку. В сторону леса от меня уходил очень высокий человек, весь покрытый бурой шерстью».

Я никогда не отбрасываю ни одного свидетельского показания только потому, что мне чем-то не нравится рассказчик. Такое уж это дело (не боюсь повториться!). Любая встреча, любое видение содержат элементы узнавания или несогласия, но несогласие не дает права на отрицание самого факта. Если из группы в несколько человек, присутствовавшей в одном и том же месте в тот же час, зверя видели всего один или двое, это не предлог для насмешек или отметания такой возможности вообще. Обидно. Понимаю. Но что поделаешь? Сенсорные возможности человека слишком разнятся, да и нестабильны. Тема пока строится на рассказах. «Настоящим» ученым она не нужна. Мешает стройности до сего времени высказываемых представлений о законах мироздания.

За два года здесь наблюдалось три встречи с несколькими экземплярами одновременно: от трех до пяти. Мне интуитивно почему-то такие случаи не нравятся. Думаю, что любого рода социум существу чужд. Но один из свидетелей принадлежит к редкой профессии, обязывающей к самым точным наблюдениям за передвижением на местности. И по-моему, здесь ошибки быть не может.

Удивительнее всего то, что первого гоминоида в этом сезоне видели прежде всего километрах в трех-четырех от самого близкого к селу промышленного поселка. Разглядев его, велосипедистка Л. Н. Акинтьева (кассир АТП) догадалась, кто перед ней. Ей удалось приналечь на педали и благополучно вернуться домой.

Следы пятипалой ноги удалось увидеть в этом месте еще одному человеку. Шел июнь. Сторож вневедомственной охраны М. А. Коробкова, хорошо знающая повадки и голоса своих собак, услышала в их лае нечто, ни на что не похожее. Посмотрев в нужном направлении, она увидела фигуру слишком высокого человека, как бы в чем-то темном, якобы остроголового или в «наброшенном» на голову капюшоне.. Ей удалось рассмотреть, что он был волосатым. Он удалялся в сторону станции, а затем чуть свернул. После него остались следы босой ноги человеческого типа. Коробкова позвонила на станцию, что, мол, невероятный человек может выйти в том направлении. Но на станции он не объявился... Здесь же, спустя несколько недель, в июле, видели такое животное из окошка легковой машины. Его осветили фарами. Если быть точным, то жителям поселка повезло еще ранее. Осенью знаменательного 1988 года инженер-взрывник В. Г. Прокопова с группой туристов отправилась на одну из станций у подножия гор. После многочасового перехода все спустились к реке

для привала. Молодежь заторопилась чуть вперед, а Валентина Григорьевна отстала, залюбовавшись красотами осени. Глаза скользнули по свежему излому дерева, развороченному непонятно кем пню (места не традиционные для туристов). Вернуть пень назад оказалось ей не под силу. А далее... большие следы вели в кустарник. Сравнить их можно было разве со следами Гулливера, оставленными в стране лилипутов... Именно созерцание всего этого в самом начале было нарушено незнакомым гортанным звуком. Все это заставило тревожно вглядываться в глубину чащи. Затем Валентина Григорьевна быстро догнала своих спутников. После привала все зашпешило к поезду. И опять она задержалась, то ли соблазнившись ягодами, то ли пытаясь разобраться в своих ощущениях. Будучи по-спортивному подтянутой, энергичной, она, конечно, не сомневалась, что догонит своих спутников, Поняла, что собирает ягоды почти по недавно обнаруженным следам. Вдруг подняла голову. Показалось, что в несколько мрачной части леса стоит обгоревший ствол дерева. А вокруг него не было никаких признаков гари. Живой бурый медведь? Стоит на задних лапах? Какой большой! Передние лапы сложил на груди. Всем мускулистым торсом повернут вправо. Что-то там его тревожило. Ее будто не заметил. Потом оказалось, что он растягивает широко рот, как бы имитируя артикуляцию небывалого крика (рот-то не раскрыт, а губы растянуты). И при этом поворачивает голову в сторону слабо доносившихся человеческих голосов. Это вольный пересказ увиденного, услышанного и пережитого Валентиной Григорьевной. А дальше — важное — ее словами:

— Я подкралась поближе, чтобы рассмотреть «медвежью» морду, обязательно торчащие уши вверху головы, но их... не оказалось! Зато большой рот был действительно растянут до ушей, будто в улыбке. Губы его стянулись в трубочку. Он вдруг сделал движение, похожее на зевок. Шеи у него не было. Или была очень короткая, потому что голова, казалось, была посажена крепко в плечи. Рост его был огромен. Рот и глаза окаймлены светлыми подпалинами. Плечи и мышцы рук хорошо развиты, а это были именно руки, а не лапы. Таким мышцам мог позавидовать любой спортсмен. «Какой-то странный медведь», — подумалось мне. Ни один из известных мне видов не походил на него. Неужели это он — «снежный человек»? Его ищут во многих местах планеты, а он вот, запросто стоит здесь, в низине, реки, беспокойно взирая вокруг. Вспомнились сразу и гортанный звук, и развороченный пень со свежим изломом, и большие следы во мху. Все было настолько нереально, что я, потеряв бдительность, вышла из своего укрытия и продвинулась к нему. Не каждый день увидишь такое! И тут он увидел меня, шагнул навстречу... Дальше я не стала испытывать судьбу, так как последствия этой встречи вряд ли кто мог предвидеть. Мне удалось уйти. Было три часа дня. А в начале лета 1989 года местный житель Н. увидел такое же животное на реке сравнительно недалеко от села. Вот как он сам описывает эту встречу.

— У подножия гор я увидел это существо довольно далеко, наблюдал за ним минут десять. «Снежный человек» вел себя спокойно, с остановками шел вверх. Я бросил все свои вещи на берегу и поехал на лодке в село за фотоаппаратом. Вернувшись, начал по-иски. Около полуночи, примерно в четырех-пяти километрах от озера, я столкнулся с этим существом почти и упор. Гоминиод стоял у большого валуна, опершись правой рукой о камень, и как будто ждал. Я хотел и надеялся увидеть его, но все-таки от неожиданности просто остолбенел. Ощущение труднопередаваемое. (Вот ответ на вечный вопрос: «Почему вы его не сфотографировали?» Да если ты железный, иди и фотографируй! Люди, которым не свойственны игры в железных человечков, пока не могут преодолеть себя!) Мне удалось его рассмотреть. Мощный торс и плечи покрыты седоватой шерстью. Ярко выражены мышцы. Голова посажена глубоко в плечи. Необыкновенно высокого роста. Когда он повернулся и спокойно ушел, я некоторое время еще не мог двинуться с места, а потом отправился вслед за ним. Еще в течение двух часов я наблюдал, как легко, почти без усилий он шагает по горе, но он был далеко.

Три последующих дня я провел в поисках, но больше мне так и не удалось его встретить...

Н. — бывалый охотник, объектом его охоты в те годы, которые он провел на Дальнем Востоке, был преимущественно медведь. На его счету не один десяток этих крупных зверей. Теперь он не просто убежденный защитник встреченного животного: он не хочет распространять сведения об этом с конкретизацией и просит всех оставить в покое и его, как свидетеля, и самого зверя. «Каждый раз, рассказывая об этом, ощущаю нечто невозможное! Все же это было каким-то откровением». Меня восхищает позиция Н. Она не вычитана из книг. Это результат собственных раздумий.

Под влиянием Н. я все больше склоняюсь к тому, чтобы не писать об увиденном в природе, если это такая уж тайна. Ибо по вполне понятным причинам подобные сообщения вызывают волну зависти, обвинений в фальсификации (след не такой, волосы неопределимы и т. д.), а за этим следует: «Это все неправда! А теперь я буду здесь работать, что нашла — отдай!» В том же месте, где и Н., встретил этот экземпляр еще один житель села. Двое пытались исследовать необычные следы на траве и отметили. Один человек не только снял следы, но и лежку в кустарнике. Конечно, все эти фотографии сами могут стать скорее объектом исследования, нежели доказательства (качество предельно низкое).

Л. В. Ершов, занимающийся много лет криптозоологическими объектами, по натуре исследователь-одиночка, нашел здесь же интересные остатки жизнедеятельности нечеткой этиологии. Это прекрасно сформированные колбаски, поражающие своей величиной. Часть охотников высказывает предположение, что они принадлежат все же медведю, другие — неизвестному животному.

Основанием моему оптимизму в отношении продвижения к истине в проблеме может служить начавшийся период активного Солнца. Думаю, что ему будут сопутствовать биологические откровения-открытия, тем более что он продлится до 1992 года. Уже с 6-го по 14-е марта 1989 года на Солнце произошла серия самых мощных из наблюдавшихся когда-либо взрывов

Магнитные бури, вызванные этими извержениями на Земле, были настолько мощными, что северное сияние наблюдалось даже у Средиземного моря. Но это о неживом эффекте. А мы знаем, сколь чувствительны к таким процессам живые существа, причем очень загодя... Вот вам и вспышка участвовавших необычных встреч. Это никак не противоречит данным А. Чижевского, приведенным в книге «Земное эхо солнечных бурь». Когда мы просто рассуждаем о механике Вселенной — это одно, а когда сталкиваемся с ее эффектом, то не сразу сопоставляем теорию с реальным проявлением законов.

Очень сожалею, что моим коллегам В. Рогову и М. Гаврилову в нынешнем сезоне по почти трагическим причинам не удалось поехать в Заполярье. Л. В. Ершовым и мною были приглашены сюда люди, давно занимающиеся проблемой. Это М. Попович, И. Немеш, И. Бурцев, М. Андрющенко, а также О. Лебедев, О. Ласточкин и другие. Жаль, что время пребывания некоторых из них было ограничено до предела. В течение месяца, пока были светлые ночи, ярких происшествий, сродни прошлогодней сенсации, не наблюдалось. Объективно выявили, где живут норка, белка, заяц, пасутся куропатки со своими выводками. Ходили по оленьим и медвежьим тропам, видели отходы жизнедеятельности этих представителей фауны. Обнаружили место, где от лося остались лишь рожки, ножки и шерсть. Видели всех птиц, очищающих на рассвете от съедобных остатков нашу территорию, ручей. Навещали нас сойки, вороны, сороки, чайки, трясогузки. С нами некоторое время жила умная двухмесячная лайка Цыганка, осмеливающаяся рычать на ночной лес. Появились и скромные свидетельства прихода интересующего нас животного. Начало совпало с приездом в гости и ночевкой Юры Губенко и Димы Кузьминых (юношеские голоса? «воспоминание» о прошлой осени?). С южной стороны леса к нам потянулась знаковая по прошлому году цепочка следов. Трижды слышали необыкновенные крики на болоте (как бы на вдохе). А также непонятную имитацию двусложных слов на горе. Причем мужчина воспринял их

как обращение к мужской особи, а женщина — наоборот. Затем цепочка тех же следов за палаткой, причем не только ступней, но и рук: пальцы погружались в торф (это напоминает мартовские следы за селом, исследованные Л. В. Ершовым). Когда потемнело, не только мы, но и посещавшие нас местные жители стали отмечать признаки пребывания на нашей базе истинного хозяина леса. Это и верно замеченные ребятами еще прошлогодней осенью поскрипывания-похрустывания с молниеносным перемещением, буквально обступавшие и костер и избушку. И тяжелые шаги на рассвете, когда глаза твои от ночных бдений, а то и прогулок в лес уже слипаются, и 38-сантиметровые пятипалые следы. Я не боюсь различий с прошлогодними данными в несколько сантиметров. Во-первых, из-за невозможности их даже досконально измерить — практически в большинстве случаев пальцы ног погружаются в торф, над ними непременно образуется «kozyрек» почвы. Во-вторых, необязательна встреча с тем же самым Афоней. Повторяю — самое важное, о чем даже страшно подумать, — если в 1988 году летом видели вместе четыре особи практически одинаково окрашенных, то в апреле этого — целых пять, а затем три.

Можно «верить» или «не верить» (самое распространенное и неверное словоупотребление) этим свидетелям, но из песни слова не выкинешь! И вообще читателю давно надо определиться. Если он хочет информации, то надо научиться выслушивать каждого свидетеля без оскорбительных сопротивлений и жажды непрременной критики,, чуть ли не расправы. Это право всегда останется за ним. «Легче ничего не делать», «Не ошибается тот, кто ничего не делает» — хотя и не греческая и даже не латинская мудрость, но сегодня она для меня звучит, как никогда, доказательно. Особенно выразительными оказались следы в местах преодоления ручья. Одним прыжком с берега на берег. Хотя они без козырька, и мысль об отроческих шутках небезразлична мне. В одном удачном месте, где большой палец ноги пришелся на настоящий земляной грунт, рукой можно было ощутить папиллярные узоры его. Нам дорого, что потомственный охотник-карол однажды сурово сказал: «Таких следов не знаю». Самое сильное впечатление — расстояние между следом левой и правой ступни. А чего стоит вид перевернутых, вынутых из грунта камней (весом более шестидесяти килограммов) в четырех — восьми метрах от избушки, шуба мха, снятая с неподъемных камней вместе с маленькими деревцами. Это больше походит на устрашение или заявку о себе, нежели на поиски личинок. И мы убедились, что под ними следов живности не было.

Да, говорим мы еще и еще раз — этот грунт не подходит для заливки следов. Даже для фотографирования. А ведь след — не волк, в лес не убежит. С нами согласился и специалист самого высокого класса в области фотографии, побывавший здесь. С О. Ласточкиным было связано много надежд. У него не только самая совершенная аппаратура для ночных съемок, но и пленка чувствительностью 3200.

Замечено и нечто новое в поведении особи. Еще раз проверены нетерпимые для зверя факторы. К сожалению, обнаруженные в прошлом году пещерки оставлены владельцем-строителем после нашего посещения сразу и насовсем — ни запахов, ни следов пребывания какого-нибудь зверя. Ненарушенной оказалась и контрольная полоса, оставленная перед одной из них еще в прошлом году В. Роговым (книга написана в 1989 году). Мне сегодня нужно не открытие-переоткрытие давно уже известного зверя, а только контакт с ним.

Этому и были посвящены два месяца под непрерывными дождями с тремя солнечными днями в избушке, которая светится изнутри всеми своими отверстиями — потолка, стен, пола. Как это выглядело?

Вначале через озеро к нашему берегу прокрадывалась робкая ленточка дождя. И вот уже свинцовые тучи, зависшие над нами, опрокидываются, как чаши, и проливают все содержимое сразу. Все становится едино серым, тяжелым, зримым. На земле разверзаются хляби. А в отверстие из-под сучка в лунном фантастическом свете из избушки был виден гольцовый ручей, камни в нем, упавшая в воду береза, все оттенки зеленого подроста в сплошной стене

леса... Это краски и объекты съемок, любимых еще недавно и доведенных до зрителя А. Тарковским. А все остальное — из братьев Стругацких. Придирчивый читатель воскликнет: «Разве так может быть? Такие полюсы? Разве совместимо такое несовместимое?» Оказывается, да. И не только в кино, но и в жизни. Так что не торопитесь в своих симпатиях и антипатиях. В отверстие избушки я вижу зону, созданную тремя разновидностями таланта, включая природу. И тем, что этот мир заужен с боков, подчеркивается его как бы нереальность. Шагни вперед, не бросив гайку, и перед тобой появится нечто необычное, порожденное даже не фантазмагоричностью человеческого воображения... А с другой стороны в маленькое высоко расположенное окошко над моей условной подушкой мне видно, как совсем не южная луна проделала в озере розовую широкую дорогу и плещется огромными золотыми рыбинами у самого берега... Интересующее нас животное появлялось возле нашей базы в ночи со второго на третье и с третьего на четвертое августа. Это на том никем не любимом, унижающем большинство людей уровне, который Саша Приходченко еще в прошлом году охарактеризовал: «Будто какой дух нас выгоняет». Но реальные следы выдали его. С позднего вечера началось чье-то хождение выше по ручью. Донесли звуки ударов мелких камешков о каменные валуны в воде. Ночью, когда сидели у костра, вдруг поняли, что кто-то, очень осторожный, подошел вплотную к нашей территории. Чтобы дать возможность существу осмелеть, вошли в избушку и приникли к своим местам наблюдения. Вот кто-то вскрикнул, увидев, как человекоподобная тень проплыла по белой рубашке сидевшего в глубине напротив большого окна. Затем услышали, как кто-то стал перебирать помытую, посуду у ручья. Место для «него» удачное — ниоткуда не просматривается. Уходя, этот некто как бы всем телом ударился или ударил по стене избушки. Все непродолжительно. Так что заставлял вслушиваться, и решение выйти не успело прийти ни к кому из нас. Утром обнаружили следы у ручья. На доступном собачьему нюху понимании он приходил днем 16 и 18 августа. А 22 и 23 августа — ровно в 20 часов 45 минут. Днем его обнаружила сторожевая собака Белка, когда я осталась на базе с ней одна. (Мы не собирались работать с собаками, они попадали к нам случайно, незваными, но без них мы бы не заметили его прихода, это точно.) Сначала она неопределенно повизжала, что довольно странно для взрослой неизбалованной собаки, а затем заняла круговую оборону. Судя по ее поведению и быстро перемещающемуся взгляду на высоте около двух метров, видимый ею объект тоже перемещался довольно быстро. 18 августа дымчато-голубой чистопородный (лайка) красавец Дик, глубоко и старательно разевая пасть, беззвучно облаял южную сторону леса, так же быстро перемещая взгляд и голову, как и Белка. Но почему беззвучно?.. А затем события разворачивались при всем честном народе. Тот же Дик и только что прибывший Шарик подали слабенькие голоса. Их туго скрученные в бублик царственные хвосты вдруг сразу сникли и опустились, выпрямились и спрятались меж ног. Они прошли вперед не более чем на пять-шесть человеческих шагов и пребывали в таком состоянии около получаса. Когда их тревога улеглась, мы все последовали в том направлении и обнаружили бесспорные, хорошо различимые глазом отпечатки пятипалых человеческого типа следов длиной 38 сантиметров. Цепочка их шла к нам и от нас. После этого весь вечер и ночью вглядывались в ту часть леса, вспоминали, я то в прошлом году нам рассказали, будто собаки совсем не реагировали на зверя. Мы тоже были убеждены в этом, ибо сами видели такое поведение, когда собака еще крепче прижалась к своему спящему хозяину в момент прихода гоминоида. Надо всегда помнить, что поведение собак сильно различается, даже живущих в одной местности. А до этого днем Валерий Тепляков, которого случайно прибила штормовая¹ погода к нашему берегу вместе с двумя родственниками Александрями, сам обнаружил цепочку следов от ручья в горы. Он видел такое впервые, его природные скепсис и юмор дали осечку. Страстный охотник, образованный человек, в полном смысле слова бывалый таежник, он никогда не задумывался о реальности такого существа. Рассмотрев все следы, он повторил (не ведая того) слова рыбинспектора Я. М. Софронова:

«Однако кто-то у вас тут неведомый ползает»... Так вот, Валерий и увидел вечером (нацеленный Диком и Шариком) в бинокль Афоню или его родственника. Тот минутку стоял в 25 метрах, слегка развернувшись в профиль, и рассматривал нас, собак и костер. А вот и Юра Губенко, тоже с биноклем, воскликнул: «Вижу!» Как и И. Павлов в прошлом году, почти в тот же день, они рассмотрели верхнюю часть светлого туловища, небольшую голову, литые плечи, мощную грудь Он был огромен! Без преувеличения, но не было удачного ориентира, чтобы точно отметить роет. Утром очевидно вдвоем «проиграли» весь спектакль на природе. И ведь именно там, за этим Деревом, нашли следы «топтанья» на месте. Совсем человечьи. Но сколь огромны! В тот же вечер, как и в прошлом году, всплыла мысль: «Может их было двое?» Ибо почти в то же время Дима Ринглер и Роман Ковалев утверждали, что заметили молниеносно промелькнувшую в противоположной стороне серовато-белую фигуру двунога. Валерий нашел сброшенное птичье гнездо из оленьих волос и птичьих перьев. Поверх него лежал длинный необычный волос, заставивший его наклониться и поднять находку. Это при том, что он не задавался целью и ничего не собирался исследовать... В тот же день он нашел такой же волос меньшего размера на, пеньке. А Сергей Филиппов, рассматривая слепок следа, обнаружил такой же волос, не просто приставший к нему, а почти загипсованный. Да, если бы эти люди знали, сколь бесполезны попытки узнать, кому они принадлежат, тем более те из них, которые не имеют эталона. Их в прошлом году классифицировали даже как относящиеся к животным, которые в этих краях не водятся.' Получен и высококвалифицированный ответ от учреждения, снабженного несколькими видами микроскопов. Сделан вывод, что волосы не имеют аналогов. Что бесспорно можно исключить оленя, косулю, лося, грызунов и прочая, и прочая. Молчат загадочно зарубежные коллеги, которые так хотели кое-что поисследовать. Уж такая опасная тема! Пока в мире нет специалиста, который мог бы работать с таким материалом, но человек жив надеждой. Днем 23 августа с П. взволнованные заявили Юра, Роман, Сергей, Константин, Анатолий с криком: «Где бинокль?» Они уверяли, будто дважды видели днем с озера на горе две серовато-белые человеческой формы фигуры, идущие размеренным шагом, будто наклоняясь за ягодами: «У нас в белой одежде за ягодами не ходят!» 23 августа вечер сложился, как и предыдущий. Без четверти девять Афоню почуяли собаки. Он выдал свое присутствие. Опять стоял, рассматривал. Опять мелькал среди деревьев. Конечно, все это не просто так. Мы предприняли все уловки, чтобы он пришел. Валерий протянул мне бинокль, не веря своим глазам. Я сказала: «Так и должно быть». Он ответил спустя несколько минут: «Не знаю, как должно быть». А затем: «Но, пожалуй, нам пора зайти в избушку». Когда он последним закрывал за собой дверь, на крышу упал камень. Чтобы пойти такому животному навстречу, нужна не просто и не только решимость, смелость. Нужна еще и оправданность этого шага. А как всегда случалось до сих пор, аппаратура была уже увезена, человек, сменивший мастера высокого класса, именно в тот вечер остался ночевать на другом берегу. Да и будь он здесь, какая пленка даст возможность снять!

Итак, главным в дальнейшей работе остается по-прежнему наблюдение, совершенствование привлечения, привабливания в старом добром народном духе, изучение его маршрутов (а значит, специалист по следам). Возможны фотоловушки, хотя никто на земле в тайге «Никон» на ночь не оставит. А уровнем ниже—бессмысленно. Чем кончилась осень? Валерий уже был прочно привязан идеей увиденного к этой местности. Вот он-то с Сергеем Маркеловым, героем прошлогодних событий Сашей Приходченко и еще несколькими ребятами сентябрь с переходом на октябрь и обретались возле базы. Несколько раз слышали ночные глухие удары-стуки в стену избушки со стороны ручья, а также глуховатый, несколько утробный животный крик. На приход посетителя реагировали Альма и Ойхон — ошетинились, дрожали, одна прижалась к лежащему хозяину, как и в 1988 году. Причем С. Маркелов оставался на ночь в избушке один. Слышал обвалы камней вверху. В ночь с пятого октября на

шестое ничего необычного не заподозрил и в ответ на стук подал возглас: «Валера, ты?» Что, естественно, осталось без ответа. Еще однажды Сергей с Сашей спали вдвоем на нарах. Работал невыключенный магнитофон. Сергей проснулся от глухого крика издалека, причем, как уже кое-кем отмечалось, он не забивал ни музыку, ни шум ручья. Затем «этот» же рявкнул громче. Проснулся Саша: «Слышали»? И бросился под спасительные нары с угрозой, что оттуда не вылезет. Но человек слаб: все любят страшное и возвращаются к нему в надежде разгадать — вот в чем сила! В то же примерно время почти рядом с базой трое рыбаков возвращались с рыбалки и увидели животное часов в 14—15. Они только поднялись на гору Ж. и сразу увидели.

— Смотри, смотри, кто-то бежит, быстро как, или на велосипеде?

— Ты что, чокнулся, что ли? Можно ли по горам на велосипеде?

Двуногое существо серого цвета, слегка согнувшись, действительно бежало плавно, как при езде на велосипеде, но быстро и «выделявало» такие же зигзаги, как бывает при езде на велосипеде. Наверное, это потому, что оно постоянно оглядывалось на рыбаков, поворачиваясь к ним всем туловищем. Затем оно скрылось в районе У. перевала, в так называемой Чертовой трубе. Взволнованные событием, рыбаки рассуждали: «Или он шел за нами, а потом «сообразил», что спрятаться негде и мы его видим?» В селе один из них подошел к Теплякову: «Теперь я верю, что ты видел похожее на человека животное...» Последним аккордом прозвучало сведение, поступившее от ребят, которые у базы, поднимаясь к вершине сопки, заметили огромную волосатую фигуру. Из четверых очевидцами стали двое. Вот и все события 1989 года.

Глава 8: «Я увидел бегущее к лесу существо...» (Обзор писем читателей)

Ставшая классической запись свидетельства о встрече с реликтовым гоминоидом полностью соответствует вопроснику игры в буриме: кто, с кем, где, когда, что делали (кого видели), чем дело кончилось, что свет сказал? В письмах-откликах на какую-либо статью по нашей теме читатель в большей мере склонен осветить вопрос «что делали или что видели». Чаще всего не упоминаются год события, точные фамилия, имя, отчество человека, с которым произошло нечто. Очень важно, чтобы о событии сообщил именно тот человек, с которым оно приключилось. Но не всегда осуществимо желаемое. Поэтому примем эти письма-свидетельства таковыми, какими они дошли до нас. Неуточненными, но дающими представления о типах сообщений. Здесь охвачены практически все варианты непредвзятого рассказа.

В редакцию журнала «Техника — молодежи» пришло много писем-откликов на статью «Пока, не вытанцовывается» (№ 12, 1987 год). Все читатели, за исключением одного, поняли название статьи, ибо читали «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. Мало того, в развитие этого понимания в большинстве писем прозвучала тоска по хорошей статье на современном уровне о достижениях в области изучения пространства и времени. Приведу отрывки из трех писем, которые конкретны, имеют адрес и вписываются в затронутую статью тему.

М. С. Лурье из Московской области. При чтении материала М. Быковой в памяти со всей ясностью всплыло происшествие, под впечатлением которого я находился вплоть до Отечественной войны. В феврале 1930 года, будучи студентом (родился в Москве и там же проживал), вместе с двумя шоферами-профессионалами по мобилизации был направлен в коммуну «Пламя Революции», что в шестидесяти верстах от Чапаевска. Считалось, что раз имеешь водительские права, то и трактором сумеешь управлять. Так, впрочем, оно и оказалось. В определенном месте нас ждали в городе на заезжем подворье. Добрались мы туда часам к двадцати трем. Дежурный по подворью, куда съезжались обозы с округи, подтвердил, что нас ждут из этого «Пламени». Обоз состоял из трех розвальней. Одни были с грузом, а двое других пустые — для нас. Были припасены и тулупы. Двое возчиков имели винтовки. Стоял очень сильный мороз. Тем не менее в ночь ожидалось резкое потепление, при котором якобы буквально за считанные часы эти дороги становились непроезжими. Поэтому следовало — елико возможно — отправляться скорее в путь. В первом часу ночи вместе с присоединившимся к нам сотрудником ГПУ (Главполитуправления) обоз двинулся в путь. Впереди шли розвальни с грузом, на вторых ехали упомянутые шоферы-профессионалы, а на последних я с сотрудником. Местность была открытая, сильно пересеченная. Сани то ползли в гору, то скатывались вниз. Было полнолуние, совершенно безоблачно, но сильно ветрено. В некоторых ракурсах снег сверкал ослепительно. Затем стали попадаться довольно плотные купы деревьев, а затем и значительные массивы леса. Дорога ни разу не шла через лес, а все по краю. На одном участке лошади стали беспокоиться, и на вопрос о причине возница ответил, что «здесь волки шалют», а посему они и имеют при себе винтовки. Дальше, однако, лошади понесли. Дорога шла как раз по обрзу совершенно непросматривавшегося лесного массива. На повороте передние розвальни (с грузом) перевернулись. Лошадь захрапела и забила, потом остановилась. Стали и остальные. Сложилась следующая ситуация. Шоферы во вторых розвальней пошли вперед помогать первому возчику. Второй и третий возчики остались при лошадях, держа их под уздцы. Мы с сотрудником сошли с наших последних в обозе розвальней и стали на дороге за ними разминаться, так как оказалось, что ноги совершенно заоченели. Мы находились друг против друга. Я лицом вперед по ходу движения, а он лицом ко мне. Мороз стоял звенящий, и мы молча притоптывали, чтобы как-то вернуть ногам жизнь. Внезапно мною овладел цепенящий ужас. Взглянув в обращенное ко мне лицо спутника, я увидел его искаженное лицо, смотревшее мимо меня за мою спину. Ноги мои

стали вовсе ватными. Я оцепенел, и сил повернуться или хотя бы повернуть назад голову у меня не оказалось. Но все-таки, видимо, на какой-то минимальный угол, голова моя все же повернулась, и боковым зрением шагах в двенадцати — пятнадцати я увидел существо: двуногое, как теперь говорят, баскетбольного роста. С широко расставленными ногами, руками, достигающими до колен. Широочными — наверное в два человеческих размера — плечами. Без шеи. Голова массивная, сужающаяся кверху. Обросшее шерстью. Это все было хорошо видно, так как оно освещалось луной, причем, как говорят фотографы, в контражуре. Черт лица или морды я не разглядел, лишь увидел злобные горящие красным огнем два широко расставленных глаза. На все это видение ушла какая-то доля секунды. Стоявший лицом ко мне сотрудник ГПУ выхватил из-за пазухи наган и несколько раз навскидку через мое плечо выстрелил в направлении существа. Получилось, что наган находился прямо у моего уха. Попал он в существо или нет, я не знаю. Опять-таки боковым зрением я увидел бегущее к лесу существо. Ссутуленное, оно бежало, не сгибая колен, совершая руками взмахи синхронно движениям ног — правая нога—правая рука, левая нога — левая рука. Затем оно скрылось в лесу. Один из возчиков стрелял ему вслед из винтовки. Когда все несколько успокоилось, возчики сказали, что это был «большак», что здесь он не живет, а приходит сюда зимой. Но далеко не каждый год. Задирает скотину. Но на памяти нет, чтобы трогал людей.

А. П. Вязников из Сибири пишет: «Прочитал Вашу статью и вспомнил события, относящиеся к моему детству. В 1934—1936 годах наша семья жила на Ангаре в Кежемском районе. Мой отец работал бухгалтером леспромхоза и часто ездил с проверками по участкам. Я учился в местной школе. В те годы зимы стояли суровые, мороз достигал 56 градусов. Занятия в школе часто отменяли. И ребята, ища приключений, бегали по округе. Село наше стояло на левом высоком берегу реки, ближе к реке ниже села была пойма с огородами и банями. Так вот мы, собравшись человек по десять, вооружившись батогами и просто палками, пробирались в огороды К баням. Окружив одну из них, мы стучали батогами по стенам, окну, кто-нибудь из самых смелых подбегал к двери, дергал за ручку и, открыв дверь, убегал. В это время из бани начинало доноситься какое-то ворчание, рычание, а затем в дверях появлялось что-то мохнатое. На улицу это существо никогда не выскакивало. Я ни разу не видел его в полный рост, не видел его головы, разглядеть удавалось только часть туловища и руки, покрытые густой шерстью светло-бурого цвета. Затем бежали к другим баням. И там повторялось то же. Когда мы рассказывали родителям о проделанном, нас просто высмеивали, говорили, что это кто-то из более взрослых ребят или парней выворачивал шубу, надевал ее на себя и пугал нас. Однако мы никогда не слышали от более старших ребят, что они пугали нас, и никто из них никогда над нами не смеялся. Местные же жители от разговоров о существовании дедушек-медведишек уклонялись, считали грехом разговоры о них. Интересно, что в более теплое зимнее время нам не удавалось спугнуть в бане дедушку-медведишку. Кто им дал такое название, я не знаю, могу только предположить, что это из-за сходства их шерсти с медвежьей. Было это еще в такие времена, когда в нашем леспромхозе все делалось вручную, из транспортных средств использовали только лошадей. В конце декабря 1935 года, перед Новым годом, отец вернулся из командировки то ли с реки Кады, то ли Кавы и привез шкуру, как он сказал, медведя светло-бурой окраски, довольно большого размера. Часть шкуры с головы отсутствовала. Не было концов передних и задних конечностей, они были обрезаны у «щиколотки». Когда шкуру развернули и положили на пол, то увидели, что лапы довольно длинные, необычные для медведя. Сама шкура вся была длинная, зверь не был широк или толст. Не нашли и признаков хвоста. Все были удивлены, что на шкуре на уровне подмышек были расположены два мешка от ободранных грудей с большими темно-розовыми сосками. Кто-то из присутствовавших при осмотре бросил неэстетичную, но запомнившуюся мне фразу: «Этой «даме» нужен был бюстгальтер не менее восьмого размера. Шкура была не выделана, сырая, издавала неприятный запах, ее выбросили вымерзать в сарай. И меня, и

отца заинтересовало, куда стрелял охотник. Мы обнаружили слева на позвоночнике небольшое отверстие с ровными краями, второе оказалось над левой грудью, большого размера, с рваными краями. Если шкуру держать вертикально, то линия полета пули была строго горизонтальна. Медведи при явной опасности убегают от человека не на двух задних ногах. В то же время было совершенно ясно, что это выстрел в спину... Теперь прихожу к выводу, что и срезы с конечностей и головы были сделаны неспроста. Да еще и охотник, продавая две шкуры отцу и другому работнику леспромхоза, просил никому не рассказывать, что взяли именно у него. На просьбу продать медвежатины отказал, ссылаясь, что мясо бросил далеко в лесу. Шкуру в 1958 году выбросили в сарай, так как она была побита молью. Там она и лежала до 1981 года. Затем я ее изрезал на куски и стал подстилать собаке, но она эту шкуру рвала и разбрасывала по двору. Последние большие куски сжег два года назад. Сейчас думаю, что есть надежда, как потеплеет, найти все же кусок либо шерсть. Теперь мне есть куда обратиться, да и понимаю, как это важно. Еще мне не дает покоя случай, когда мы пошли с отцом уток пострелять в то место, где недавно, как говорили, медведь задрал семнадцать коров. Там издали мы увидели на лабазе (площадка из жердей, сложенная на верхних сучьях дерева, метрах в четырех от земли) стоявшего на задних лапах медведя высокого роста. Он стоял и смотрел, как люди смотрят из-под руки (kozyрьком). Я спрятался за куст, а отец, перезарядив ружье, пошел в ту сторону. Когда я выглянул из укрытия, то увидел, что медведя на лабазе уже нет, а отец стоит рядом с деревом и рассматривает его. Потом он пояснил, что животное все время стояло, а затем непонятно куда исчезло. По дороге мы никак не могли успокоиться и все время рассуждали о случившемся. В разговоре с охотниками упомянули о необычно длинных ногах. Те предположили, что, наверное, то был леший. Сейчас на месте дремучих лесов в тех краях пустыня. Лет десять назад пролетал там на самолете. Пустыня... Я член партии. Имею среднее военное и высшее юридическое образование. Воевал. Работал следователем, а затем около тридцати лет состоял членом коллегии адвокатов города, имеющего статус областного. В достоверности изложенного можете не сомневаться».

Пожелавший остаться для читателя неизвестным Александр Петрович Ж. из Краснодарского края вспомнил по прочтении статьи годы своего военного детства, «Летом 1942 года мы с матерью возвращались с колхозного покоса, где мы вместе работали. В ту пору мне было чуть больше пяти годков. Я подвозил на лошади волокуши к стогам сена. Дорога была дальней — 6 километров, шла в основном через лес.

— Иди, сынок, по дороге, а я пойду лесом, посмотрю ягоды.— Мать углубилась в лес, а я, не торопясь, продвигался дальше, с каждой минутой чувствуя, как голые пятки наливаются свинцом.

Мать вышла на дорогу как-то слишком внезапно и торопливо.

— Шурка, иди скорее!

Я подбежал, а она почему-то была взволнована. Взяла меня за руку, и я еле успевал перебирать ногами. На все мои расспросы просила помолчать.

Вечером дома, перед сном, мой старший брат под большим секретом рассказал:

— Когда вы шли домой, мама видела в лесу русалку. Только ты ее об этом не расспрашивай и никому не говори. Ладно?

— А какая она, русалка-то?

— Мама говорит, русалка стояла к ней спиной и ела малину. Потом пальцами стала расчесывать свои волосы, которые, говорит, свисали ниже колен. Потом русалка оглянулась, и мама попятилась (любопытно, инстинктивно или знала, что так и следует отступить?).

Первые дни, как и предупредил меня брат, я не решался заводить речь о русалке. А затем меня отправили к дяде, ибо прокормиться в наших местах уже было невозможно.

Новые места — новые впечатления. И я на долгие годы забыл о русалке. Прочитал статью Быковой и поверил ее информаторам, как и рассказанной выше истории. Во всем мире интерес к этим существам огромен и заметно

возрастает. В наше время оперируют названием «снежный человек». А с глубокой древности на Руси существо мужского пола звалось лешим, а женского — русалкой. Из-за исключительной редкости они попали в группу сказочных персонажей. Пройдет еще немного времени, споры утихнут, будет вынесен вердикт — не существует. Но даже если бы современный крупный зоолог вдруг увидел это животное, сенсации бы не произошло. Все, кто жил на нетронутой цивилизацией природе, знают, что такие существа всегда были». Речь в письмах этих трех читателей, можно сказать, идет о дне вчерашнем— тридцатые-сороковые годы. Приведены они и о дне сегодняшнем. Сведения в письмах этих нуждаются в уточнении и непременно будут когда-нибудь оглашены. Вообще чувствуется, что статьей дан толчок к рассуждениям.

От студента из Симферополя пришли раздраженные строки, в которых утверждается, что следует всем навалиться на какую-нибудь территорию, чтобы все же доставить зверя живым или мертвым в центр. Он, как и некоторые люди еще, не понимает, что это не пожарная ситуация. Склонен оправдать обращение «Комсомольской правды» к Главохоте, чтобы безграмотные люди поимели возможность поупражняться в стрельбе усыпляющими средствами. Не думаю, чтобы это учреждение оказалось столь несерьезным и доверчивым. Ведь даже на отстрел лося надо получить лицензию, а уж на вывоз из леса человекоподобного... В этом случае есть слабое утешение — в каждом слове письма студента есть грамматическая ошибка, он не имеет представления о знаках препинания...

Два добрых корреспондента из Новосибирска Н. Г. Попов и А. Н. Свистунов прислали вырезки из двух местных газет на тему «снежного человека». Они при этом совершенно верно пишут:

«Техника - молодежи» не указывает места, где происходили встречи с гоминоидами и другими реликтовыми животными. И это правильно. Так как «дикие» туристы уже добрались до... Лыковых в Красноярской тайге». Даже «официальные» посетители Лыковых принесли им массу непредсказуемых бед, невероятно подействовавших микробов, что кончилось предельно плачевно. Ну при чем же здесь туристы? Все же надо хотя бы стараться нести высоко знамя той группы, к которой принадлежишь, а тут ни стыда, ни жалости.

Так вот, присланные вырезки оказались интервью с одним и тем же бывалым исследователем, по профессии электромехаником, выглядящим молодо, скромно и интеллигентно. Он, как выяснилось, очень любит читать. Начитавшись, в 1983 году выехал в Душанбе. Поставил перед собой задачу, встретив реликтовое животное, ни в коем случае не убежать от него. Вот и вся цель. А дальше... Дальше началось непонятное. Была изготовлена приманка. То ли мед, то ли медовуха, то ли просто бражка со снотворным (точнее с седуксеном— вот бы узнать, в каких куцах добыт). Наряду с приманкой, как только появлялось (якобы, ибо темное в темноте) искомое животное, пускались в ход термитная шашка, палки. Животное «стали преследовать (цитата). Зачем? Мало того, услышав неясного происхождения звуки, автор интервью действует так: «Вскочил, кричу: кого тут леший носит? Слышу треск, хруст сучьев под ногами бегущих по лесу тяжелых существ...» (Прямо стаями бегают!) Затем наив достигает апогея: «Чем сильнее и продолжительнее свист, том сильнее издающая этот сигнал особь...»

Вот это ощущение свиста потом долго не исчезает! От заметок же впечатление, будто интервьюируемый задался только одной целью — рассмешить читателя. С одной стороны, приманка, да еще со снотворным, с другой — шашка, палки, нетрезвые компаньоны. У исследователя есть учителя (воистину неиссякаемы источники местного патриотизма!), необыкновенные авторитеты. Это бывшая медицинская сестра кожного кабинета, человек, проработавший всю жизнь в каменоломне, и свободный художник. Сами по себе люди замечательные, в другой ситуации работа, которой они занимаются, очень уважаема. Но даже если они талантливы в сборе сведений по теме, то в качестве экспертов-специалистов по проблеме реликтового гоминоида, простите, как-то не смотрятся. Назвав их, автор оказал им плохую услугу.

Спустя некоторое время в той же газете я самостоятельно обнаружила опубликованные дневниковые записи исследователя. В них до сведения читателей доводится, что у него есть уже договоренность с директором зоопарка о помещении туда пойманного реликта. Неисповедимы планы исследовательские!

Таковы и результаты. Вот кто нынче решает проблему. Так что положение отнюдь не блестяще. Даже призыв к ученым областного масштаба принять участие во всем этом не звучит. Ибо ученые всех областей знаний понимают все же, что это не их область.

Так уж у нас повелось издавна, что в вопросах биологии и особенно сельского хозяйства (к слову) разбирается каждый человек. Не потому и дела там обстоят так хорошо?

На материал, помещенный в № 9 «Вокруг света» за 1988 год, также пришло много откликов. Так, из Иркутска написал А. И. Куркин.

«В 1976 году я работал в 130 километрах севернее Тынды. В октябре собрался как-то на охоту. Чтобы не блуждать по тайге, пошел вверх по реке Л арба. Через 10 километров вышел на очередную песчаную косу, чтобы по перекату перебраться на другой берег и по трассе вернуться домой, так как охота не клеилась. Внезапно пошел густой снег. Брода я не нашел. Пришлось возвращаться назад. И тут на косе невдалеке от своих следов я и увидел эти огромные следы босой ноги типа человеческой. Следы были прямыми, ровными, длиной более 30 сантиметров. Причем очень широкие. Отпечатков пальцев видно не было, оставалось предположить, что они были подогнуты.

След от следа был на расстоянии 70—80 сантиметров, как у человека. Подумалось, что он прошел осторожно в то время, когда я был у реки. Первая мысль — медведь, но тут же осознал, что медвежий след я знаю хорошо. Этот же ни на что конкретное не похож. Все свидетельствовало о свежести их. Я проследил, куда они вели, они обрывались в густом кустарнике на берегу. Внезапно на меня напал страх, я как бы понял, а может почувствовал, что с расстояния нескольких десятков метров это нечто смотрит на меня. Нервы мои не выдержали, и я убежал. Я часто рассказывал об этом случае, называя сознательно следы медвежьими, раздумывая о том, что мне могут и не поверить. Но сам знал, что встретил неведомое».

Из Волгограда прислал письмо В. И. Падалнин. Это и последующее письмо — самые важные. Они подтверждают верность уже опубликованных сообщений. «Я был участником боев на р. Халхин-Гол в 1939 году. После боев я слышал о рассказанном событии» в девятом номере журнала (сообщение Г. Н. Колпашникова).

Из Бурятии написал Д. И. Смолин: «В вашей статье упоминается замечательный русский натуралист Н. А. Байков. Он, в свою очередь, упоминает фамилию А. А. Бабошина. Это житель нашей деревни. Он действительно в ту пору проживал в лесах Южной Манчжурии и в Уссурийской тайге. После революции он вернулся на родину, дожил до Отечественной войны и умер здесь же. У Бабошина была книга, изданная на русском языке, «Моудзы Бабошка». Я не знаю, кто ее издавал, в ней многое было написано об этом загадочном существе, которое приручил друг Акиндина Абрамовича. Человек этот был незаурядным. Великан. С ножом ходил на тигра. В детстве я очень любил бродить с ним по лесу. Он многое мне рассказывал. А я читал ему вслух эту книгу».

Из Воронежа сообщает А. А. Саженин: «Мой прадед Сергей Иванович Нестеров, всю жизнь проработавший в лесу, неоднократно видел так называемого «лешего». Его внешний вид и вид реликтового гоминида, как его описывают, аналогичен. Прадед говорил, что до 1910 года в Хреновском бору Воронежской области он часто встречал это существо. Один раз оно даже попыталось подъехать с ним на телеге. В двадцатые годы его еще можно было встретить, а вот в тридцатые уже никто подобного не рассказывал. Из Ташкентской области пишет Ешпулат Кидралиев:

«Об адамджапайы («снежном человеке»), кстати как и об албасты, джестырмаке, я слышал от своих односельчан не раз. Вот рассказ охотника-киргиза, который и ныне здравствует, пятидесятисемилетнего Токтосуна

Балтабаева. Лет двадцать назад он ночевал в пещере горы Ихнач. До рассвета встал, чтобы выследить сорного козла. Подкрался к большому камню на высоком месте. Вокруг все было видно как на ладони. Вокруг крутые склоны. Через полчаса метрах в двухстах внизу показался человек, поднимающийся вверх. Идет, периодически останавливаясь, что-то сорвет — и дальше. Что-то странное в этом человеке. Вроде без одежды.

Когда он приблизился, внезапно вспомнилось слышанное в детстве об адамджапайы. Волосы на голове стали дыбом. «Я так затрясся, что зуб на зуб не попадал, — вспоминает охотник.— Ружье было заряжено. Лежит рядом. Можно взять и прицелиться. Но никакая сила в то время не заставила бы меня поднять ружье. Думал — все, конец мне. Одна надежда, что пока он меня не видит. А он идет и идет. Вот уже пятьдесят, сорок, тридцать метров... Теперь уже хорошо вижу, что тело покрыто шерстью. Рост около двух метров. Вдруг... остановился, огляделся и пошел в сторону арчевника, все отдаляясь от меня. Двумя руками схватил одну ветку и с треском сломал, подержал и бросил вниз. Он издал какой-то звук. Не то хе, не то ха-а. Двинулся дальше. Когда скрылся из виду, мне пришлось еще пролежать на камне минут двадцать и бежать от него! Полное чувство уверенности восстановилось километров через пять-шесть». Корреспондент пишет, что он ветеран Отечественной войны, сорок пять лет проработал в школе. Рассказчика знает давно и гарантирует, что все это не выдумка.

Из Киргизской ССР прислал письмо Койчукеев Нурлян:

«Поселок городского типа Казарман расположен среди южных гор республики. Здесь на вершинах лед и снег не тают даже в летнюю жару. Мой родственник и сосед как-то выехали вместе на охоту. Дорога, петляя по ущелью, постепенно сужалась, а затем превращалась в узкую тропу, по которой можно было продвигаться только след в след. К полудню добрались до пещеры с высоким входом (можно было поднять руки и не достать до верха). Стрелили коней, дальше пошли пешком. Часа через два вышли на стадо кийков и подстрелили одного. Оттащили тушу в пещеру, где заложили валунами, чтобы хищники не утащили добычу. А сами поехали домой. Захватив ножи и переметные сумы, отправились на следующий день за тушей. Когда до пещеры оставалось метров сорок, кони вдруг настороженно подняли уши, начали храпеть и пятиться назад. Седоки осадили их, быстро стрелили и пошли в пещеру пешком, решив, что туда забрался хищник. Обогнули холм и вышли к выходу. В этот момент над пещерой раздался шорох. Оба подняли головы... и буквально онемели от удивления и страха. По склону медленно подымалось волосатое, в полтора человеческих роста человекоподобное существо. Оно как бы нехотя оглянулось на застывших внизу людей и не спеша продолжило свой путь.

Бедрa незнакомца по толщине можно было приравнять к толщине груди здорового человека. Мускулистые, толстые руки опускались почти до колен. Голова плотно сидела в туловище. Шеи будто не было. Весь он был какой-то округлый, сплошные бугры массивных мышц... Лицо без волос. Вместо носа два круглых отверстия. В общем, малоприятное, даже свирепое лицо.

Когда ой обогнул выступ скалы, оба человека со всех ног бросились к лошадям и пустились во весь опор домой, стараясь обогнать друг друга. Камни, которые едва сдвигали два человека, были небрежно разбросаны по пещере. От туши остались кости, разломанные, как спички. Можно было предположить, что пришелец высасывал из них мозг».

Из Калуги написала А. М. Митина:

«Мне даже не верится, что через много лет я смогу открыто рассказать о том, что видела в далекие тридцатые годы. Время то было суровое, с наказаниями и обвинениями. Чуть что — сразу: «Ты оппортунист!» (Как это напоминает статью одного досужего ученого.)

В самом начале тридцатых годов мой дед одним из первых вступил в колхоз и работал на пасеке. В то время на Рязанщине еще были большие массивы лесов, перерезанные болотами и оврагами. Как-то раз пришел он с пасеки такой расстроенный, что смотреть даже на него было жутко. Бабушка по доброте душевной стала его спрашивать, а он, закрыв лицо руками, отвечал. Она

только всплескивала руками и вскрикивала: «ой!». Мне хотелось услышать, о чем они там... Дедушка то и дело произносил слово «он», да так странно, будто змею увидел. Утром бабушка собрала ему еды в дорогу и проводила до околицы. Ее беспокойство не уменьшалось.

Я упрашивала ее рассказать мне, что произошло. А она отнекивалась. В конце недели все повторилось. Тогда бабушка пообещала навестить пасеку. Я с трудом уговорила ее, чтобы она взяла и меня. Солнце садилось за лес, когда перед нами возникла знакомая картина: ульи, избушка, костер. Когда сварилась похлебка, дедушка положил в угли картошку. Мы вошли в избушку. Было темно. Огня не зажигали. Дед твердил одно и то же: «Сейчас придет, вот увидишь!» Они с бабушкой прильнули к маленькому окошку, а меня заставили играть с Полканом на полу. В какой-то момент тот вдруг вскочил на ноги, шерсть на его загривке поднялась, он тихо, с жалобным надрывом завыл. Стало жутко. Дед зашептал: «Смотри под орешник внимательнее. Вон-вон справа!»

Я не утерпела, протиснулась к окошку и стала вглядываться туда, куда он указывал. Хоть было темно, но из темноты избушки можно было рассмотреть человека высокого роста, широкого в плечах. Ступал он медленно и тяжело. Мы замерли. Потом я заплакала. Дедушка меня погладил по голове: «Смотри, он сюда не пойдет». Зубы стучали у меня от страха, не я все равно смотрела. А он направился прямо к костру, спустился на четвереньки и стал разбрасывать угли. Когда угли вспыхивали, освещалась вся фигура незнакомца. Особенно запомнились мне руки и лицо, покрытое шерстью, как и все тело. Он выхватывал из костра картошку, откидывая ее в сторону. Затем подхватил несколько, подбросил на одной руке, перекинул в другую и, прижав их к животу, зашагал в ту сторону, откуда пришел. Когда страх Исчез, дед нам рассказал, что это хозяин леса. Когда ему голодно в лесу, он приходит к насеке и стоит в орешнике, пока дед не поужинает. А когда дед уходит, тот начинает выбирать из костра картошку. Вот и приходится, дескать, оставлять ему порцию. В один из приездов на пасеку, уснув на коленях бабушки, я так же внезапно проснулась от их тихой беседы. Дед: «Лошадь на днях ушла. Была с колокольчиком, а все же никак не найду. Возникла мысль: а не в овраг ли она упала. Спустился туда, держась за кусты. Услышал не то стон, не то плач. Думаю, лошадь сломала ногу. Раздвигаю тихонько кусты: пресвятая богородица! Что я вижу! Вроде логова под корнями, травы натаскано много, на ней лежит «хозяйка». Живот огромный. Видно, рожает. А сам сидит перед ней на корточках, руки на коленях. Подпирает голову руками и мычит. И только потому они не услышали меня. Надо же, все как у людей. И муки те же!» В том же году лично мне пришлось встретиться с хозяином при совсем необычных обстоятельствах. Мы всей семьей отправились в лес за липовыми ветками. Старшие ушли собирать лутошки, а мы с братом остались на поляне с лошадью. На заднюю ногу лошади сел овод. Та старалась сбить его ногой, хвостом, но ничего не получалось. Мне стало жаль ее. Я сорвала стебель чемерицы (Не могу не сказать, что это растение— излюбленная пища (или лекарство?) реликтового животного. Естественные заросли этого ядовитого растения привлекают его.—М. Б.) И едва провела им по ноге лошади, как та задней ногой отмахнулась от меня, как от назойливой мухи. Я упала у задних ног лошади. Отчетливо помню, как на весь лес закричал брат. Затем звал бабушку и маму. В это время кто-то взял меня на руки и быстро понес. Потом кто-то поливал голову водой, отчего мне становилось прохладно. Я открыла глаза: надо мной склонилось очень страшное человеческое лицо. Как и все тело, оно было покрыто шерстью. Я закричала. Мне ответил пронзительный вопль бабушки. Хорошо помню, как она взяла меня на руки, накричала на маму за ее нерасторопность. Бабушка после рассказывала, что нашли меня не там, где был привязан Чалый, а на краю Волчьей ямы. «Он» пригоршнями носил воду и поливал. При этом все глядел по сторонам. Моя мать, как его увидела, так закричала, и он тут же скрылся в кустах. С осени дед его не встречал. Лишь весной однажды в сумерках увидел, как тот шел не оглядываясь, только промычал что-то. Если мне скажут, что это плод детской фантазии, я не обижусь, но буду настаивать на том, что все это было». При

строительстве шоссейной дороги, соединяющей Шатск с Рязанью, началась интенсивная вырубка леса. Потрясают рассказы детей о встречах с таким существом. Хотя именно детям предпочитают не верить. Их легко запугать, убедить в том, что такие рассказы-откровения наказуемы. Что это все погранично с клиникой.

Что общего во всех рассказах и уже знакомо людям, собирающим свидетельские показания не один десяток лет? Мой самый важный вывод — какой бы характер ни приняли отношения в случае контакта, какая бы агрессия ни была наработана, зверь ни в коем случае не доводит свои «угрозы» до логического конца. Погонится как-то лениво, а схватит — отпустит. Вот хотя бы почему это зверь, а не человек. Увидев лежащего без чувств, куда-то перенесет (особенно много таких рассказов по Кольскому полуострову).

И. С. Староверов из Вологды сообщил: «Случай свел меня с «лешим», как я тогда его назвал, в 1966 году. Произошло это километрах в пятидесяти на север от Вологды. Я в это время был студентом последнего курса института, гостил у матери во время каникул. Был конец августа. Почти каждый день ходил в лес за грибами. В тот день пошел после обеда, прихватив с собой ружье, надеясь, что попадутся рябчики. Лес был не более, чем в двух километрах от городка. Обойдя хорошо знакомые места, направлялся домой. Надвигалась гроза. Решил переждать ее в лесу. Зачехлил ружье и повесил под елку, сам же расположился в мелколесье метрах в десяти-пятнадцати. Поднялся шквалистый ветер, деревья гнулись. Разразилась гроза. Внезапно меня охватил ужас: я почувствовал на себе взгляд. Бросился к ружью, расчехлил его и зарядил оба ствола дробью. Прошел метров пять-шесть и вышел к обочине лесной дороги. Все время осматривался. Остановился в месте, где во все стороны можно было окинуть взглядом местность метров на двадцать-тридцать. При очередном шквале ветра обратил внимание на березку метра три высотой, которая росла перед большой елью. От меня метрах в двадцати с лишним. При одном из порывов ветра она наклонилась так, что я увидел за ней странное существо, от которого уже далее не мог оторвать глаз. Первое, что мне пришло в голову: леший! Хотя в него я, конечно, не верил и никогда о нем не думал. Существо стояло под елкой в метре от ствола. Правым боком ко мне. Хорошо была видна рука, вытянутая вдоль туловища, и плечо. Голова находилась в ветвях елки. Ноги были скрыты травой- и кустами. Рост существа до двух метров. Из ветвей меня буравил его взгляд. Он как бы «предлагал» мне покинуть территорию. Было видно, как ветер трепал шерсть на нем. Цвет ее серо-бурый.

Взяв ружье в правую руку, я двинулся далее по дороге. Она подводила меня все ближе к существу — всего восемь-десять метров разделяло нас. До этого места и еще немного я старался не смотреть на него прямо. Лишь фиксировал его фигуру боковым зрением, направив ствол ружья в сторону елки. По мере же удаления от него поворачивался в его сторону, а под конец шел задом. Существо не пыталось выйти из-под елки. Как только дорога пошла, сквозь густой лес, я побежал. Перешел реку и только после этого оглянулся — нет ли погони. Никто меня не преследовал. Метрах в трехстах на покосах нашел стог и переждал в нем грозу. Уснул и спал часа полтора. До этого (1990) года никому о происшествии не рассказывал. А недавно услышал, что километрах в двадцати-двадцати пяти от того места, где я видел «лешего», старушка встретила «лохматого человека». Это случилось у реки С. в настоящей глухомани. Уверен, что в нашей области места для обитания этого скрытного существа вполне благоприятны, людей практически здесь совсем нет. А зимовать он может в моренах, которых много».

Ю. В. Березовский вспоминает события апреля 1979 года в Краснодарском крае. Маршрут экспедиции привел в район поселка Н.-Михайловский. Еще «когда остановились в совхозе возле магазина (покупали хлеб, сахар), Вовка расспрашивал у какого-то мужика про дорогу: можно ли проехать на вездеходе? Мужик ответил: «На таком «газоне» проскочите до самого плато. Мы там овец выпасаем на луговине...» Еще мужик просто так упомянул про

«лесного человека». «Живет в лесу. Дикий «лесной человек». Робинзон, что ли. Попугивает иногда пастухов и овец. А в общем — смирный». Я-то, дурень, не сразу понял, что это «снежный человек»! Затемно выкарабкались на плато. Разбили лагерь в привычном порядке. Звезды крупные, луна низко красноватая — отображена земная атмосфера... Легли отдыхать. Не спится, дремотное состояние. Потом вообще сон пропал. Что-то вскрикнуло! Может, птица какая? Но крик этот был скорее похож на короткий и сильный свист. Стало жутковато. Услышал, как кто-то шарил по столу, позвякивал банками и ложками... Рашида было будить бесполезно: я хорошо знаю, как крепко он спит. И вообще... Взял фонарь и топор, посмотрю сам, ребята устали... Выбрался из спальника, стараясь не шуметь. Сунул ноги в рашидовы кроссовки. В это время машина слегка качнулась — это Вовка заворочался в кабине: значит, возле стола шарил кто-то чужой? Беру фонарик (двухбатарейный с электронной сигнализацией), подкрадываюсь к щели брезентового полога, заглядываю... Я увидел его при лунном свете — со спины. «Мужик в овечьем тулупе» мягко дотрагивался до предметов на столе. Интересовался, как бы изучал их: в новинку, что ли? «Мужик» был небольшого роста: сантиметров сто шестьдесят, а то чуть больше. Довольно широкие мужские плечи, чувствуется торс. Потом я сообразил, что это и есть «лесной человек», «снежный», «йети», «алмас». Внутри меня стал разливаться холодок: со спины было очень ясно, как он увлечен и очень далек от предположения, что за ним наблюдают. Я не разглядел ушей. Волосы очень плавно спадали на плечи. Шея, голова, затылок — все было одним целым. Виски покрыты шерстью. При лунно-звездном освещении шерсть казалась изжелта грязно-белая, местами бурая. В общем такую окраску можно встретить у старых баранов. Ноги, икры ног, ягодицы тоже покрыты шерстью, которая, чем ниже была расположена, тем казалась темнее. Разглядывал я его около минуты, может немного меньше. Затем я раздвинул брезентовую занавеску и тихо окликнул его:

— Ты... зачем здесь? (Ничего более умного не придумал).

«Снежный» дернулся, отскочил от стола, повернулся ко мне. Теперь луна освещала его по-другому. Молчит. Смотрит в глаза... Присел на полусогнутых ногах. (Неужели это и правда означает приготовление к атаке — еще и еще раз думаю я, вспоминая события в Заполярье.— М. Б.) Глаза его небольшие, круглые; красноватые, как мне показалось, те места, где у человека белки. Взгляд внимательный, чуть испуганный. Он смотрел, не моргая — это я сразу отметил.

Это я сейчас так хладнокровно все описываю и рассуждаю. Сейчас хорошо рассуждать, когда «поезд ушел». А тогда, фактически, я потерял контроль над своими действиями. Был ошарашен. По замеченным мной признакам лицо скорее обезьянье. Однако далеко не в полную меру. Обезьяна не может так проникать взглядом в душу. Теперь чувствовалась его сутуловатость. На выдающейся нижней части лица можно было различить полоску губ, нос я воспринял, как монгольский. Руки сравнил бы с руками грузчика. Несколько длинноваты, покрыты шерстью пепельно-буровато-желтоватой. Я все же продвинулся тогда к нему на один шаг. Хотелось протянуть руку и прикоснуться, но испугался, почему-то представилось, что может «откусить». Он чуть отступил и произнес грудное: «Э-э!» В это время из лесу донесся короткий свист. Он на мгновение обернулся лицом к лесу, потом снова ко мне. И тут я включил фонарь, свет попал ему прямо в глаза. Я заметил, как они зажглись красным огнем, как у сиамского кота, когда он сердится. Он повернулся и... бросился бежать, аж пятки засверкали. Бежал как спринтер под яркой луною к лесу. Через некоторое время из лесу донесся крик, который мне показался выражающим отчаянье. А дальше? Была хорошая погода. Работали. Когда вспоминали о «ночном госте», подтрунивали надо мной: дрожал как цуцик. Я же и в глупцах оказался. Лучше мне было бы и не заикаться обо всей этой истории. Иногда соглашались: дескать, все может быть — ведь издавна на Кавказе знают о таком существе. Я должен зафиксировать эту историю и похоронить. Кому я об этом могу сказать? Хейердалу, что ли, или

Кусто? Тазиеву? А когда вернусь домой, буду искать упоминания о «лесных людях» в литературе, древних свидетельствах».

Шахтер с Донбасса В. Е. Ананик рассказывает, что дважды в жизни испытал сильные ощущения от встречи с неведомым человекоподобным существом. Развивались события в г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. В зиму 1942[^]43 года он лежал со скарлатиной в одноэтажной больнице (здание типа барака). Однажды глубокой ночью, когда все уже спали, он смотрел в окно, перед которым вдруг предстало неведомое — «оно» было похожим на человека, лохматым с круглыми светящимися глазами, наводящими цепенящий ужас. «Мы смотрели через окно друг другу в глаза на расстоянии менее метра. Он ни разу за это время не моргнул (сравните с наблюдением Ю. В. Березовского). Теперь только я понимаю, что он шел вдоль окон, заглядывая в них. Ночь я, конечно, провел с нянечками, моющими полы». В таких ситуациях, когда ребенок болен, тем более скарлатиной, обычное успокоение — показалось, чего с температуры не бывает. Но жизнь случайно сама реабилитировала эту историю. Уже юношей, спустя ровно десять лет после события, рассказчику вновь довелось встретиться с этим непонятным. «Возвращаюсь поздним вечером (вторая смена) с занятий из города в совхоз. Шел уже по окраине, кстати, в районе той же больницы. Погода стояла тихая, шел большой снег. Чтобы выйти на дорогу наверняка, я свернул в ближайший узкий проулок (со Степной на Томскую). Мне, надо объяснить, пришлось сделать крюк, так как заходил к дяде. Пройдя метров пятьдесят по пустынному проулку, я увидел фигуру идущего мне навстречу. Было секундное колебание, желание сразу вернуться назад, но я продолжал двигаться вперед, наверное от отчаянья. Разминуться же возможности не было. Коренастая, сразу показавшаяся знакомой, фигура приближалась. Левая рука его была за спиной. Из-за валившего валом снега, покрывшего все вокруг, и меня, и его, я не мог разглядеть шерсть, Сблизившись со мной, правой рукой он схватил меня за грудки и мы вперили взгляд друг в друга. Его глаза, небольшие круглые (как и в случае Ю. А. Березовского — М. Б.), были те же самые, которые я видел в детстве. На меня нахлынул тот же ужас, что и когда-то. Я первым как бы пришел в себя. Приподнял школьную сумку и сказал: «Иду со школы». После небольшой паузы, буркнув что-то невнятное, совсем не похожее на слова, он резко отстранил меня в сторону и пошел своей дорогой. Я тоже двинулся, уговаривая себя не оглядываться и не бежать. Через час я дошел до дому очень бледный (с мороза), как сказала мне сестра». А вот письмо из Сент-Этьена (Франция). Пишет Рене Лауресио, преподаватель русского языка, возглавляющий кружок по изучению «снежного человека». Он сообщает о том, что такие существа жили в Альпах еще в прошлом веке. Но конец их был плачевен. Кому-то понадобилось их уничтожить. Сделали облаву и увезли. Никто до сих пор не осмеливался об этом рассказать. стыдно. «Вот почему Ваша статья в «Спутнике» № 2 за 1989 год о Меченом очень заинтересовала моих учеников. После ее прочтения они говорят, что пара статья храбрее. Ваша статья как будто ободряет нас». Хочу ответить на несколько вопросов, содержащихся во многих письмах. Надо стать зоологом, чтобы позволить себе затем специализироваться на животных, ведущих скрытный образ жизни. Консультации заочно для отправляющихся даже с самыми правильными научными целями в поисковые поездки за реликтовым гоминоидом никто не дает. Самое главное — никто не призывает к этому людей. Ибо на местности группа не должна превышать того минимума, который позволяет не сильно нарушить первоначальные условия той местности, где идет работа. Есть много животных, о существовании которых никто не знает или просто не хочет знать. Поэтому можно посоветовать сосредоточить свое внимание на них, а не на реликтовом гоминоиде, который сразу чувствует тот случай, когда люди начинают проявлять подчеркнутый интерес именно к нему. И еще: нужно ли государству тратить деньги на поиск, если контакт так труден? К сожалению, а может быть к счастью, государство не тратит на это денег. Ни одно научно-исследовательское учреждение не интересуется темой.

Вот почему и низок уровень работы энтузиастов-любителей, никакого оснащения, никаких консультаций.

Самый массовый и ценный характер несут сведения, поступающие с разных концов страны в письмах. И я, пользуясь случаем, обращаюсь к законспирировавшему себя читателю из Душанбе: даю полную гарантию соблюдения всех условий, поставленных Вами в письме в редакцию. Я до сих пор жду письмо. К сожалению, я не могу сообщить, что в таком-то году фотография гоминоида будет в каждой семье. Для этого придется еще поработать. Но мы все ближе и ближе к разгадке тайны века. Поверьте, она не за горами. И помните — каждый отдельный рассказ может быть неточным или и вовсе ошибочным. Только собранные воедино эти истории могут представить ценность, они дают возможность отделить семена от плевел.

Читатели спрашивают и о статье «Леший XX века» («Охота и охотничье хозяйство», № 2, 1989). Из нее они узнали, что в шестидесятые годы при Академии наук СССР была создана Комиссия по изучению вопроса о «снежном человеке». В нее входил и автор статьи (Хотя неясно, зачем? То ли тогда он относился серьезно к теме, а сейчас ей изменил? То ли вошел в Комиссию с целью «разоблачить»?) Так вот, экспедиция Комиссии действительно отправилась на Сарезское озеро. (Место заведомо неудачное, ибо это озеро молодое, образовалось в результате обвала, ставшего плотиной. Здесь была погребена огромная площадь вместе с жителями, растительным и животным миром. Естественно, растения окрест не могли сдвинуться с места, а вот животные, бесспорно, ушли.) Она названа «мощной комплексной экспедицией» для поисков «своих» (так и написано в статье) «снежных людей», хотя автору «было уже ясно, что дело это гиблое...». Что ответить читателям, заметившим все эти несуразности и маневры? Беда именно в том состояла, что единственная такого рода государственная экспедиция была комплексной. И руководил ею К. Станюкович, разносторонне одаренный ученый, для которого на первом плане были ботанические исследования. Он и переключил интересы участников экспедиции, всю ее деятельность на сбор гербария. Были и другие темы — изучение насекомых и птиц. Да, все это само по себе нужно. Но идея поиска зверя сразу же была отодвинута в дальний угол. В таком духе составили и отчет. Выводы о возможности существования животного были изложены предосудительно односторонне и категорично. У ученых это называется «закрывать тему» одним росчерком пера. Но были же сообщения местных жителей! Да, были, но они вошли позже только в сборник рассказов (как жанра) К. Станюковича. Борис Федорович к таким скоропалительным выводам ботаников относился отрицательно. Спорил он и с членами Комиссии. Поршневу, к счастью, был не из тех, кого можно подавить окриком. Личность крупная и самобытная, Б. Ф. Поршневу в свое время не был избран член-корреспондентом Академии наук СССР лишь потому, что занимался такой «смешной» темой, как предположение о существовании нового вида из отряда приматов. Но союзный и международный авторитет ученого от этого обстоятельства не пострадал.

Критикуемый Петр Петрович Смолин, в отличие от Поршнева, не имел ни ученых степеней, ни престижного учебного заведения за плечами, но именно он основал гонимый семинар по реликтовому гоминоиду. Школу Смолина, хранителя Дарвиновского музея и руководителя постоянно действующего при нем кружка юннатов, за долгие годы прошли многие ученые — биологи и зоологи, нынешние доктора наук, член-корреспонденты, академики. И тем не менее многие из специалистов сегодня выступают в роли иванов, не помнящих родства, и охотно подключаются к травле детища Смолина. К сожалению, в жизни так нередко случается. Можно ли всерьез вести полемику с «остепененными» выходцами кружка юннатов?

А тем более с такими учеными, которые используют вариант уличной ссоры? Понятны истоки обиды автора статьи, эта ситуация проще. Сегодня ему не страшно. Ведь он продолжает спор с мертвыми. Он из года в год публикует одну и ту же статью (например, в 1988 году она была помещена в ленинградской «Смене»), не изменив в ней ни единого слова. Хорошо, что па дворе не роковые тридцатые да сороковые! Иначе бы всех мыслящих не так,

как автор кочующей статьи, давно бы... Судите по его лексикону: «вбить осиновый кол», «снежно-бабское искательство» (кстати, смысл этого слова ближе к «искаться», а не к «поиску», надо же иметь чутье). А чего стоит «требование» разослать оттиски его ругательной статьи по городам и весям, что бы поставить плотину-преграду в редакциях? Рекомендации разделаться с инакомыслящими по поводу «снежного человека» нынче смешны, если бы не отдавало от них отрыжкой времен опричнины и застоя.

Глава 9: Кто ты? (Гипотеза на гипотезе)

Процесс привыкания к новым представлениям определяет всю историю естественных наук. Как когда-то сказал М. Планк, «ученые не меняют взглядов, они просто умирают», а новые поколения со школьной скамьи привыкают к новым взглядам.

Л. Блюменфельд

Так уж сложилось, что сегодня нам легче сказать, каков «снежный человек», нежели кто он. На первый вопрос особенно легко ответить в году «массовых встреч» с этим существом — 1989. Что же это за прорыв к видению? Попытаемся объяснить это двумя причинами. Первая — изменениями, якобы произошедшими в самом человеке, таким качественным скачком в сенсорных возможностях человека, в результате которого многие вдруг увидели то, что ранее было доступно лишь немногим. Вторая причина, сегодня более укладываемая в традиционные представления о мироздании, хотя до вчерашнего дня еще попираемая общественным и научным мнением, — очередной период активного солнца. Уверена, что из самых потайных экологических ниш в такие периоды могут появиться звери, о встречах с которыми люди упрямые твердят уже не одно тысячелетие, а научные круги все ссылаются на необходимость повторения опыта, не считаясь с краткостью своей жизни. Банальные мысли о совершенствовании средств информации не могут служить объяснением происходящего, ведь в ближайшие два-три года резких изменений в этой области не наблюдалось. Кстати, у нас в стране верной может быть лишь ссылка на проявление гласности.

Одним словом, «Земное эхо солнечных бурь» А. Чижевского остается не просто настольной книгой фантастов и чутко устроенных людей, а книгой основополагающей. Уже раздаются голоса, что она поверхностна, что в ней описаны факты, анализ, подход к системе, а, дескать, на молекулярном уровне не раскрыта взаимосвязь всего земного с космосом и Солнцем. То есть, еще не взяв на вооружение гениальные идеи, мы, потомки, уже высокомерно рассуждаем о том, что современники наши могут узнать эти вещи и глубже, и точнее. А ведь мы еще не узнаём на практике подсказанные А. Чижевским явления и взаимосвязи, становимся в тупик при столкновении с ними. Суть же происходящего сегодня проста: если есть творческие силы, способные к работе в этой области, то ближайшие три года подарят человечеству массу откровений, особенно в биологии.

В 1988 году выяснилось, что три независимые группы ученых из трех стран, не интересуясь «снежным человеком» и не задумываясь над его положением в родословной человека разумного, пришли к выводу, подступы к которому были намечены еще в XVII веке в России. Канонизированный святой, епископ христианской церкви, составивший настольную книгу верующих «Четьи-Минеи» (Жития святых), Димитрий Ростовский (1651 — 1709) был человеком широко образованным. Он знал несколько языков и все сведения об изучаемом предмете черпал из первоисточников. Заинтересовавшись вопросами, связанными со строительством Вавилонской башни, он выяснил, как по дошедшим до нас сведениям происходил процесс таинственного смешения языков и само разрушение идеи строительства. И пришел к выводу, что никаких насильственных физических мер наказания, понятных людям того времени, не последовало.

Воздействие было простым и одновременно сложным для расшифровки: подули необычные ветры, которые привели к нарушениям в головах строителей. И одновременно оказали неслыханное влияние на человечество в целом. В то же время, говоря современным языком, стали активно проявляться мутации. Среди доселе якобы однородной человеческой массы появились карлики, кретины, гермафродиты, и, наконец, лесные, или дикие, люди. (Кстати, непонимание того, что кроется за этим понятием, привело к тому, что, описывая события, произошедшие в этом году в Саратовской области, ссылаются на возможность бродяжничества там убежавшего из лечебницы

душевнобольного, не зная, что ни одно заболевание, тем более такого рода, не влечет за собой абсолютной обволоченности.)

Запомним, это лесные, или дикие, люди (ноне обезьяны, которые разошлись с приматами минимум пять миллионов лет назад и процветали до потопа).

Гипотезе Димитрия Ростовского суждено было бы остаться незамеченной, если бы не... джинн, выпущенный из бутылки,— если бы не генетика и ее победное наступление в разных областях естественных наук.

Тема «снежного человека» в нашей стране долго считалась крамольной, потому что как бы затрагивала интересы антропологии, проходя в явной близости с вопросами происхождения самого человека разумного. Эта сакраментальная близость особенно обозначилась после того, как Б. Ф. Поршневым была сформулирована относительно доказательная неандерталоидная версия происхождения «снежного человека».

Интересно то, что и до сегодняшнего дня проблема становления самого человека разумного столь же не ясна, как и «снежного»,— как в додарвиновский период, так и в последарвиновский. Хотя гений Ч. Дарвина пробудил мысль и общественную и научную к поиску. И сегодня мы ценим его обращение к обезьяне хотя и не как решение вопроса направления биологического исследования, а лишь как меру глубины исторического анализа. Откуда мы взялись? Это, пожалуй, самая древняя мысль человека разумного. В этом плане ближе всех к истине французский философ-материалист, что не мешало ему быть священнослужителем,— Тейяр де Шарлей. Он сделал вывод, что человек слишком бесшумно вошел в мир, чтобы успеть проследить его корни, его истоки. А еще меня при этом интересует, как человек «смог» так быстро сформироваться. Предисторического времени для этого недостаточно! Очевидно, ученые мужи напрасно ищут так называемое среднее звено между... А в самом деле, между кем и кем? Неужели между обезьяной и человеком? А может быть, между неандертальцем и человеком? Скорее всего никаких промежуточных звеньев просто не было. И формула «человек произошел от обезьяны» не несет и себе буквальную суть открытия. Ибо, как выяснилось сегодня и что нравится пока абсолютному меньшинству ученых, даже неандертальский человек не является предковой нашей формой. В 1988 году группа французских и израильских ученых высказала мысль, что человеческие существа, не отличающиеся от живущих сегодня, появились около ста тысяч лет назад, что вдвое раньше, чем предполагалось традиционно. (Заметьте, речь идет не о фантастической литературе, даже не о научно-фантастической, что многие путают, а о последних реальных исследованиях!)

Скорее всего, предки современного человека существовали ДО появления самых ранних неандертальцев, которые считались анатомически более примитивными. Эти ученые пришли к выводу, что идея революционного родства неандертальца и современного человека несостоятельна. Вывод сделан специалистами самой консервативной науки (вследствие малой доказуемости предположений в этой области), а именно — антропологии. В основу был положен термолюминесцентный метод. Зимой того же года Американской ассоциацией (описано в журнале «Нейчур») обсуждалась так называемая проблема одной-единственной нашей общей праматери Евы. Ее гены обнаруживают во всех живущих сегодня человеческих особях, независимо от национальности и расы! Идея генетической проверки этого положения принадлежит американскому ученому Элану Уилсону из Беркли (Калифорнийский университет). С одной стороны, коллеги в течение десятилетия называли его сумасшедшим, а с другой — он заслужил макартуровскую стипендию гения (1986 год).

Лаборатория Элана Уилсона совместно с группой университета Эмори приближают к нам дату разделения человечества на расы, а главное, как и французы с израильтянами, устраняют из нашей родословной неандертальского человека. Они категорически относят неандертальца к уже отмершим (а может, и поныне отмирающим? — М. Б.) ветвям генеалогического древа.

Работа велась на уровне митохондриальных ДНК (источник энергии, поддерживающий жизнь клетки), передающихся только материнским организмом. Выявлено, что человек — молодой биологический вид. На этом уровне не нашлось никаких межрасовых различий, хотя внешние легкоуловимые различия между расами, казалось бы, прямо вопят о них. Мы все, какие мы ни есть, гораздо ближе друг к другу, чем особи большинства других видов позвоночных и млекопитающих. Сколь же примитивен даже не предполагающий этого уровень националистического мышления! По теме же этой статьи для наших рассуждений главное: неандерталец биологически явно моложе человека. Моложе! Зародившись, например, в Африке (что не исключает северные очаги зарождения человеческих сообществ) и достаточно размножившись, потомки Евы по невыясненным причинам в какой-то момент стали продвигаться (см. докторскую диссертацию Л. Н. Гумилева о формировании и миграции этносов) из Африки через Азию в Европу. И только в Европе они могли впервые столкнуться с еще более молодым биологическим видом—неандертальцем, а возможно, и с архаическими представителями предчеловеческого стада. Поскольку потомки Евы были людьми современного типа, их не могли интересовать в качестве партнеров встретившиеся аборигены-нелюди. Как бы там ни было, факты свидетельствуют: все митохондриальные гены неандертальцев исчезли бесследно после прохода или прихода потомков Евы. Следовательно, смешения или не было вовсе или оно было незначительным. Попытки сближения со стороны неандертальцев терпели неудачу. И не потому, что их лица (морды?) были некрасивы. Прежде всего потому, что у них отсутствовал дар речи.

Если «снежный человек» и — обезьяна (что звучит достаточно вульгарно, но означает лишь, что он относится к приматам), то «обезьяна», которая на несколько голов выше известных, с необъяснимым пока энергообменом. Этот Некто возник после предка человека и шел параллельно, по другому пути, не собираясь «дорастать» и совершенствоваться до уровня человека. При полном внешнем сходстве с последним (голова, лицо, туловище, ноги) грубые отличия таковы: лишен дара речи, практически полностью обволосен, есть сведения о гребне на голове, большой палец ноги в большей или меньшей степени отставлен в сторону от остальных, иногда наличествует необычная складка на подошве перед пальцами ног. Этот Некто обладает сильнейшими способами биологической защиты, какими, можно предположить, владели и представители предчеловеческого стада (Б. Ф. Поршнев), а может быть, и человек разумный на разных этапах развития. Ибо этими же свойствами до сих пор обладают некоторые люди современного типа (например, Альберт Игнатенко) или почти в целом представители некоторых народов и народностей, таких, как саами (ученые заинтересовались их колдовскими навыками еще два века назад и посылали к ним по этому поводу одну экспедицию за другой), цыгане, а также люди определенных профессий и лидеры по натуре. Б. Ф. Поршнев считал, что это — суггестия. Волевое внушение или принуждение. И пожалуй, это единственно верное представление о положении дел, ибо это не гипноз. Вот почему Очевидцы утверждают, что «снежный человек» разговаривал с ними, не разжимая губ. Они не видят артикуляции. Рот при этом не бывает открыт (вывод мой). На вопрос, на каком языке шел разговор, чаще всего отвечают: я его понимал, вроде половина слов по-русски, половина по-менгрельски... Именно поэтому «снежный человек» может показывать разные картинки, предметы, как тот же Альберт Игнатенко на сцене показывает без применения гипноза испытуемому, находящемуся с открытыми глазами, крокодила.

Кроме того, известны элементы оборотничества, либо отвода глаз, когда вдруг становится неясно, кто идет рядом с тобой — то ли собака, то ли овца. Умение затаивать то, что некоторые бесшабашно называют биополями, а другие, чтобы выглядеть солиднее и идти в ногу с официозом, суммой электромагнитных полей. Эта форма сокрытия самого себя—одно из самых чудодейственных свойств «снежного человека», которое роднит его с представлениями о

неведомой, нечистой и крестной силе (совсем по С. Максиму) и помогло животному скрываться от человека на уровне мифа в течение тысячелетий.

Говорить и думать о животном, как существе таинственном, причислять его к нечистой силе, а то и безосновательно усаживать его в кабину НЛО (против появления которых я ничего не имею, но прошу все же, походя, не захватывать туда и давно опознанный объект) заставляют ночной образ жизни, молниеносный способ передвижения. Именно сочетание этих свойств дает уникальный эффект. И не позволяет тщательно рассмотреть, а тем более сфотографировать его. На всех континентах люди, оснащенные по последнему слову техники, не могут пока получить его анфас или профиль. Какие могут быть упреки, тем более в мой адрес? Каждый раз таким оппонентам хочется грубо ответить: пойдите к нему и сфотографируйте. Требование фотографии особенно смешно, если знать, что никто в мире не видел того, что можно было бы назвать стационарным или пэлустационарным, или сезонным гнездовьем, лежкой, укрытием «снежного человека». И что, как думается, четырежды исследователями все же найдено в Заполярье в сентябре 1988 года.

Это животное, и следы его жизнедеятельности можно и нужно искать на планете Земля. Как и среди всех земных видов живых существ, наблюдатели встречались с развитыми и неразвитыми особями гоминоида, глупыми и умными, совсем реалистичными и с некоторыми необычными свойствами, а также с несущими груз положительных и негативных воспоминаний о предшествующих встречах с человеком разумным. Только от последнего факта зависит в целом поведение таинственного животного. Совершенно ясно, что не во всех случаях оно может быть так благодушно настроено к человеку, как этого хотелось бы. Как, например, далее поведет себя экземпляр, повстречавшийся в сентябре 1989 года с группой охранников сада в совхозе «Прогресс» Саратовской области, если его хорошенько помяли в схватке (в ней участвовало много людей, среди них был боксер), связали веревкой, засунули в багажник какой-то машины и содержали там не один час? Все же сообразив, кто перед ними, люди эти не взяли ни одного из выдранных в схватке волос, крепко отмыли машину от тех же волос, пота, слюны, не говоря уже о том, что, держа в руках такой материал, можно было бы... Все это не претензии к людям случайным, неподготовленным. Меня больше интересуют корреспонденты, пишущие на эту тему, претендующие даже на ведущую роль в гоминологии, но которые элементарно не обследовали днем (!) бурьян, в котором происходила схватка с гоминоидом. Спрашивается, зачем же ты туда ездил? Хочу сказать, что прежде чем предъявлять претензии к другим, надо самому быть на высоте. И почему не дана оценка самой безобразной ситуации в целом? По-человечески ли поступили охранники?

Рассказы свидетелей об этом существе внутренне не противоречивы. Рассуждения кандидата биологических наук В. Сапунова, хотя и не позволяют категорически утверждать о достоверности существования нового вида, но они убедительно говорят о свидетелях и их показаниях. В частности, тут нет сознательной или бессознательной фальсификации впечатлений от встреч с ним. Это относится к разбросу окраски шерсти, данных о росте существа и т. д. Рассказы очевидцев соответствуют современным представлениям о генетике и экологии приматов. Независимо от пола, возраста и национальности очевидца (мое заключение). Соответствуют они и современным представлениям о явлениях, сопутствующих умирающим видам. Как-то: соотношение полов, преобладание мужских особей. Но самое главное в этом — редкие встречи с детенышами.

На сегодняшний день, если ты не хочешь быть сознательным фальсификатором в антропологии, надо забыть о прекрасном родословном древе человека, тщательно вырисованном художником-графиком. Последние прорывы философской и научноестественной мысли несколько пересекают верхний сучок, на котором сидит человек. И напрочь изымают, по крайней мере, среднюю часть ствола.

Революционность нетрадиционного представления о происхождении человека может, например, исходить из' предположения, что появление самой Евы, как

уже высказывалось, и нескольких Адамов — скорее всего результат жесткого космического облучения. В результате которого и образовался неокортес, а также произошла специализация мозга (правополушарные и левополушарные функции); параллельно формировалась физиологически состоятельная гортань и сама речь.

Поведенческий аспект нашего героя, а также отсутствие предпосылок для речи свидетельствуют о его абсолютной правополушарности, вот почему мы имеем дело с животным, а не с человеком.

После африканских находок семьи Лики, а особенно находок Джохансоном более чем трехмиллионнолетней малютки Люси — двуногой и прямоходящей, совершенно ясно рушится и прекрасная горизонтальная схема становления человека, приводимая во всех учебниках биологии, на которой человекоподобные идут, глядя в спину друг другу, поднимаясь с четверенек и затем все более и более выпрямляясь. И вот впереди идет лидер на двух конечностях с прямой постановкой позвоночника. Гордая поза, поигрывает дубинкой, которая якобы единственная и сделала его человеком. Схему можно объяснить тем, что художник или ученый еще не догадывались о существах, которые три миллиона лет назад уже умели все то, что сегодня умеет и он.

Как говорит В. Красилов, располагая все живое в виде лестницы — внизу растения, затем рыбы, повыше звери и, конечно, выше всех человек, — никто не знает, куда ведет эта лестница — вниз или вверх?

Итак, в свете последних гипотез очевидно, что работу по выяснению происхождения человека надо начинать с нуля. Но не прояснился ли чуть-чуть ответ на вопрос, кто он такой — «снежный человек», этот жупел серьезных людей?

Ясно, что он в меньшей мере реликт, чем сам человек. Он возник на глазах предка человека. Он наш современник, имеющий необычайно сильные защитные свойства, отличающийся завидной экологической пластичностью (живет на юге и на севере без одежды), потрясающей иммунной системой (все чаще дефицитной для человека). И все же он имеет какие-то сбои в генетической программе. Ибо так быстро, буквально на глазах, сходит со сцены, традиционно именуемой эволюцией. Значит, он — тупиковый? Американский палеонтолог Коп считал специализированные господствующие виды тупиками эволюции. И он же предполагал в рамках традиционных названий, что именно задержавшиеся (скорее всего кажущиеся таковыми. — М. Б.) в развитии виды могут дать что-нибудь новое. Что означает: для продвижения вперед надо отступить назад. А может, все дело в агрессивности человека разумного, в стремлении подменить собой понятия Природы и Космоса? По существу, замахнувшись на земной шар, разрушая созданную им же ноосферу, человек может исчезнуть так же бесшумно, как и появился. И своей безрассудной деятельностью, и своей безоружностью, например против СПИДа, он уже доказал, что в состоянии подрубить сук, на котором сидит. И все высказываемые в последнее время благодушные мысли и надежды на то, что якобы в случае экологической или космической опасности произойдет очень быстрая эволюция и человек пойдет по такому «прогрессивному» пути, как потеря речи (ибо она якобы только «сдерживает» возможности информации, получаемой прямо из космоса), непосредственная подзарядка от солнца вместо потребления низкокалорийного белка, так и останутся вариантами игр для умных машин на обесчелоченной планете.

Глава 10: Коркодел вчера и сегодня

ПРИМЕЧАНИЕ. Здесь нет необходимости пространно убеждать кого-то в том, что Борис Федорович Поршнева ученый самого высокого уровня из всех, чье внимание когда-либо привлекала тема реликтового гоминида. Нет нужды перечислять гипотезы еще и других авторов. Они менее доказательны и не заинтересовали меня. С любыми попытками упрекнуть меня в тенденции к мистицизму (есть почему-то и такой вариант восприятия) не считаю, ибо они спекулятивны. Возможность свободно высказать свое мнение отношу только на счет плюрализма в действии. Тем, кому чуждо любое инакомыслие, разрешаю отнести этот раздел к жанру поэзии.

Каково положение с другими потаенными животными, со сведениями о них, доходящими до любознательного человека?

Большинство древнеславянских языческих празднеств и культовых отправлений проходило на природе — у кладезей, студениц, в полях и лесах. У праславян — сколонов — эти действия совершаются уже в начале бронзового века. Но такие архаичные культы дожили и до нашего века. Григорий Богослов в «Слове об идолах» упоминает: «О в реку богыню нарицать и зверь, живущь в ней, яко бога нарицая требу творить». Академик Б. А. Рыбаков предполагает, что под «зверем, живущим в реке», подразумевалась огромная ящерица, водившаяся в Восточной Европе вплоть до XVI века, когда именно таких ящериц видел С. Герберштейн, австрийский посланник в Московии.

То был образ реального животного в отличие от архаичных представлений о Ящере как божестве нижнего мира. По свидетельству Адама Олеария (середина XVII века), о котором упоминает в своей книге Б. А. Рыбаков «Язычество древней Руси», в Новгороде в языческие времена действовало святилище некоего полного божества, похожего на... крокодила. Очень точное слово — похожего. А то ведь начнутся выяснения всерьез — подходил ли тогда там климат для ящериц, а тем более крокодила. «Какое же местное божество могло быть предшественником Перуна в Перыни?» — задается вопросом автор КНИГИ. И сам на него отвечает, ссылаясь на легенду, занесенную в «Цветник» (1665 год): князь Волхова, а он имел облик «лютотого зверя коркодела», залегающего в реке Волхове».

«Современная зоология,— пишет Б. А. Рыбаков,— плохо помогает нам в поиске прообраза ящера». Но если мы обратимся к «Запискам о Московии», написанным С. Герберштейном в первой половине XVI века, то найдем искомое в разделе о Литве: «Там и поныне очень много идолопоклонников, которые кормят у себя дома, как бы пенатов, каких-то змей с четырьмя короткими лапами наподобие ящериц (это уже ближе!) с черным и жирным телом, имеющих не более 3 пядей (60—70 см) в длину и называемых гивоитами... В положенные дни люди очищают свой дом и с каким-то страхом со всем семейством благоговейно поклоняются им, выползающим к поставленной пище».

Этот рассказ не единственный. Так, псковский летописец в том же веке подтверждает: «В лета 7090 (1582)... того же лета изыдоша коркодили лютии звери из реки и путь затвориша; людей много поядоша. И ужасошася людие... и паки спряташися, а иных избйша». Здесь уже речь идет не о «прикормленных гивоитах», а о речных ящерах, которые под влиянием неведомых, но определенно погодных обстоятельств обнаружили себя в массовых количествах.

По Геродоту, примерно в VI веке до н. э. племена невров, жившие в основном в наиболее болотистой области Восточной Европы — Припятских болотах, были вынуждены покинуть свои исконные места и вселиться в страну будинов (юхновская культура) Из-за каких-то змей, 'внезапно наполнивших страну!.. В Белоруссии и детские игры, и хоровые песни до сих пор содержат сведения о ящерах. Часто этого зверя называют запросто— Яша, тем не менее хорошо представляя, что сокрыто под именем. И то же белорусское

Полесье подарило нам сведения о встрече с ящером в восьмидесятые годы нашего века. Очевидец постарался сообщить о любопытном факте инкогнито, чтобы самому не стать объектом исследования. Событие произошло на болоте, в месте никогда не замерзающих родников, в зарослях высоких камышей. Лесничий, человек довольно молодой и вполне современный, раздвинул камыши руками, чтобы взглянуть на теплый источник и... увидел: у воды присело на мощных задних лапах существо трехметрового роста. Оно разбиралось с пучком травы, зажатым в коротких передних лапах... Лесничий выпустил из рук камыш, и сцена из жизни дочеловеческого периода земли пропала (утверждается, что динозавры вымерли до появления человека).

Легенды, случаи, факты...

Речь идет не о слепой вере или неверии в подобные истории, а только о том, вписывается или не вписывается очередной рассказ или свидетельство во все, что мы слышали на ту же тему в тех же местах,— в старое ли доброе время или во времена, близкие к нынешним.

К сожалению, ничего подобного тому, что якобы повстречал полесский лесничий, не сохранили для нас ни летописи, ни фольклор, ни этнография. Облик увиденного животного не имеет здесь аналогов. И думать всерьез об описанном случае нет оснований.

Но вот еще в «Универсальном описании Крыма» В. Каядараки, изданном в 1875 году, в главе «Пресмыкающиеся или гады» говорится о том, что страну эту в былые времена как-то периодически посещали какие-то чудовищные змеи... По сообщениям местных газет Феодосии двадцатых годов, однажды была отряжена рота красноармейцев для поимки гада, объявившегося в районе давно потухшего вулкана Карадаг. Однако сохранились свидетельства о встрече с морским чудовищем в районе Карадага уже весной 1952 года. Такой случай описывает Всеволод Иванов.

В Крыму со временем образовался прекрасный узел свидетельств, который можно было бы попробовать развязать. «Жизни не хватит»,— скажут скептик и пессимист. И будут правы? Эти вопросы такие же долгожители, как и сами объекты нашего интереса.

Впервые о земноводном удивительном ките (совсем не обязательно буквальная аналогия, но название именно таково) я услышала от своего давнего коллеги Н. Данилина. Возможно, о нем знал и В. Пушкарев, ибо маршруты его проходили всего в трехстах километрах от предполагаемых мест обитания неведомого зверя— системы озер. Время от времени оно переползает из одного из них в другое и тем самым выдает свое присутствие. Ибо между водоемами после его прохода образуется траншея—будто бульдозер прошел.

Есть гипотеза, что самые крупные морские животные, в частности кит, возможно, не один раз выходили на сушу, полностью меняя образ жизни, и в конце концов опять ушли в воду. Так, в 1987 году Международная палеонтологическая экспедиция обнаружила в бассейне реки Инд череп китообразного животного, жившего не более не менее пятьдесят миллионов лет назад.

Это одна из самых древних находок подобного рода (а какая самая близкая к нашему времени?). Специалисты сочли, что слуховой орган животного был не приспособлен для жизни в воде. Это, как и найденные поблизости кости обитателей суши, дало ученым основание считать, что не все прапрадеды современных китов жили в море.

И не такие бывают неожиданности, как встреча с существом, отжившим свое еще пятьдесят миллионов лет назад.

Так, в районе подводного хребта южнее Новой Каледонии на глубине 500 метров недавно обнаружено животное, считавшееся исчезнувшим 140 миллионов лет назад. Это морское существо типа иглокожих диаметром около десяти сантиметров. По форме оно напоминает сжатый детский кулачок. Исследователи считают, что живая «окаменелость» позволит лучше понять процессы возникновения жизни в океане. Хорошая мысль, но на фоне

описываемых в этой статье высокоорганизованных животных значение десятисантиметрового иглокожего, простите, как-то меркнет и кажется преувеличением.

Как бы фантастично ни выглядела та или иная история, я всегда выслушиваю ее до конца. И никогда, признаться, не возникает высокомерное желание оградить свои представления и знания, данные образованием, от образов, столь далеких от привычных с детства зверей. Не дает ростков снобизм уютного профессионализма: «этого не может быть, потому что»... и т. д. Да и в самом деле, если тебе думается, что местные жители переполнены фольклором и мыслят наработанными в поколениях образами, а следовательно, всегда служат лишь литературному жанру (легенде, а то и буквально сказке), то лучше и не «ходить в народ». Но странно получается, вот пришлый или приезжий грамотный человек, взволнованный фактом встречи с необъяснимым, бросается в центры цивилизации, к ученым мира сего, и... наталкивается на обвинение в увлеченности фольклором. Хотя произошло как раз обратное: увидев нечто на природе, любознательный человек обращается к фольклору, чтобы разобраться в произошедшем с ним. И это — единственно верный путь.

Давно (недавно?), еще в пятидесятые годы нашего века, отшумели страсти по поводу наших — отечественных — динозавров. Зарождение споров обязано именно такой схеме: человек увидел нечто, взволновался, заинтересовался, стал разузнавать, не приключилось ли чего подобного с другими в тех же краях, нет ли подходящих легенд, быличек? Всплыли внезапно в памяти ранее слушаемые вполслуха странные разговоры. К тому же выяснилось кое-что еще: да, было! В старину рассказывали... Затем человек, донеся эти сведения нерасплескавшимися из глубинки до общественности, наталкивается на непонимание, более того — на насмешки даже близких людей, выслушав, и не раз, обвинения в излишней доверчивости либо, что «это» ему показалось. Он замолкает, утрачивает интерес к виденному и больше не пытается быть активным естествоиспытателем. Еще бы! Он всей кожей ощутил даже некую опасность для себя лично. И это в результате такой простой вещи, как встреча с неизвестным науке животным. Итак, преобладает не мистический ужас перед неведомым, а вполне реальный — перед мнением людей. Если событие произошло с одним человеком, то считается, что он принял за животное бревно, или косяк сельди, или гигантскую щуку весом этак килограммов на двести, или сома килограммов на триста. Если же с несколькими, то это спешат классифицировать как массовый гипноз (вопрос только в том, кто гипнотизер?). То есть опровергатели, взгромоздясь, казалось бы, на прочную материалистическую платформу, опровергают все и вся ради самого искусства отрицания. При этом оппоненты и не догадываются, что платформа, на поверку, скорее всего догматическая со всеми приметам метафизического. Есть еще одно дежурное предположение — очевидно, человеческое зрение несовершенно... И этим снимаются практически все попытки разобраться. Еще бы, разговор переходит в область оптики! При чем здесь вера или неверие? Придется обратиться к известным примерам, давно ставшим классикой. Посудите сами.

Летом 1953 года Магаданская геологическая партия под руководством В. А. Твердохлебова прибыла на озеро Лабынкыр (15X3 км) — затопленный участок долины древней реки. Глубина озера — метров шестьдесят. Вскоре стоянку перенесли к расположенному рядом озеру Ворота, такому же глубокому, но меньше размером. 30 июля В. Твердохлебов и геолог Б. Башкатов отправились вдоль берега озера по плановому маршруту. То есть люди занимались сугубо своими делами. Когда склон берега стал чересчур крутым, им пришлось спуститься совсем близко к воде. Из дневника начальника партии: «Сверху я отчетливо различал под водой отмель — затопленную террасу (что и положено видеть геологу — не более. — М. Б.). Как раз напротив того места, куда мы спускались, на ней смутно белело большое пятно. Но когда я через минуту снова посмотрел вниз, никакого пятна не было. Наверное, фокусы солнечного освещения — подумал я. Но Борис неожиданно закричал: «Смотрите! Что это там... на середине?» «Бочонок, — сказал Борис. — Из жести». «Может

быть, лошадь забрела в озеро», — забеспокоился я. Действительно, предмет плыл, и довольно быстро. Это было что-то живое, какое-то животное. Оно двигалось по дуге: сначала вдоль озера, потом прямо к нам... Странное оцепенение, от которого холодеет внутри, охватывало меня. Над водой чуть-чуть возвышалась темно-серая овальная туша. Белый цвет... исчез. На темно-сером фоне отчетливо выделялись два симметричных светлых пятна, похожих на глаза животного, а из тела его торчало что-то вроде палки... Может быть, плавник? Или гарпун неудачливого охотника? Мы видели лишь небольшую часть животного, но под водой угадывалось огромное массивное тело. Об этом можно было догадаться, видя, как чудовище двигается: тяжелым броском, несколько приподнимаясь из воды, оно бросалось вперед, а затем полностью погружалось в воду. При этом от его головы шли волны, рождавшиеся где-то под водой. «Хлопает пастью, ловит рыбу» — мелькнула догадка... (Это все уже не было положено видеть двум геологам. — М. Б.). Мы посмотрели друг на друга и вдруг, как по команде, полезли на крутой склон. А вдруг «оно» выйдет из воды? Перед нами был хищник, без сомнения, один из сильнейших хищников мира: такая неукротимая, беспощадная, какая-то осмысленная свирепость чувствовалась в каждом его движении, во всем его облике. Метрах в ста от берега животное остановилось. Оно вдруг сильно забило на воде, поднялись волны, и никак нельзя было понять, что происходит. Прошла, может быть, минута — и животное исчезло, нырнуло. Только тогда я вспомнил о фотоаппарате. Мы стояли десять, двадцать минут, полчаса — все было тихо кругом. Мы пошли дальше».

Прекрасное описание виденного. Никаких неопределенностей. Ясный ум, твердое перо, последовательность и логика изложения. И в то же время желание рассмотреть «его» сильнее «вспоминания» о фотоаппарате. Как всегда. Между тем все виденное вписывается и в легенду и в свидетельства местных жителей — и внешний облик незнакомца, и манера поведения. Есть и такая запись в дневнике: «Я вспомнил о светлом пятне под водой. Очевидно, животное охотилось на прибрежной отмели, и мы вспугнули его, когда с шумом спускались по склону... Мы смотрели на темную неподвижную воду протоки, соединяющей озеро Ворота с другими озерами. Видимо, эта протока была глубока, и чудовище может пробираться по таким протокам из озера в озеро (прекрасное предположение. — М. Б.). Но здесь кончался район наших работ, и у нас не было времени, чтоб гоняться за чудовищем...». Спокойные в меру люди, достойно ведущие свое профессиональное дело. Они его не бросили, не снизили производительность своего труда. Конечно, как уже, наверное, читатель понял, этим сообщением совсем не заинтересовались... зоологи Якутии, Магадана и прочая и прочая. Кто поедет в заполярные места да еще по такому почему-то всегда смешному поводу? Несколько самостоятельных экспедиций все же побывали тут, на месте происшествия. И собрали кое-какой материал. Вывод некоторых из них оставлял какие-то надежды. Нашлись и такие, которые пошли дальше и глубже: поняли главное — недостает профессионализма в такого рода исследованиях. А после 1963 года заниматься этим вопросом «вовсе стало некому. Нечто подобное произошло и на озере Хайыр, когда член биологического отряда Якутского филиала АН СССР Н. Гладких рано утром отправился за водой и увидел выползающее на берег чудовище. Он рассказал: «Маленькая головка на длинной лоснящейся шее, огромное тело с иссиня-черной кожей, вертикально торчащий спинной плавник». Именно таким рисуют это существо местные жители, видевшие его и в воде и на берегу. Но не только они, жертвы своего фольклора! В 1939—1940 годах часто летали над Хайыром прославленные летчики Черевичный и Аккуратов. И однажды с высоты восьмисот метров заметили в воде двух больших, ни на что не похожих животных. Они опустились до пятидесяти метров и разглядели черные крупные туши, которые сразу ушли в глубину, скорее всего от шума мотора. Уйти было куда! Река Омолой соединяет озеро с морем. То же наблюдается в озере Эльгыгытгын. Там у зверя есть имя собственное — Калилгу. Учитель-якут В. Кучме с вертолета в одном из озер между поселками Хаир и Кулар увидел непривычное глазу существо огромных

размеров. Обратили внимание на зверя и другие пассажиры. Четыре человека наблюдали с высоты птичьего полета за маневрами чудища в воде. Оно нырнуло, вынырнуло и снова скрылось под водой. Надо помнить, что на берега многих из пятисот тысяч озер Якутии еще не ступала нога человека...

Все любят избитую фразу, которой на самом-то деле вовсе не придают значения: «В основе фантазии (или легенд, сказок, несказочной прозы) всегда лежит реальность». Но есть и вторая фраза, которую некоторые авторы пишут впритык к первой: «Значит ли это, что мифы обязательно должны иметь реальную почву?» Ясно, что в такой упряжке далеко не уедешь. Можно же рассматривать современные свидетельства, и не прибегая к той или иной трактовке их, поверяя мифами. Если народная память только мифологизирует событие сегодняшнего дня и тем самым заставляет еще больше сомневаться просвещенный мир, так, может быть, следует всегда слушать эти разные вещи порознь?

В легендах, связанных с озерами Шотландии, Исландии, Канады или с джунглями, болотами, озерами Африки, люди видят нечто, поражающее их воображение. Они, естественно, делятся полученными сведениями, а их рассказы становятся достоянием прессы. Корреспонденции в свою очередь используются как реклама. Авторов их обычно тянет на сенсационную подачу материала, что, кстати, почему-то всегда очень волнует нашего широкого читателя-пуританина, имеющего весьма слабое представление о рекламе, но интуитивно всегда подозревающего, что в этом есть что-то неприличное. Простое сообщение о живом существе способно породить волну скептицизма и даже озлобленности: воистину неисповедимы пути человеческой психики!

Но можно, можно разобраться кое в чем и без пресловутой рекламы. Смотрите, что делается: только вчера вымер десятиметровый крокодил острова Мадагаскар, еще живы люди, видевшие в детстве кавказского крокодила цахро или цахо...

Итак, динозавры живут-поживают из века в век. Огромные размеры, очевидно, позволяют им, как и прочим законным, не вызывающим сомнений крупным морским животным, не замерзать при низких температурах приполярных водоемов. Малая подвижность позволяет жить без особых энергетических затрат. А восьмимесячная зимовка в озерах Крайнего Севера? Может быть, путем замены компонентов физиологического раствора спиртом или глицерином? Тут сразу хором возразят: «Так то у лягушек и тритонов!» Да. Но мы же ничегошеньки не знаем о предполагаемых животных. Думаю, что они являют собою пример впечатляющего долголетия, почти — по человеческим меркам — бессмертия. А вопросы популяции — пробный камень двадцатого века — пусть остаются для девяносто девяти целых и девяносто девяти сотых процента живого на планете Земля. Больше ли бессмертных, чем во французской академии?

На Лабынкыре видели однажды и четырех животных сразу! Разумеется, разумеется, это не число, нужное для поддержания вида. Но... Нет ведь и настолько наивного человека, который бы утверждал, что сейчас происходит воспроизводство стад редких монстров. Скорее все же впору подумать о долгожительстве... О физиологии, биохимии бессмертия. Конечно, из ряда вон выходящего, на уровне литературного Вечного Жида. Спокойно! Речь всего-навсего о приспособлении к смене геологических эпох.

А в эдаком случае бессмертие на планете Земля может выглядеть и так, как уже неоднократно постулировалось при рассмотрении возможностей пресноводной гидры. В теле этого трубкообразного обмен веществ происходит так стремительно, что почти все устаревающие клетки заменяются новыми через каждые две недели! Гидра практически не стареет. Некоторые холоднокровные, например, определенные рыбы и даже крокодилы растут в течение всей своей жизни, но с возрастом не достигают «взрослых» размеров. Если бы они были полностью защищены от хищников и болезней, то, возможно, и не умирали бы? Самое что ни на есть бессмертие — отнюдь не абстрактно. Амеба — простейшее одноклеточное, она делится на две части, и каждая из них жива в той же мере, что и

исходная материнская клетка. Любой школьник начальных классов возразит, что процессы в одноклеточных проще, чем в сложном организме. А каков эффект! Все же природа — гениальная лаборатория, она и без начальствующих способна и самоорганизоваться и на ощупь выйти из любого, даже самого затруднительного положения. И реальных ее чудес предостаточно — за сенсацией не обязательно отправляться в джунгли.

О том, что человек, к сожалению, живет в мире стереотипов и закоряченных ценностных представлений, говорит не только законное требование достопримечательной популяции! Но и тот факт, что, попади монстр в чьи-либо руки, его просто выбросят за борт корабля и зоо-истории, и палеонтологии. За ненадобностью. А на самом-то деле из-за психологического дискомфорта. И даже никакие мысли о близости к открытию, к хорошей или дурной славе, наконец к вознаграждению не собьют никого с проторенного пути. По русским меркам (далее мы выясним, что они интернациональны) это: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». В нашем случае: лучше сохранить обычную партию заурядной рыбы, чем стать обладателем туши монстра.

Так и случилось на нашем веку, уже дважды.

В 1961 году около острова Ньюфаундленд эстонские промысловики на СТРТ-9103 вытащили тралом труп морского животного весом пять тонн. И... выбросили за борт. Его описание совпадает с японской находкой 1977 года возле Новой Зеландии, где тралом был поднят труп странного полурасложившегося животного: небольшая голова, длинная шея, туловище короткое, мощные плавники-ласты. Оберегая партию рыбы от порчи, капитан приказал выбросить тушу за борт. И все же! Все же куски плавника и кожи были тщательно упакованы и помещены в морозильную камеру. Биохимик С. Кимура из Токийской высшей школы промыслового рыболовства проанализировал белки предоставленного ему материала методом хроматографии на ионообменных смолах. Им был обнаружен белок типа эластоидина. Не буквально эластоидин, который свойствен акулам, скатам и рептилиям, но никогда не встречается у млекопитающих, а — подобный ему. Судя же по описаниям очевидцев, позвоночник монстра был слишком длинным, а голова слишком маленькой для акулы. Разлагающаяся ткань не имела специфического, столь знакомого профессионалам рыбьего запаха. Скорее всего, она пахла разлагающимся мясом. Тут уж специалистам и карты в руки! Разночтений быть не может. Не кит, не акула. А кто же? Остается думать о рептилии.

Возможны ли элементы другой химии? Отсюда «непотопляемость» этих существ в океане нынешних бактерий? Что-то это мне напоминает... Конечно, историю о мокеле-мбембе. Конго, район Ликуалы, озеро Теле.

О нем всегда говорят в единственном числе. Бывают такие загадки прессы: никаких сведений для читателя не жаль, а вот одно всегда умалчивается. В действительности же видели вместе и двух, и трех особей. В 1956 году племя пигмеев блокировало протоку, из которой только что вышло феноменальное животное, шестью, почти стволами. Когда же оно собралось возвращаться в «свой» рукав реки, то оказалось в ловушке. И охотники забили его стрелами. Доказательством верности рассказа могут послужить и поныне валяющиеся на месте происшествия сгнившие стволы деревьев, использованных для запруды. Вся органика существа была быстро утилизирована обитателями джунглей. И кости в том числе. (Во всех охотоведческих — хотя бы по средней полосе России — книгах можно найти: если кал лисы или волка белого цвета, значит хищник долго не встречал добычи и питался только старыми костями прежних своих или чужих жертв, то бишь в природе все находит применение и уничтожается заподлицо.)

Самое главное произошло следом за гибелью мокеле-мбембе. Люди разрезали его, поджарили куски и съели. Все, кто участвовал в пиршестве, умерли. Что же произошло? Иная химия? Во всяком случае, по-моему, здесь мистикой и не пахнет, ибо табу не едят. Именно об этом рассказали жители, так и не отведавшие жаркого.

О мокеле рассказывали президент района Эпены области Ликuala, рыбаки, учителя, чиновники мини-стерства сельского хозяйства. Видели многие его следы, встречались с ним взглядом, рассматривали друг друга — и подолгу. Его все боятся. Хотя оно никого не съело за всю историю знакомства с человеком. Оно растительноядно. Убийственно длинный и мощный мускулистый хвост очевидцы сравнивают по механизму действия с крокодилым. Смертоносное это оружие направляется против едущих в лодке или сплавляющихся на плоту. Цвет у разных животных разный — от черного через коричневый к красному. Можно в то же время предположить, что так проявляется некое свойство кожи (феномен хамелеона).

Конголезцы узнают облик мокеле-мбембе, взглянув на рисунок бронтозавра. Шея толщиной с ногу человека. В месте присоединения к туловищу она более широкая. Голова по диаметру шире шеи, но на общем фоне животного она кажется маленькой. Большинство свидетелей на голове разглядели отростки, выглядящие как петушиный гребень. Уже в донесениях римскому папе французских миссионеров, датированных 1776 годом, описано земноводное, до сих пор неизвестное науке, имеющее массивное туловище, длинные шею и хвост...

Мокеле-мбембе прокладывает на своем пути в чаще нечто вроде просеки шириной до четырех метров. Как? Тяжестью тела. Как и его сородич между озерами в Ямало-Ненецком округе. Интересно, каким образом и в каком направлении передана эта особенность: от конголезцев ненцам, или наоборот? Шутка, в которой есть доля вполне серьезного...

Поразительно, что ни одна экспедиция на озеро не находила в себе сил, чтобы понаблюдать долее месяца за его обитателями, хотя само озеро измерено вдоль и поперек и детально зарисовано. Такое впечатление, что и за данными о мокеле исследователи направляются в свой отпуск и на свой счет, как в России. Конечно, животное ведет преимущественно ночной образ жизни — и в этом реальная трудность его обнаружения.

Зато экспедиция Германа Регюстера добилась на сегодняшний день кое-каких успехов! Есть запись криков монстра озера Теле. Калифорнийский ученый Кенит Тамплин очистил ее от помех с помощью компьютерной аппаратуры. Сравнил с голосами других крупных африканских животных, обитающих в джунглях и болотах, — слонов, горилл, гиппопотамов. Он пришел к выводу, что записанные звуки принадлежат никому неизвестному существу. Вот так вот.

А выпускник Гаванского университета конголезец Марселей Аньянья с несколькими спутниками удостоверился визуально, что такое животное в озере есть: им повезло рассматривать его с расстояния 250 метров около двадцати минут. Положено хорошее начало исследованиям! Но с тех пор прошло уже семь лет, а мы вспоминаем об этом, будто все произошло вчера...

Африка, не подверженная ни климатическим, ни геологическим изменениям со времен мезозоя (неясно еще влияние последних засух), изобилует живыми ископаемыми. Живые ископаемые — не есть ли это само бессмертие в человеческом масштабе?

В конце 1987 года была предпринята попытка положить конец легенде о рептилии из шотландского озера Лох-Несс. Двадцать четыре катера со сверхчувствительными сканирующими гидролокаторами, способными зафиксировать каждую рыбку, прошли озеро из конца в конец, сосредоточивая особое внимание на глубинах, превышающих двести метров. Экраны мониторов животного не обнаружили. После такого эксперимента местные власти подписали декрет о рыбозаповедении в озере и о траловом лове. Но торопиться с выводами не следует. Такие животные, которые сдерживают свое любопытство к людям, все же в каких-то экстремальных для них условиях еще получают возможность напомнить о себе. И не раз!

Можно рассказать об этом на примере животного, — но все же потаенного, — скромной по размеру синайской гадюки, ведущей подземный образ жизни в различных ландшафтных зонах Африки. У нее нет необходимости «общаться» с людьми. И все же в сезон больших дождей, что бывает в Африке теперь так редко, она появляется на поверхности. Можно и на примере гигантов. Как это

произошло в Боливии в сезон чрезвычайных дождей. Хозяин пастушеского домика, возле озера Святого Рудольфа, выйдя утром из дому, обратил внимание на след, ведущий из воды. Он был глубок, будто его пропорол клык бульдозера или будто на том месте протащили огромный катер. Ширина траншеи — четыре метра, глубина — метр. След вел к сооружению для скота (в то время пустое) и обратно.

Свидетель — бедный фермер, не имеющий подходящего для такой подделки ни бульдозера, ни катера, да и в силу своей малограмотности не интересующийся проблемами криптозоологии. Если бы он захотел рекламы своему бедному хозяйству, то описал бы зверя для яркости ради сенсационного ужаса... Но он и взаправду не видел чудовища, навестившего скотный двор. Жители Восточной Боливии хорошо знают этого пришельца под именем миньокао. Итак, в разговор с конголезцами вступили не только ненцы, но и боливийцы? Все больше членов неформального объединения «Динозавр, наш современник».

Самое главное — надо почаще перечитывать «Земное эхо солнечных бурь» А. Чижевского. Годы всплесков солнечной активности, как правило, и несут с собой неожиданное. Это не только восстания, войны, но и другие необычные вещи в эмоциональной и психической сферах. Как в периоды сильных дождей внезапно приоткрывается выход из самых потаенных экологических ниш и происходит то, что должно произойти, — открываются глаза, поднимаются веки. Бессмысленны все же (хотя и интересны) перечисления случаев встреч, кочующие из статьи в статью, без попытки дать свою концепцию происходящему. Итак, предлагаю гипотетических китов, опираясь на которые можно попытаться «оправдать» очевидцев встреч с невероятными монстрами: 1) иные, нежели у всего прочего живого, элементы химического состава организмов чудовищ, 2) связанное или не связанное с этим долголетие, 3) существование в таких экологических нишах, которые в обычных условиях никак не приоткрываются человеческому глазу, 4) необычный энергообмен.

Достанет ли человечеству терпения, трудолюбия, нравственных табу, чтобы в естественных природных условиях вживе увидеть таящихся от него зверей? У которых одна цель — выжить.

Глава 11: Крик мамонта, или кто в теремочке живет

Как печать информирует читателей о потаенных зверях? Обезьяна, слухи о которой перестали поступать после падения Рима, стала для Европы загадочным, почти бесовским существом. Представление о ней искоренялось. Вот почему приматология так молода.

В Ликуале конголезский ученый по своим наблюдениям, а также по свидетельским показаниям уроженцев этой местности насчитал еще несколько крупных неизвестных науке животных. Это крокодил нколи, достигающий в длину 15 метров, восьмидесятиметровый питон маамба, живущий в подводных пещерах, и мбиелу-мбиелу-мбиелу — животное, похожее на несколько вязанок хвороста...

В теремочке живут, конечно же, лягушка-квакушка и мышка-норушка, что достоверно известно любому слушателю трехлетнего возраста. Но где-то живут и другие звери, поэтому с возрастом открываешь для себя и нечто сложнее мышки с лягушкой. Велик был с первых дней творения замах Природы. Столь велик, что не все живые существа поместились в линнеевой классификации, в этом тереме-теремочке для взрослых. Многие остались за стенами этого гигантского сооружения, да и поныне остаются вне точно определенного учеными места на жительство.

Любознательность на поверку оказывается отнюдь не доминантным признаком Гомо сапиенса. Ибо чем же объяснить тогда такие непреодолимые преграды в любом новом деле, как косность, инертность, стереотипы мышления, стойкий консерватизм мировоззрения? А нежелание специалистов выслушать мнение или свидетельские показания так называемых простых людей о неведомых науке животных можно вообще отнести к пробному камню на любознательность.

Интуитивно равнодушны журналисты к сообщениям о следах невиданных зверей на неведомых дорожках, о новых животных, ежегодно обнаруживаемых. Обычно в печати проскальзывают две-три строки, два-три абзаца в день на такую тему. Но просмотрите периодику за любой месяц любого года — и таких сведений соберется немало. Я буду ссылаться на информацию в прессе, но не в хронологическом порядке, а по мере рассуждений о положении дел в криптозоологии.

Мы вправе предположить, что все не открытые до сих пор живые существа могут считаться криптозоологическими объектами. Всемирно известный палеонтолог начала девятнадцатого века Ж. Кювье утверждал в свое время, что вряд ли есть надежда обнаружить новые виды больших четвероногих. Наш современник доктор зоологии Б. Эйвельманс в книге «По следам неизвестных животных» вынес обвинительный приговор косности традиционной зоологии. Он считает, что открытие новых видов не должно и не может быть случайностью.

Итак, два мнения, две позиции.

Любой разговор приличествует начинать издали. Хотя бы, например, с эпоса. В киргизском «Манасе» (IX век) говорится о севере Синьцзяна (Китай):

*А известно ли вам, что есть
Чудеса, которых не счесть
На этом великом пути,
Что нам еще предстоит?..
Кто о диком верблюде слыхал?
Кто о том, что есть дикие люди, слыхал?*

Да, дикий верблюд официально, так сказать законно, был «открыт» лишь в семидесятые годы нашего века. Несмотря на то, что сколько существует верблюдоводство, столько же столетий пастухи и погонщики рассказывают об этом животном, жалуясь, что оно уводит самок из стада или каравана.

И его потомство, уклоняясь в сторону дикаря, затем возвращается с самками или без них в «цивилизованный» мир и портит привычный экстерьер одомашненных верблюдов (дикий выглядит весьма «сплюсненным»).

Заглянем в шестой номер «Науки и жизни» за 1973 год. На страницах 68—100 опубликована статья Айвена Т. Сандерсона «Я назвал его трехпалым». От редакции по этому поводу сказано: «Необъяснимое: нет, необъясненное». А на страницах 6—7 вкладки помещена карта об этом же.

Из небытия вопреки заключению Ж. Кювье вырисовываются очертания крупных животных, недавно открытых. Это медведь-кодык, волк Гагенбека, гривистый волк, африканский павлин, белый носорог, карликовый бегемот, большая лесная свинья, горная горилла, окапи, карликовый шимпанзе, латимерия, чепрачный тапир, носатая обезьяна, олень Давида, большая панда, такин, купрей, варан острова Комодо и прочая и прочая. Такая выборка впечатляет. За каждым из перечисленных стоит прежде всего большая работа людей разных профессий, вплоть до журналистов. Это потом уже, только будучи положенным на рабочий стол зоолога, неоднократно анатомированное животное обретает право на жизнь на страницах специальной литературы, да и, как это ни странно, по заведенным не нами правилам, и на жизнь в природе. Так и хочется воскликнуть: «Ур-ра! Разрешили!» К сожалению, основным постулатом в современной зоологии остается: «Уже невозможно допустить мысли, что какое-либо крупное позвоночное бродит незамеченным и неописанным».

Смешное название «снежный человек», опрометчиво (в расчете на сенсацию) данное журналистами некоему животному, обернулось насмешкой для тех же, кто его так называет до сих пор. Как писал американский журналист Д. Грин, если хочешь прослыть сумасшедшим, напиши что-нибудь о «снежном человеке» всерьез.

И тем не менее это таинственное существо фигурирует во многих монастырских летописях, на страницах записных книжек некоторых путешественников и предстает в разных произведениях искусства. Известна пуническая надпись на камне о путешествии Ганнона вдоль западного побережья Африки. Она высечена в храме Кроноса в Карфагене предположительно в Увек до н. э. («Курьер ЮНЕСКО» за декабрь 1970 года). И уже тогда это существо называли троглодитом. Было оно известно и средневековой науке. А в середине XVIII века К. Линней (за сто лет до обнаружения ископаемых гоминидов) в противоположность человеку разумному назвал нашего героя пещерным, или ночным, троглодитом.

Зафиксирована встреча этого существа с зоологом (что важно!) К. А. Сатуниным, ученым серьезным. Им вообще открыты и описаны 6 родов и 60 видов и более 40 подвидов неизвестных ранее науке животных, преимущественно позвоночных! Преподаватель кафедры этнографии и антропологии Киевского университета Ю. И. Мережинский не только первым собрал сведения о кавказском гоминоиде, но и первым из ученых один (остальные были далеко от него) ночью во время полнолуния видел из засады белый экземпляр 18 сентября 1959 года. На сегодня собраны сотни сведений о встречах на Кавказе с реликтовым гоминоидом, в том числе совсем недавно — в восьмидесятые годы (к большому сожалению, сбор такого материала сейчас не интересует почти никого, все стремятся поймать реликта немедленно и получить Нобелевскую премию). Обо всем этом уже писалось. Но материала, похороненного под спудом, значительно больше, чем увидевшего свет. И тем не менее нашей гордостью можно считать монографию Бориса Федоровича Поршнева.

Интересны его статьи разных годов в журналах «Вопросы философии» (1955, №5), «Советская антропология» (1957, №2), «Доклады Академии наук СССР» (1969, №1), а также «Советская этнография» (1969, №2).

Вернемся к журналу «Наука и жизнь». Правильно написано, что «снежный человек» пока неуловим, хотя следы его пребывания отмечены почти на всех материках», журнал предполагает его присутствие на карте лишь в Северной Америке и Непале. Это более чем неполно. Особой смелости для обозначения

того же предполагаемого возможного наличия хотя бы на Кавказе не требовалось. Просто в списке литературы надо было сослаться на фамилию Б. Ф. Поршнева, ученого, крупного советского историка, доктора исторических наук и доктора философских наук, успешно работавшего в смежных с исторической наукой областях социальной психологии, этнографии, антропологии и биологии. Работы его опубликованы на нескольких языках мира. Как ученый он достойно представлял советскую науку на многих международных конгрессах, конференциях.

Нельзя же в самом деле так уважать зарубежные данные, что в угоду неведомо кому забывать об отечественных исследованиях. Можно ли всерьез представить себе преимущества свидетельств непальского охотника или пастуха перед пастухом или охотником абхазским? Или требовать от кого-то невероятных доказательств истинности рассказанных событий, а у нескольких тысяч людей — не требовать? Нет уж, коль это социологический опрос, то ведите себя достойно!

В Бюллетене Бельгийского королевского института естественных наук в 1969 году была опубликована статья профессора Б. Эйвельманса об исследованиях замороженного экземпляра реликтового гоминоида («Азия и Африка сегодня», 1982, №10), попавшего с тысячами запретов и оговорок ненадолго в руки автора статьи и американского зоолога А. Сандерсона. Так вот статья эта заканчивается словами... благодарности нашему ученому, признанием его заслуг: «Те, которых увенчала удача, настоятельно желают присоединить к своему успеху своего коллегу профессора Бориса Ф. Поршнева, без вклада которого они двое никогда не могли бы охватить проблемы во всей ее полноте и который видит здесь, вероятно, триумф своего собственного тезиса...» Вот это комплиментарность!

Мы любим говорить о приоритете нашей науки. Но... почему-то еще совсем недавно о приоритете чаще всего говорили задним числом. В последнее время наметилась тенденция к тому, чтобы отечественные научные разработки были бы вовремя застолблены в пространстве и времени.

Хотелось бы, чтоб редакции журналов и газет не превращали информацию о «снежном человеке» в шарж. Разве так уж смешно предположение о существовании животного, постоянно уходящего не только в случае опасности, но и от нежелания контакта вообще, от человека? Обидно, конечно, что уходит, но потерпите немного. Стоит ли кормиться фельетонами и скрывать беспомощность под маской смеха? Это не позиция.

Предполагаю, что, попади это легендарное животное на препаратный стол, не одно сердце забьется учащенно. Памятники лягушке, собаке, обезьяне о многом говорят и напоминают о долге «царя природы» хотя бы перед такими морскими животными, как киты, моржи и дельфины. Срезы их органов фигурируют во всех зоологических работах на темы, имеющие отношение к морской фауне. И хотя уже не раз ставился вопрос о щажении таких крупных животных, даже сама необходимость постановки его глубоко ранит представление о нравственных ценностях.

На эти мысли меня навела прекрасная книга В. К. Орлова, только что изданная «Мыслью», «В краю большого медведя». Помимо попытки разобраться с таким криптозоологическим объектом, как шестипалый медведь-кочатко, автор рассказывает об уникальной природе Крайнего Северо-Востока. Особенное внимание привлекло описание болотистой тундры устья реки Колымы, родины розовых чаек. Воспользуемся собранными воедино сведениями Орлова.

Историю открытия розовой чайки связывают с освоением ледяных просторов Арктики. Как всегда в таких случаях до нас доходят сведения не вообще людей-первопроходцев, а лишь тех, кто способен все это зафиксировать письменно. Считается, что англичанин Росс первый встретил птицу невдалеке от острова Мелвилл в июне 1823 года, довел это до сведения общественности. Видел ее во льдах Арктики и великий Нансен. О ней писал Толь, грандиозный мечтатель, один из «родителей» Земли Санникова. Американский натуралист профессор Ньюкомб выносил из Арктики, выходя из экстремальной ситуации, за пазухой несколько шкурок розовой чайки, вовсе неведомой Новому Свету.

Справедливости ради следует сказать, что к этому времени несколько чучел птицы уже имелось в музеях Европы. Можно подумать, что в этом удивительного? С 1823 года прошло восемьдесят два года, как люди узнали, что это — обыкновенные птицы. Этих чаек встречали практически всегда во льдах Центральной Арктики. А их гнезда искали в Гренландии на архипелаге Франца-Иосифа и ... не находили. Возник миф о гнездовании на мифической же Земле Санникова. И только в 1905 году, благодаря русскому зоологу С. А. Бутурлину, удалось обнаружить гнезда, яйца и выводки розовой чайки в низовьях Индигирки, Алазеи и Колымы. Вот когда ученые вздохнули свободно: конец мифу. Но так только казалось: розовая чайка оставалась загадочной птицей. Прошло еще восемьдесят с лишним лет, но и сегодня к сведениям, полученным в начале века, мало что прибавилось. Гнездятся розовые чайки в мае, но при затяжной весне осторожны и ждут благоприятных условий. Поставив птенцов на крыло, они улетают не в жаркие страны, а ... в полярные моря, во льды Северного Ледовитого океана. В октябре слетаются к мысу Барроу и улетают на восток. Тут следы их полностью теряются. Никто до весны птиц не видит. Разве не потайные птицы? Самое удивительное, как они спасаются от пурги, морозов? Чем кормятся в полярную ночь? Запомним эти вопросы. Ответы на них не укладываются в рамки реальных представлений о способностях животных. Ведь те же вопросы возникают и при обсуждении возможных параметров жизни реликтового гоминоида на Севере. Так вот мне его положение кажется гораздо лучшим, чем положение той же розовой чайки. Какая же должна быть энергетика у этих хрупких необыкновенно красивых созданий! Конечно, надежды на Землю Санникова мало. Незамерзающие полыньи, «кольца жизни»? Не знаю, да и никто не знает. Я лишь хорошо представляю себе некоторых орнитологов, которые ради вящих доказательств имеют привычку ставить капканы на гнезда реликтовых птиц! И — успешно выполняют свои планы. Зная, через что прошла розовая чайка к своему гнездовью, отказываюсь это понимать. Зачем, какой науке нужен капкан, поставленный на живом? С восторгом вот уже лет пятьдесят пишут о латимерии (целакант). Будто это открытие произошло только вчера. Латимерия возникла из небытия в 1938 году. За это время пора было бы выработать какие-то этические положения по отношению к подобным редкостям. Я понимаю, что местные жители ловят этих рыб как и до открытия. И это естественно. Но сегодня вездесущие японские исследователи впервые провели киносъемку двух таких ископаемых. Как сообщается в первом номере журнала «Наука и жизнь» за 1988 год, два крупных экземпляра (60 и 65 килограммов) были пойманы на глубине триста метров в Индийском океане вблизи Мадагаскара. Для съемок их подняли на отметку глубины пятьдесят метров. «К сожалению» (честно написано в журнале, но такая трезвая оценка (авторское отношение) очень редка), глубоководные рыбы погибли, так как обычно зона их обитания — около 700 метров. О, век информации! Все всё знают. И поступают так, как поступать бы не следовало... «Однако снятые кадры позволяют изучить своеобразный способ плавания, свойственный этим древним животным» (это агонизирующий стиль, очевидно? — М.Б.). Воистину слабое утешение. Оценка содеянного а подобных случаях должна всегда наличествовать. Мало чем утешаются бизнесмены от науки!..

В «Правде» за 29 сентября 1987 года в корреспонденции «Идущий за тайной» рассказано о существовании довольно потаенном, подобном Несси или «снежному человеку»: о медведе-иркуйеме. Корреспондент никак не оговорил слова ретивого поисковика (с. Тилички Корякского национального округа): «На этот раз иду в тундру не один, с напарником, — сообщил он (пожарный) на прощание. Если потребуется, не пожалею для поиска и своего отпуска». Статья производит такое впечатление, что ни автор, ни его герой не знают, что важнее — сохранить жизнь уникальному животному или немедленно его утилизировать для безмерно дряхлых ученых, сидящих в кабинетах больших городов, вместо того чтобы выехать на место. Неужели научность состоит в том, чтобы дать указание раздобыть шкуру, верхний или нижний ряд зубов?

И это в наши дни, когда речь идет о крупнейшем звере, достигающем веса около тонны и похожем чем-то на полярного медведя. Но у зверя короткие задние ноги, а передвигается он неуклюже, словно гусеница, последовательно выкидывая передние и подтягивая задние лапы. Что может сделать один человек, обученный пожарному делу? Еще одна трагедия в мире живого и невозможного? Даже на отстрел кабана выписывают лицензии... То же и для «простого» медведя бурого. А здесь? А на отстрел или усыпление и вывоз из тайги так называемого реликтового гоминоида? Ведь именно эти акции обещали читателям в два ближайших года несколько центральных изданий... Очевидно, что судьбою всех животных должны заниматься только профессионалы с высокими нравственными устоями, а не потенциальные мясники или охотники до мяса.

В номере «Науки и жизни» с заметкой о целаканте помещен также материал «Жив ли тасманийский тигр?». Она привлекает внимание не только рассказом о звере истребленном, но и тем, что затронут вопрос доказательств. Та же история, что и с медведем: из центров цивилизации посылаются нелепые команды ученых, а малограмотный человек, случайный свидетель очевидного и невероятного, должен наступить на горло собственной песне в поисках... доказательств, хотя ему-то самому все давно ясно. Сумчатый волк, или тасманийский тигр, когда-то достигавший двух метров в длину и более полуметра по высоте в холке, в прошлом буквально заполнял австралийский материк. Исчез, как полагают, около трех тысяч лет назад под атаками появившейся тогда собаки динго. На острове Тасмания добывали их колонисты, под предлогом защиты овец. А добила учрежденная правительством премия за каждую голову... Итак, уничтожение последних двух с половиной тысяч зверей было сознательным. Но до середины сороковых годов местные жители еще встречали... следы животного. В 1934 или 1936 году погиб последний тигр в зоопарке.

Сегодня активно обсуждаются снимки, сделанные там, где, как считают, тигр исчез три тысячи лет назад. Сделал их в лесу (почти как всегда в таких случаях) абориген с расстояния нескольких метров. И как всегда (я настаиваю на этом), щелчок фотоаппарата испугал зверя, он скрылся... Сделаны даже слепки следов (что большинству людей кажется до поры до времени важным и неопровержимым, а затем игнорируется, как и все остальное). Удачливый абориген даже имеет массу фотографий предполагаемых жертв тигра. Это мелкие кенгуру, убитые характерным для зверя способом. А теперь самое главное. Именно этот охотник не только не был знаком с научной литературой на эту тему, чтобы придумать-додумать для вящей славы все это. Он вообще недавно научился читать и писать. Тем не менее каждому зоологу есть что сказать по поводу проделанной работы! Дескать, снимок недостаточно выразителен, да и вообще собранный материал стопроцентной уверенности не дает, хотя предположить что-либо другое тоже никто не в состоянии. Позиция так называемого диванного читателя или телезрителя, а то и самого телекомментатора, выступающего в оскорбительном тоне против... сюжета, заснятого давно и прокручиваемого как форма издевательства. Вот случай, когда, казалось бы, многое известно, добыто на месте, но неохота специалистам в такую глушь идти. Конечно, не просто длительно, целенаправленно, профессионально работать, даже, например, изучая изменения длины усов крысы под влиянием искусственного освещения. А когда так называемый простой человек преподносит нечто, затрагивающее честь мундира, начинается выдвижение все новых и новых требований. Будто случайного очевидца кто-то в командировку послал, да еще и командировочные ему выдал! А теперь, дескать, подавай отчет! Дело простое — работать надо. И, как говорит Б. Эй-вельманс, превратить случайность в планомерность. Добавлю — невероятное в очевидное.

После такого горестного повествования о реальных животных можно позволить себе вспомнить и других, служащих развлечением для средств массовой информации. В криптозоологический ряд войдут и доисторический африканский чипекве, и лев Восточной Анголы, и трехпалый сильганеманзи

Индийского океана, напоминающий крокодила, но размерами гораздо больше. Нельзя забывать и отечественных: кавказского крокодила, кита приполярья, чудовищ озер Хайыр, Лабынкыр, Эльгыгытгын.

А что такое — «крик мамонта»? На него до сих пор жалуются в Ямало-Ненецком округе, объясняя тем, что мамонт от человека жить в землю ушел, а чужья смерть, выходит ближе к поверхности и трубит последнюю песню... Жуткое дело слушать такое, слушать — и не видеть, что же это на самом деле?

В 1962 и 1963 годах на Лабынкыр отправлялись экспедиции (первая — ихтиологов с группой энтузиастов из Москвы, вторая — ученых из Дубны), они заранее были обречены на неуспех. Участники первой оказались людьми трезвомыслящими, они сами констатировали факт, что не обнаружили лабынкырского черта лишь потому, что среди них не было специалиста. Более честного признания трудно добиться.

Ну а теперь о самом-самом... И не боюсь рассердить серьезных мужей! И так, трудно представить себе большего реалиста, чем наш естествоиспытатель-землепроходец В. К. Арсеньев. На страницах его книг и путевых записей зафиксировано еще немало не востребованных человеком и пока непонятных происшествий, непонятных не только ему самому или не только его современникам, но и нам, ныне живущим. Достаточно вспомнить широко известное наблюдение шаровой молнии в уссурийской тайге.

Так вот, во время путешествия «В горах Сихоте-Алиня» (М., Географиздат, 1955 г.) он описал случай, произошедший лично с ним, то есть дал свидетельские показания. По Арсеньеву, 11 июля маленький отряд достиг реки Гобилли... Устроились биваком в тальниковой роще. Автор кликнул свою собаку и пошел по берегу реки...

«Я шел осторожно, иногда останавливался и прислушивался; собака моя плелась сзади. Тропа стала забираться вправо, и я думал, что она заведет меня в горы, но вот впереди показался просвет. Раздвинув заросли, я увидел быстро бегущую воду в реке, по которой стремительно неслись клочья пены и всякий мусор. Дождь перестал совсем, температура воздуха понизилась, и от воды стал подниматься туман. В это время на тропе я увидел медвежий след, весьма похожий на человеческий. Альпа ощетинулась и заворчала, и вслед, за этим кто-то стремительно бросился в сторону, ломая кусты: Однако зверь не убежал, он остановился вблизи и замер в ожидательной позе. Так простояли мы несколько минут. Наконец я не выдержал и повернулся с намерением отступить. Альпа плотно прижалась к моим ногам. Едва Я шевельнулся, как неизвестный зверь тоже отбежал на несколько метров и снова притаился. Напрасно я всматривался в лес, стараясь узнать, с кем имею дело, но чаща была столь непроницаема и туман так густ, что даже стволов больших деревьев не было видно. Тогда я нагнулся, поднял камень и бросил его в ту сторону, где стоял неведомый зверь. В это время случилось то, чего я вовсе не ожидал. Я услышал хлопанье крыльев. Из тумана выплыла какая-то большая темная масса и полетела над рекой. Через мгновение она скрылась в густых испарениях, которые все выше и выше поднимались от земли. Собака выражала явный страх и все время жалась к моим ногам. Меня окружала таинственная обстановка, какое-то странное сочетание лесной тишины, неумолчного шума воды в реке, всплесков испуганных рыб, шороха травы, колеблемой ветром. В это время с другой стороны слышались крики, похожие на вопли женщины. Так кричит сова в раздраженном состоянии. Не медля больше, я ободрил собаку и пошел назад по тропинке... Вечером после ужина я рассказал удэгейцам о том, что видел в тайге. Они принялись очень оживленно говорить о том, что в здешних местах живет человек, который может летать по воздуху. Охотники часто видят его следы, которые вдруг неожиданно появляются на земле и так же неожиданно исчезают, что возможно только при условии, если человек опускается сверху на землю и опять поднимается на воздух. Удэгейцы пробовали за ним следить, но он каждый раз пугал людей шумом и криками, такими же точно, какие я слушал сегодня». Затем Арсеньев, как любой неравнодушный, стал собирать легенды на эту тему. Все они оказались в такой степени подавленности мифологизацией, когда уже трудно

выхватить истину, если параллельно не встретишь достаточно реального рассказа, а тем более сам не столкнешься с невероятным.

Мечтать — не значит отвлекаться от повседневности или снижать производительность труда. Мечтать, догадываться и искать — значит одно: не отрицать с порога гипотезы и не обрезать крылья. Птицам и романтике!

Вот и закончен разбор темы: пресса и неизвестные науке животные. Но каждый день происходят события,, которые заставляют тревожно биться твое сердце. Такое случилось совсем недавно. Сведения только сегодня, после написания этого раздела книги (май 1989 года) поступили ко мне. И сейчас я вынуждена извиниться перед читателем, но во многом повториться, лишь бы довести начатый мной разговор до логического конца. Признайтесь, некоторым из вас показалась преувеличенной тревога за животных, которые еще не прописаны, на Земле, не получили паспорта? Еще и еще хочу сказать вам...

Когда разрабатывается новая глава даже в уже, казалось бы, хорошо и давно известных областях человеческой деятельности, то, как можно предположить, следовало бы прежде всего освободиться от наработанных штампов. Есть они и в такой стабильной науке,, как зоология. И как бы ни было обидно людям, работающим в этом направлении, следует откровенно признать, что зоология сложилась в основном как предмет описательный. Общеизвестно, что животное, не прошедшее через анналы международного кодекса зоологической номенклатуры, не может быть признанным как существующее. Об этом знают все теоретики и практики зоологии. На том стоят. В то же время доктор зоологии Б. Эйвельманс лет тридцать назад высказал мысль, что «героический период зоологии» не завершен, исчерпано открытие менее редких и легче наблюдаемых видов, а поэтому требуются новые методы и, так сказать, новая философия зоологии для открытия остальных видов,, оставшихся до сего дня вне поля зрения ученых. Доктор исторических и доктор философских наук Б. Ф. Поршнев писал: «Раньше зоология приступала к делу только с момента, когда в кабинет ученого поступали скелет, чучело и шкура животного». Но верно ли это, когда речь идет об единично дошедших до нас из глубины веков экземплярах животных? Если сегодня кое у кого возник, наконец, естественный для человека протест против убийства некоторых крупных морских животных и в промысловых, и в исследовательских целях, значит человечество при всей своей деловитости и профессионализме не утратило каких-то старых добрых критериев гуманности? Интересно, что никто не может ответить в связи с этим: позади или впереди золотой век? Представьте себе, что все оставшиеся единицы некоторых видов, вынужденно ведущих скрытный от человека образ жизни, скорее всего в силу «представления» об опасности холодного и огнестрельного оружия, неперемногого спутника человека на природе, вдруг бы... По какой-то, предположим, весьма прозаической определенной причине (активизация деятельности вулкана, наводнения, летние заморозки) появились из своих потайных экологических ниш. Была ли бы тут же устроена человеком бойня? Как мы уже знаем, в древних летописях рассказывается о таких случаях (см. стр. 171, а также вклейку между стр. 128—129 в книге «Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы» Е. П. Борисенкова и В. М. Пасецкого: «Мысль», 1988). Как правило, избиения «наступающих» зверей случались большей частью, когда людям становилось страшно из-за необъяснимости происходящего. В наши дни таких массовых исходов крупных зверей, тем более неведомых, не наблюдается или мы об этом не знаем. Зоология любимыми сведениями о неизвестных науке животных чаще всего пренебрегает. Вот почему в последние сто лет открытия в этой области сделаны миссионерами, военными, химиками, но никак не зоологами. Мешают им заниматься своим делом их строгие представления о популяции, необходимом количестве животных для поддержания вида. Но никто и не утверждает, например, что мокемем-бембе еще способен воспроизводить себе подобных в том количестве, которое по зоологическим понятиям вписывается в теорию. Но в связи с предположением о реальности этого, а также других зверей наличествует еще ряд серьезных причин, приводящих к мистическому страху перед ними официальные сферы.

Есть и более спокойные примеры. В Корякском национальном округе среди людей, живущих на природе, давно известно, что там водится необычный медведь. О нем периодически (см. стр. 197) возникает более или менее благопристойный разговор. Завязалась уже давно и переписка между местным жителем, пожарным по специальности (я так часто негативно упоминаю эту специальность не потому, что не люблю ее, нет, лишь потому, что не следует так надолго оставлять свои непосредственные дела и углубляться всерьез в зоологию, хотя понимаю, что времени много и сердцу не прикажешь!) и заядлым охотником по увлечению, Р. Сиво-лобовым (село Тиличики) и ленинградским ученым Н. Верещагиным. Самое интересное, что еще в начале восьмидесятых годов Сиволобов маскировал свои цели удивительно верными мыслями: «Есть опасения, что тогда (в 1976, 1980 и 1982 годах) встречались едва ли не последние звери и в ближайшие годы они могут бесследно исчезнуть. А этого допустить нельзя!» И правда, как тут было с ним не согласиться! Но что получилось на деле? На деле руководство ученого заключалось в том, что из своего центра он постоянно давал указания: какие части тела могут служить истинным доказательством (речь идет не о защите, а о чиновничьих представлениях о доказательствах!) существования животного, называемого иркуйемом, что в переводе с корякского означает «волочащий по земле штаны», а тигильские коряки называют его кайнын-кутхо — «бог-медведь». Не в названии дело, а в том, что такой зверь давно и хорошо известен народу, но неизвестен науке, как сказал бы истинный зоолог — не зарегистрирован. А значит его нет. И убивать его... можно. Такой вот парадокс получается. Трех шкур, содранных с недавно убитых зверей разными людьми в разное время и доставленных ученому, оказалось недостаточно. Нелепость этого всегда понимал Р. Сиволобов. Доведенный до отчаяния, желающий сделать как можно быстрее открытие в науке пожарный, уходя в тайгу в 1989 году, поклялся во всеуслышание в очередной раз, что без новой шкуры из тайги не выйдет. И действительно ему повезло. Ему попался, вероятно, один из последних экземпляров зверя. Наконец-то Н. Верещагин, наставник и вдохновитель Р. Сиволобова, получил столь нужную ему нижнюю челюсть с зубами! Или, скажете, что охотник действовал механически и ни о чем таком не думал? Не верю.. Как бы мог описать событие сам охотник?

— Я его сразу не опознал. Навстречу мне шел крупный медведь, и я, пустив собаку, начал готовиться к съемке, как я считал, обычного медведя. Дело в том, что выглядит он немного не так, как его описывают некоторые «очевидцы».

Не спеша достал из рюкзака фотоаппарат, поменял объектив на телевичок с фокусным расстоянием 135 миллиметров. Прикрываясь кустиками, подошел метров на пятнадцать-двадцать, и сразу был обнаружен медведем, так как ветер был не в мою пользу. Снимать пришлось уже бегущего зверя. А бегать он действительно почти не умеет: убежавшего от меня почти на сто метров медведя я без особого труда догнал и...

Мы не можем сомневаться, что убит именно тот медведь, о котором столько уже написано, что его не может не быть!

Не только потому, что есть фотография его живого, снятого за две минуты до рокового выстрела, но вот еще и почему:

— Свисающие ниже анального отверстия ягодицы срослись. Очень толстый. Слабо развиты не только задние, но и передние конечности. При сравнении черепа иркуйема с черепами бурых медведей очень видны несколько явных различий. Строение тела и черепа указывают на его примитивность, древность. Консервативное ответвление науки должно остаться довольным проделанной работой. В драме задействованы следующие лица и исполнители: профессор Н. Верещагин, местный житель Р. Сиволобов, а также Камчатский отдел природопользования. Иркуйем препарируется. Ошибки быть не должно, прежде чем придет настоящая слава. Кто следующий?

Послесловие

В книге «Легенда для взрослых» обсуждается одна из загадок современности. Проблема так называемого «снежного человека», а также некоторых других потаенных зверей. Следует отдать должное добросовестности автора. Он, рассматривая очень многие аспекты темы, не избегает и таких, которые несут элементы противоречивости. Автора прежде всего интересуют факты, а затем уже их трактовка. Как можно прокомментировать собственно проблему «снежного человека»? Прежде всего следует сказать, что она гораздо шире и глубже, чем тема дискуссий в нынешней периодике. Если бы было все так просто, если бы все сводилось только к поимке и предъявлению неизвестного науке существа, то этот вопрос давно бы уже решился в ту или иную сторону. Сегодня проблему следует рассматривать как социальный феномен хотя бы потому, что в обществе наметился устойчивый интерес к ней. Были всплески, угасания, но интерес никогда не исчезал. Причем следует обратить внимание на то, что ни сторонники, ни противники ее ни в чем друг друга не убедили. Что же стоит за этим неугасающим интересом? Только ли заблуждение? Но все остальное предполагает заведомую выгоду, которую в данном случае трудно даже придумать. Тема гонима, работа не оплачивается. Слишком устойчив интерес, слишком много взаимоподтверждающих совпадений, чтобы позволить себе считать, что за этим всем нет ничего существенного. Дискуссия до сих пор сводится к вопросу реальности объекта, обладающего свойствами, большей частью присущими традиционным животным. Обсуждаются энергетический обмен, экологическая ниша, размер популяции. С одной стороны, много сотен показаний очевидцев, следы, их слепки, документальный американский фильм, некоторые материальные подтверждения, с другой — столь же убедительное мнение ученых, утверждающих, что такого существа не может быть в свете современных научных представлений. Как быть? Научная этика требует доверия. Видимо, следует доверять и той и другой стороне. Какой вывод можно сделать из этого? Возможны два варианта. Правы те, кто утверждает, что такого существа не может быть. Тогда, исходя из этики доверия, следует предположить, что существует ряд непривычных явлений, которые интегрируются в сознании очевидцев в обсуждаемый объект. И тогда труд исследователей состоит в том, чтобы разобраться во всех этих явлениях и понять, почему они осознаются именно через этот человекоподобный образ. В случае правоты других остается предположить за этим объектом свойства и особенности, не укладывающиеся в представления традиционной науки. Это-то и может объяснить, почему тема и идея «снежного человека» отменяются официальной наукой. У науки сегодня нет понятийного аппарата, позволяющего серьезно говорить на предложенную тему. Вероятно, только это может привести к какому-то третьему варианту, который будет отличаться от первых двух. По-моему, проблема заключается сегодня не в том, есть ли реальный зоологический объект, а в той последовательности и бесповоротности, с которой ей отказывают в праве на место в естественнонаучных исследованиях. Допустим, можно понять тех ученых, которые уходят от корректного обсуждения подобных сложных вещей, которые могут привести к пересмотру некоторых аспектов традиционной науки. Понять-то их можно, а можно ли их назвать учеными? Может быть, для решения вопроса гораздо важнее не зоологический, а социальный аспект, выяснение социально-психологических механизмов, вызывающих, с одной стороны, интерес к проблеме, а с другой — ее отрицание. И еще — хотелось бы предостеречь от крайностей и резкостей при обсуждении проблемы. Это все столь далекое от науки уже было. Причем длилось десятилетиями и стоило жизни тысячам людей. Пусть эта книга послужит приглашением к творческому конструктивному обмену знаниями. Только так можно взвесить и оценить доводы за и против, а также найти если не решение, то хотя бы подступы к нему.

А. М. Никифоров